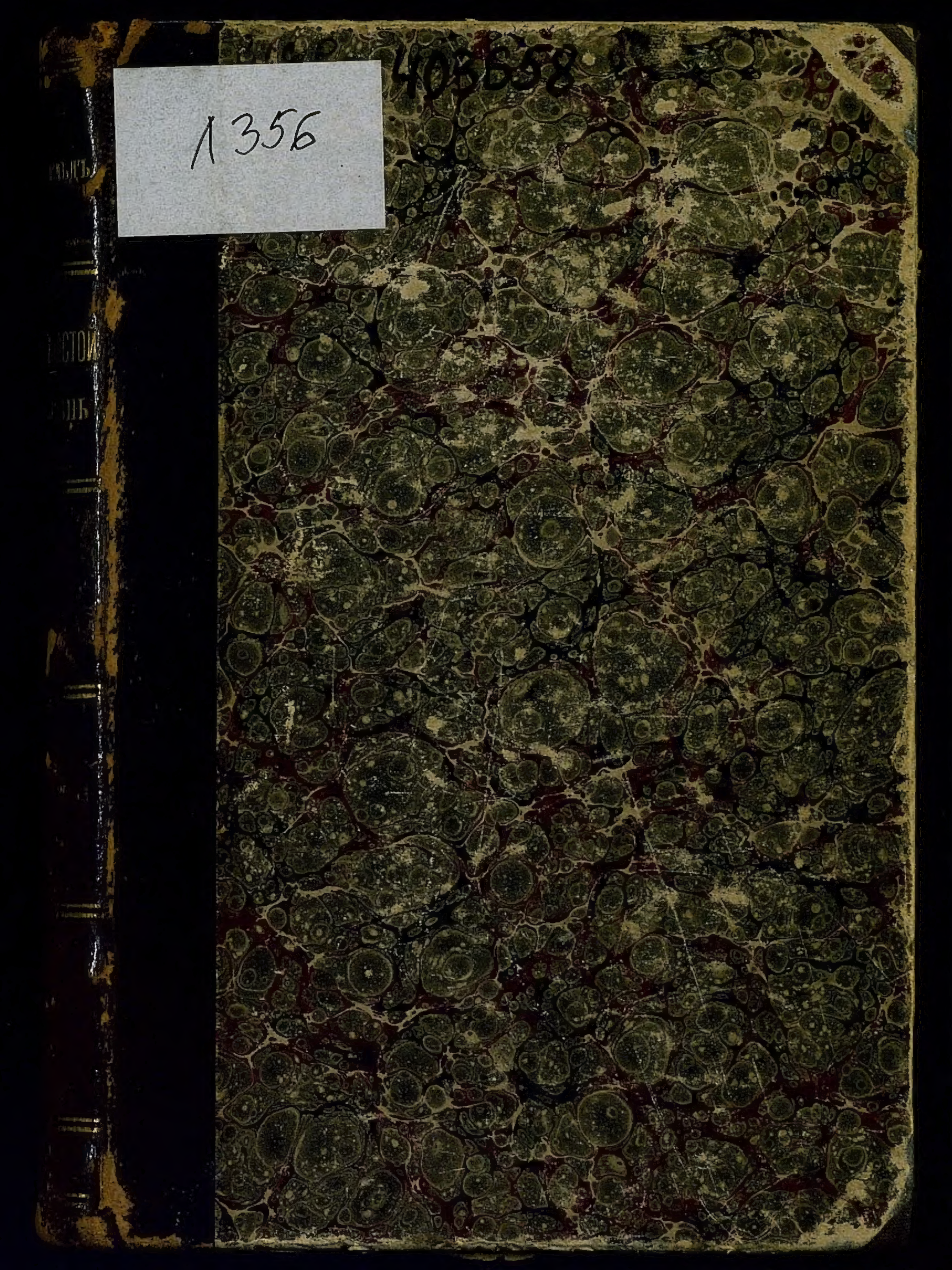
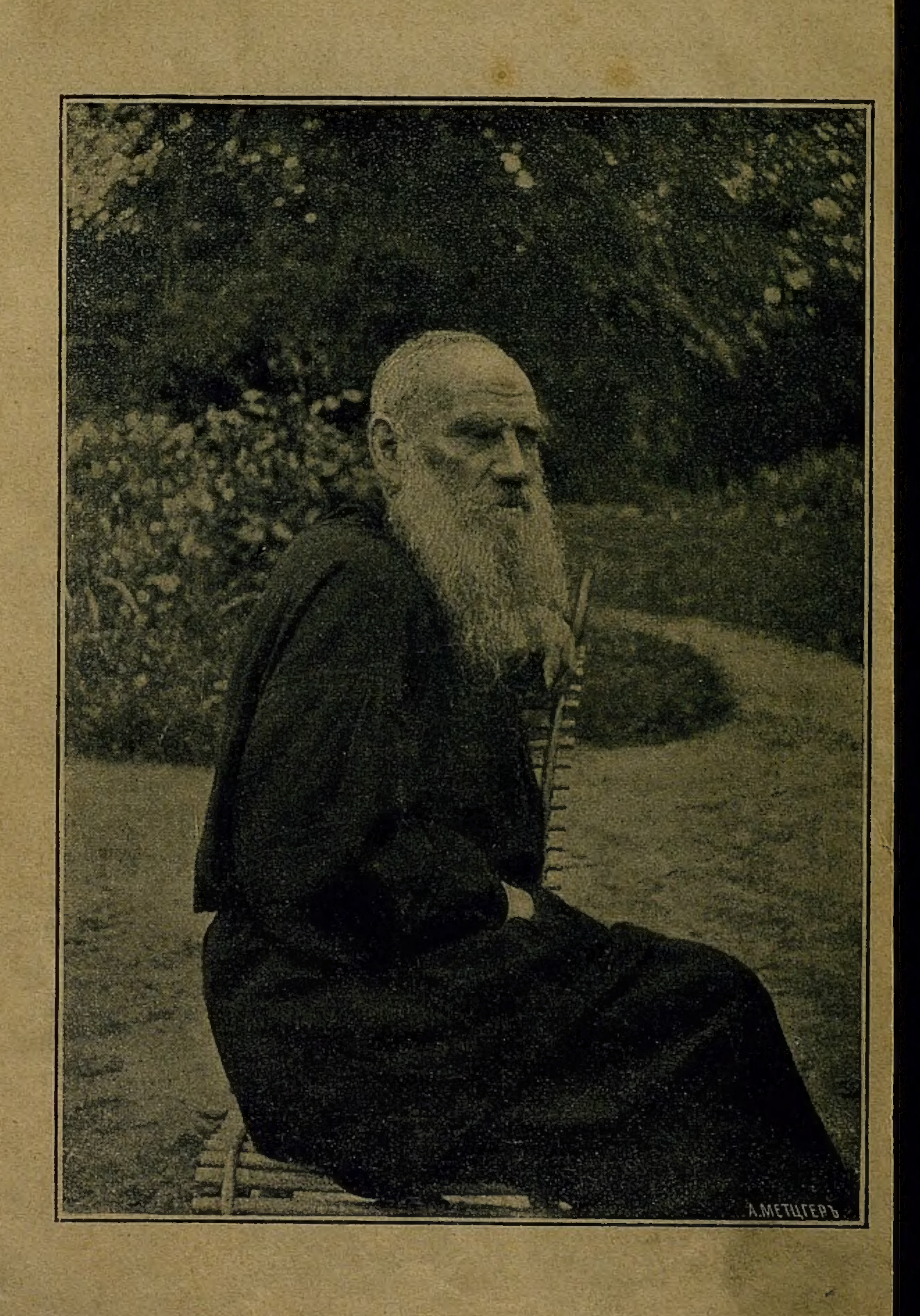
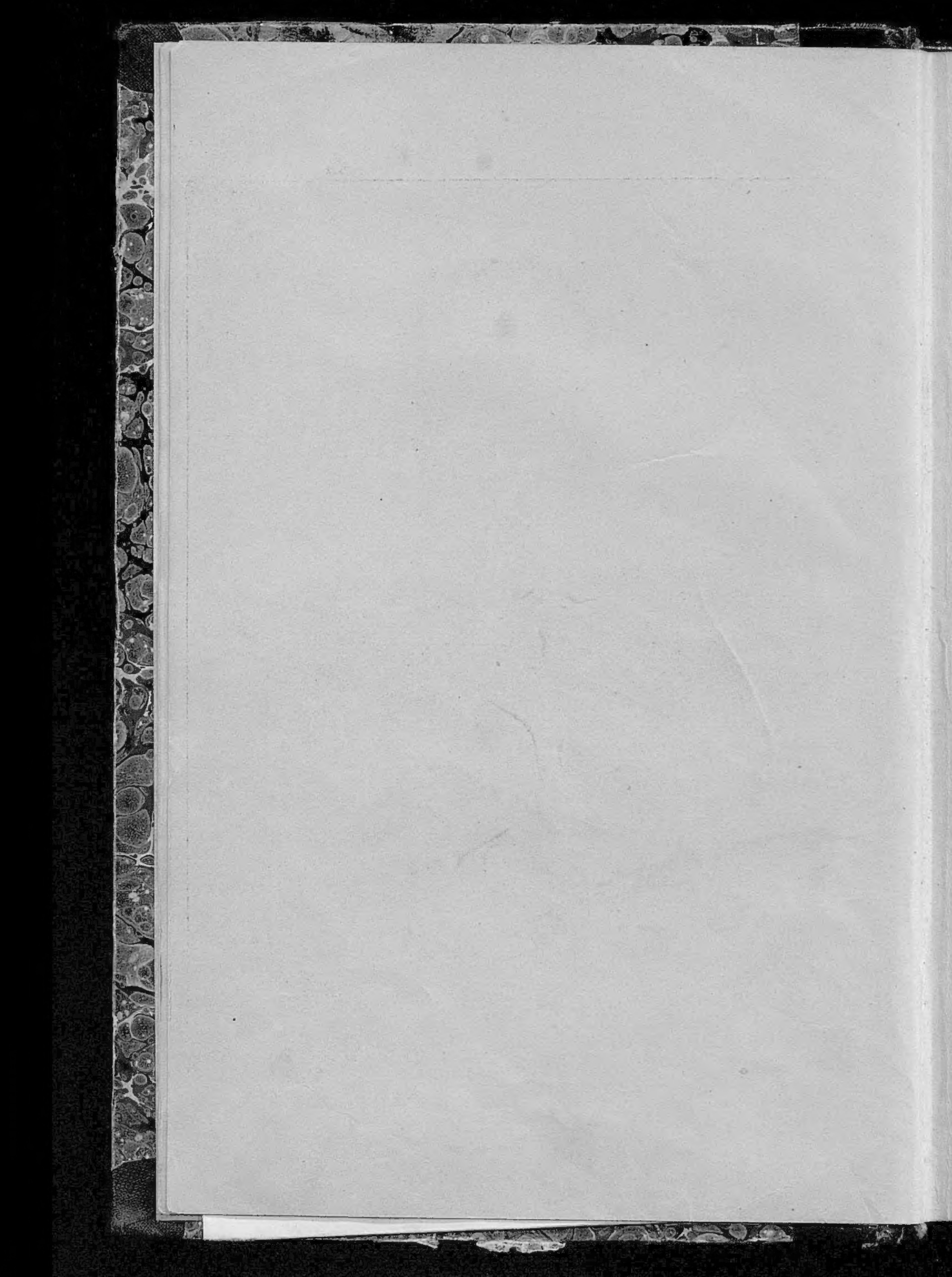

1356
403658

А. МЕТЦГЕРЪ

Софія Толстая

Изданіе Д. П. Ефимова.

Р. Левенфельдъ.

Гр. Л. Н. Толстой

Его жизнь, произведенія и міросозерцаніе.

Переводъ съ нѣмецкаго

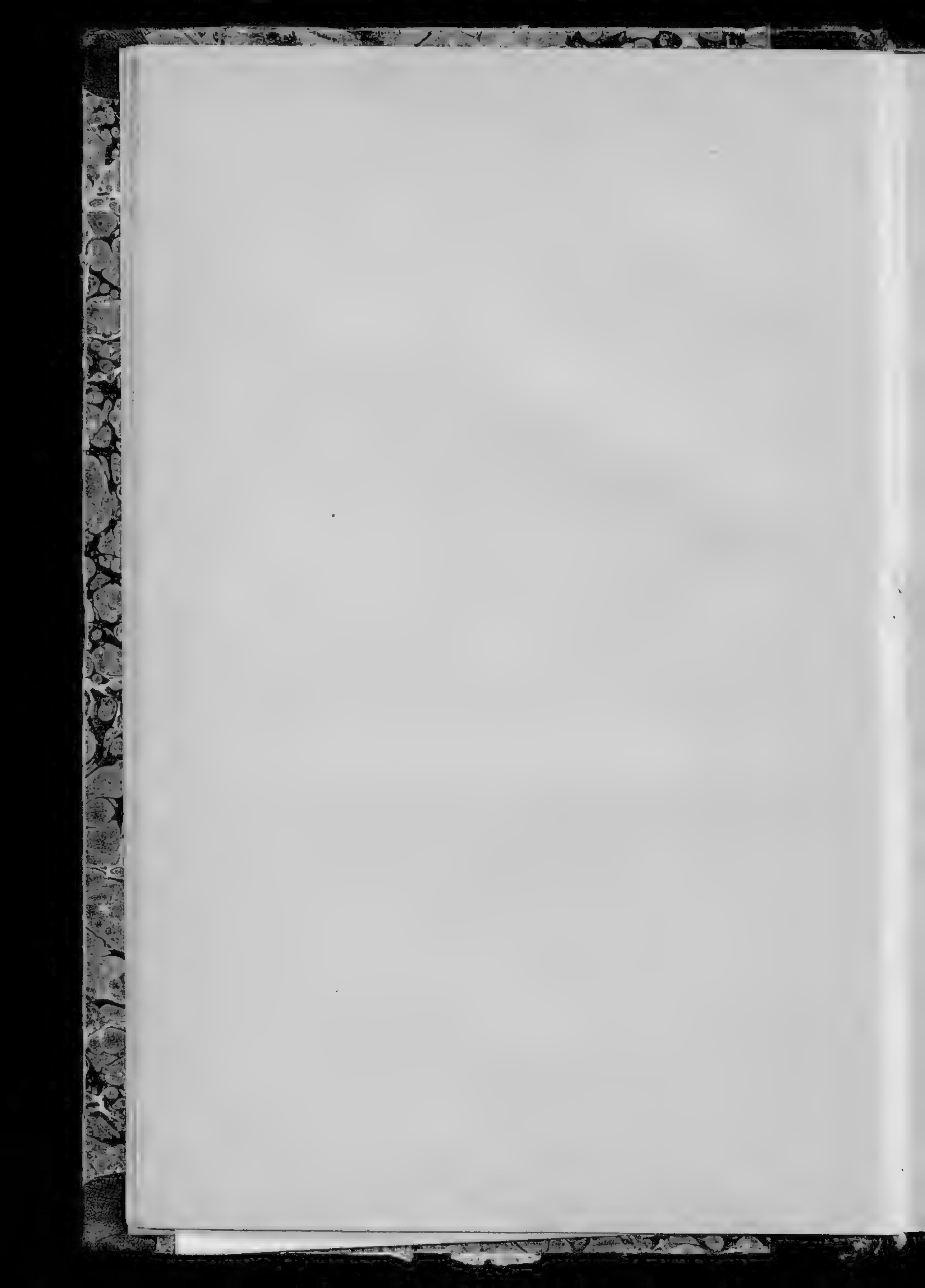
В. А. Перелыгиной.

МОСКВА.
Типографія Е. Гербекъ, 2-я Мѣщанская ул., д. № 26.
1897.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія

посвящается

Графинѣ Софьѣ Андреевнѣ Толстой.

Предисловіе.

Культура—безжалостная уравнительница. Чѣмъ старше она становится, тѣмъ съ большимъ упорствомъ уничтожаетъ всякую индивидуальность. Только самыя крѣпкія натуры могутъ противостоять этому упорству,—только онѣ могутъ развивать свои природныя способности и изъ безформенной массы выдвинуться, какъ самостоятельныя личности. Люди, съ неразвитымъ умомъ, считаютъ такихъ индивидуумовъ чудаками, потому-что не могутъ выносить, когда другой человѣкъ оказывается выше ихъ головой. Но кто далекъ отъ различнаго рода предразсудковъ и кто способенъ восторгаться великимъ, тотъ видитъ въ этой самостоятельности проявленіе необыкновенной силы, которая опередила современныя требованія и стала вѣрнымъ проводникомъ для будущаго поколѣнія.

Вотъ къ такимъ то именно личностямъ и принадлежитъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой, произведенія котораго подвергаются и

до сихъ поръ такой разнорѣчивой критикѣ. По своему происхожденію онъ принадлежитъ къ привилегированному меньшинству, а по мысли и чувству—къ друзьямъ слабыхъ и нуждающихся. Всѣ страданія его времени,—а въ его отечествѣ онъ чувствительнѣе отъ рѣзкихъ противоположностей,—находятъ полное сочувствіе въ его великомъ сердцѣ.

И самая его жизнь вполнѣ соотвѣтствуетъ его ученію. Ни у одного изъ нашихъ современниковъ не согласуется такъ дѣло съ словомъ, какъ у Льва Толстого. Въ этомъ то и заключается вся его заслуга, какъ человѣка, которую можетъ оспаривать только тотъ, кто смотритъ на свѣтъ съ точки зрѣнія своего личнаго я. Но тотъ, у кого свободный взглядъ на будущность и кто разумно прислушивается къ голосу своего времени, всегда признаетъ въ Львѣ Толстомъ одного изъ самыхъ рѣдкихъ людей, появляющихся въ великіе моменты исторіи, чтобы научить насъ, предостеречь, спасти! Достоинство Толстого, какъ человѣка, до сихъ поръ не всѣми признано, между тѣмъ какъ Толстой—писатель уже покорилъ весь міръ. Его произведенія переведены на всѣ языки и знакомятъ иностранцевъ съ русскими людьми. Только потому, что красота и цѣльность характеровъ имъ созданныхъ носятъ отпечатокъ чистой національности, изъ которой авторъ почерпаетъ всю свою силу, являются они для насъ цѣльными натурами въ общемъ человѣческомъ совершенствѣ. Въ этомъ-то и заключается все

достоинство великаго писателя, что онъ маленькій свѣтъ, съ которымъ, любя, сроднился, сумѣлъ сдѣлать изображеніемъ большого. Поэтому горе тѣмъ, которые стараются внѣшнимъ образомъ подражать такому писателю. Нельзя подражать тому, чего лично не видалъ и внутренно не пережилъ; а можно подражать только тому глубокому, трогательному сочувствію, которое одушевляетъ писателя и заставляетъ говорить гуманность языкомъ самаго мелкаго человѣка.

Я поставилъ себѣ задачей выставить личность Толстого въ самыхъ существенныхъ ея чертахъ. Но я надѣюсь, что къ первому *моему* опыту *критика отнесется снисходительно, потому что строгость примѣнима только тамъ, гдѣ изъ сотни мелкихъ біографическихъ замѣтокъ создается великое цѣлое. А біографія Толстого не имѣетъ предварительнаго матеріала. Ни на русскомъ, ни на нѣмецкомъ, ни на французскомъ языкахъ нѣтъ ничего, болѣе или менѣе, подробно написаннаго о жизни этого замѣчательнаго человѣка. Я пользовался для своего труда отдѣльными замѣтками изъ русскихъ періодическихъ изданій, личными указаніями самого графа Толстого, а главнымъ образомъ, тѣмъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, которымъ почтила меня его уважаемая супруга.*

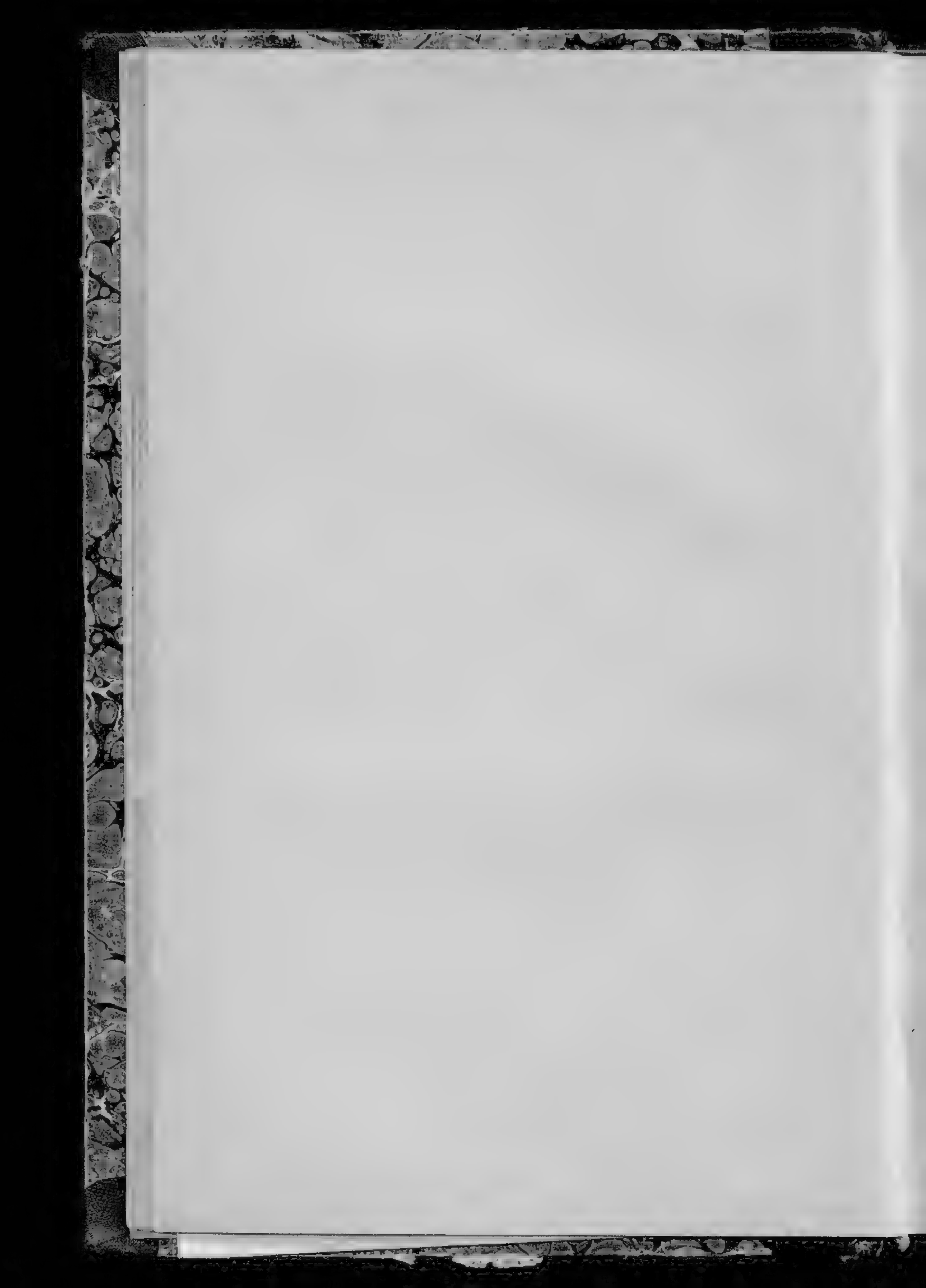
Можетъ быть, подобные источники покажутся скудными для любознательнаго біографа и для благороднаго любопытнаго читателя, уважающаго великаго писателя, тѣмъ бо-

мнѣ, что я лишенъ былъ возможности познакомиться съ коллекціей писемъ, написанныхъ Толстымъ въ молодости, и хранящихся въ одной изъ московскихъ библіотекъ; говорятъ, что, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, онѣ еще не удобны для печати. Въ моемъ трудѣ „Разговоры съ Толстымъ и о Толстомъ" (Берлинъ 1891 г. Richard Wilhelmi) я упомянулъ о томъ участіи, какое принимала графиня Софья Андреевна въ моихъ біографическихъ попыткахъ. Въ нихъ благосклонный читатель найдетъ много замѣтокъ о домашней жизни Льва Толстого, что можетъ вознаградить его за потерянное время при чтеніи, и что не можетъ быть напечатано въ этой книгѣ, на которую прошу смотрѣть, какъ на первый біографическій опытъ. Біографіи великихъ людей могутъ составляться только общей работой многихъ людей, возобновляемой и пополняемой ежегодно. А потому, я рѣшаюсь представить на судъ читателя этотъ далеко не совершенный трудъ. Я надѣюсь на снисхожденіе критики и на доброту тѣхъ, кто имѣлъ счастье лично наблюдать жизнь Льва Николаевича Толстого. Я буду благодаренъ всякому, кто, хотя чѣмъ нибудь поможетъ мнѣ къ дополненію моего труда,—исправленіемъ ли мною изложеннаго, или сообщеніемъ новыхъ фактовъ, или копіями съ его писемъ. Съ этой просьбой я особенно обращаюсь къ товарищамъ его молодости въ Казани, Москвѣ, Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ, и посѣтителямъ его гостепріимнаго дома въ Яс-

ной Полянѣ. Если мнѣ суждено представить свой трудъ на судъ читающей публики вторымъ изданіемъ, то онъ будетъ значительно ближе къ тому идеалу, который высится передо мной.

Берлинъ. Декабрь 1891 г.

Р. Левенфельдъ.

Отъ переводчицы.

Приступивъ къ переводу сочиненія Р. Левенфельда „Гр. Л. Н. Толстой. Его жизнь, произведенія и міросозерцаніе", — я встрѣтила въ немъ много противорѣчій съ тѣми фактами, которые ранѣе и позднѣе были изложены въ матеріалахъ біографіи нашего знаменитаго писателя, помѣщенныхъ во многихъ періодическихъ журналахъ, и, желая согласить ихъ, чтобы по возможности представить читателямъ вѣрный очеркъ біографіи великаго мыслителя, я обратилась съ просьбой къ его глубокоуважаемой супругѣ, графинѣ Софіи Андреевнѣ, просмотрѣть мой переводъ и исправить невѣрность фактовъ. Графиня Толстая выказала полное участіе къ моему труду и съ любезною готовностью просмотрѣла мой переводъ и сама лично сдѣлала всѣ исправленія въ невѣрности переданныхъ Левен-

фельдомъ фактовъ, касающихся до личности графа Льва Николаевича Толстого и его родныхъ. (Всѣ замѣчанія, сдѣланныя графинею Софіею Андреевною, какъ въ отдѣльныхъ словахъ, такъ и въ цѣлыхъ фразахъ, напечатаны въ текстѣ курсивомъ; а нѣкоторыя помѣщены въ выноскахъ). Я считаю своимъ долгомъ принести графинѣ Софіи Андреевнѣ Толстой мою сердечную благодарность. Вмѣстѣ съ тѣмъ мною провѣрены всѣ выписки Левенфельда изъ разбираемыхъ имъ сочиненій графа Льва Николаевича, а также просмотрѣны и выписки изъ критическихъ статей „Современника" и Маркова въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и возраженій на нихъ гр. Толстого.

А. Перелыгина.

I.

ЮНЫЕ ГОДЫ.

Ясная Поляна.—Семья.—Москва.—Казань.—Въ имѣніи.—Петербургъ.—На Кавказѣ.

Въ Тульской губерніи, Крапивинскаго уѣзда, въ 15-ти верстахъ отъ Тулы, на большой дорогѣ, идущей отъ Москвы въ Курскъ, расположено имѣніе Ясная Поляна.

Кто пожелаетъ проѣхать изъ Тулы въ Ясную Поляну, тотъ долженъ свернуть вправо отъ шоссейной дороги и проѣхать узенькимъ проселкомъ до самаго села. Простой бѣлый камень, въ формѣ усѣченной пирамиды, обозначаетъ *казенную* границу, *съ одной стороны которой кончается Тульскій уѣздъ, а съ другой начинается Крапивинскій, къ которому принадлежитъ и Ясная Поляна.*

Въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отъ пограничнаго камня раскинулось село, а *еще правѣе* помѣстье графа Толстого. При въѣздѣ въ него, путнику прежде всего

бросаются въ глаза остатки стараго барскаго величія: двѣ круглыя каменныя, покрытыя желѣзомъ башни, образовавшія ворота Ясно-Полянской усадьбы; отъ ветхости онѣ уже покривились, обросли мхомъ и травой. Густая тѣнистая березовая аллея, пересѣкающая запущенный фруктовый садъ, ведетъ прямо къ жилому дому владѣльца. Искусственные пруды и паркъ заканчиваютъ настоящее скромное имѣніе, которое когда-то составляло только часть грандіознаго цѣлаго [1]).

Въ сороковыхъ годахъ нашего столѣтія пожаръ уничтожилъ старый барскій домъ, уцѣлѣли только два двухъэтажные флигеля. [2]). Въ одномъ изъ нихъ располагаются безчисленные гости теперешняго владѣльца, графа Льва Николаевича Толстого, а другой служитъ скромнымъ жилищемъ ему и

[1]) Никогда оно не было болѣе грандіозно; напротивъ, Левъ Николаевичъ, прикупивъ земли, увеличилъ его и пристроилъ флигеля.

Примѣчаніе графини С. А. Толстой.

[2]) Въ Ясной Полянѣ пожара никогда не было. При князѣ Волхонскомъ, дѣдѣ Льва Никол., были построены два каменныхъ флигеля и начатъ фундаментъ большого дома. Когда, послѣ смерти дѣда, графъ Николай Ильичъ Толстой женился на княжнѣ Марьѣ Волхонской, онъ наскоро достроилъ большой деревянный домъ, въ которомъ и жила его большая семья, состоявшая изъ старой матери, двухъ сестеръ, жены и пятерыхъ дѣтей, не считая разныхъ еще приживалокъ, родственницъ и домочадцевъ.

Когда Левъ Николаевичъ былъ уже взрослый, лѣтъ 22-хъ, 23-хъ, онъ очень много игралъ въ карты и продавъ нѣсколько небольшихъ имѣній и все еще не заплативъ своихъ долговъ, онъ написалъ мужу своей се-

его семейству. Этотъ второй флигель за послѣднее десятилѣтіе много разъ пристроивался и передѣлывался. Нѣсколько разъ гр. Толстой былъ принужденъ расширить свой небольшой флигель, потому что подраставшіе члены его семьи требовали болѣе помѣщенія и удобства. Пристройки были лишены изящества такъ же, какъ и главное зданіе, и, примыкая къ нему съ лѣвой стороны, имѣли три окна въ ширину; и сейчасъ еще отсутствіе симметріи въ цѣломъ ясно указываетъ границы между наслѣдственнымъ старымъ и незатѣйливымъ дополненіемъ послѣднихъ лѣтъ [1]). Также не изящна и скромна пристройка съ правой стороны, относящаяся къ 1888 году *(раньше)* и состоящая изъ простого деревяннаго сруба, очень маленькаго размѣра.

Въ 1890 г. къ лѣвой сторонѣ дома была пристроена еща веранда, служащая въ лѣтніе мѣсяцы главнымъ мѣстопребываніемъ графской семьи и ихъ безчисленныхъ гостей. Передъ домомъ, на большомъ зеленомъ лугу, высились прежде гигантскіе шаги, на которыхъ дѣти показывали свою

стры, графу Валеріану Петровичу Толстому, чтобъ онъ продалъ домъ на своз изъ Ясной Поляны.

Домъ былъ проданъ помѣщику Горохову, который перевезъ его и поставилъ въ своемъ имѣніи.

Примѣч. гр. С. А. Толстой.

[1]) Въ настоящее время домъ опять перестраивается и получитъ совершенно симметричный видъ. Пристройка сдѣлана основательно, и прибавлено съ фасада три окна и внутри 4 большія комнаты съ просторными коридорами.

Примѣч. гр. С. А. Толстой.

ловкость; а на томъ мѣстѣ, гдѣ въ началѣ этого столѣтія красовалось среднее зданіе, находятся теперь *посаженныя граф. Львомъ Николаевичемъ различныя деревья, чтобъ не оставить пустого мѣста*, и различныя приспособленія для гимнастики, привлекающія и взрослыхъ для упражненія.

Внутренняя обстановка дома отличается строгой простотой. Рабочій кабинетъ графа расположенъ въ нижнемъ этажѣ, такъ же, какъ и богатая библіотека, спальня же *супруговъ находится въ верхнемъ этажѣ.* Въ верхнемъ же этажѣ помѣщается его семья и *большая зала, мѣсто всякихъ упражненій и музыки въ зимнее время, служащая зимой и столовой.* Ничто здѣсь не указываетъ на роскошь и излишній блескъ. Только нѣсколько портретовъ предковъ украшаютъ длинныя стѣны залы и напоминаютъ намъ о томъ, что настоящій владѣлецъ дома— потомокъ старинной, заслуженной и богатой фамиліи.

Рабочій кабинетъ Льва Николаевича Толстого немногимъ чѣмъ отличается отъ комнатки небогатаго студента. Простой столъ, по краямъ котораго лежатъ нѣсколько книгъ, стулья, диванъ и небольшой шкафчикъ. Въ нишѣ стоитъ бюстъ покойнаго брата графа, Николая Николаевича, а по стѣнамъ виситъ нѣсколько картинъ и портретовъ, между которыми обращаютъ на себя вниманіе портретъ Шопенгауера съ собственноручной надписью философа и

фотографическая группа русскихъ писателей, снятая въ мартѣ 1856 г.

Библіотека содержитъ въ себѣ произведенія различныхъ отраслей наукъ на пяти—шести языкахъ, главнымъ образомъ на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ; попадаются также книги и на чешскомъ и итальянскомъ языкахъ. Въ 1890 г. первое мѣсто въ библіотекѣ занимали русскіе классики и сочиненія по теологіи.

Ясная Поляна была родовымъ имѣніемъ княжны Маріи Николаевны Волконской, единственной дочери князя Сергѣя Николаевича Волконскаго, одного изъ видныхъ генераловъ царствованія Екатерины Великой. Волконскіе ведутъ свой родъ отъ Михаила, князя Черниговскаго, умершаго мученическою смертью отъ руки монголовъ въ 1246 г. за то, что онъ уклонялся отъ совершенія языческаго богослуженія. Дочь князя Волконскаго, Марья Николаевна, принесла это имѣніе въ приданое своему мужу, графу Николаю Ильичу Толстому.

Фамилія Толстыхъ старипнаго происхожденія. Многіе изъ ея членовъ, занимая отвѣтственные посты и выдающееся положеніе, оказали не мало услугъ отечеству. Справка въ генеологіи русскаго дворянства указала мнѣ, что графскій родъ Толстыхъ происходитъ отъ одного нѣмецкаго дворянина, переселившагося въ Россію нѣсколько столѣтій тому назадъ. Фамилія

его была Дикъ, т. е. толстый, сохраненная одной изъ трехъ вѣтвей этого рода и послужившая началомъ новаго поколѣнія Толстыхъ *). Въ царствованіе Петра Великаго двое братьевъ — Иванъ и Петръ Андреевичи Толстые были извѣстны своей выдающейся дѣятельностью. Они были ревностными сторонниками Софіи и главными виновниками стрѣлецкаго бунта 1682 г. Но когда Петръ одержалъ побѣду, Толстые присоединились къ нему, за что и получили полное прощенье. Извѣстно, что Петръ Андреевичъ никогда не пользовался довѣріемъ царя; разсказываютъ, что на веселыхъ пирахъ Петръ любилъ сдергивать большой парикъ съ головы Петра Толстого и, ударяя по плѣши, приговаривать: „Головушка, головушка, еслибъ-ты не была такъ умна, то давно бы ты съ тѣломъ разлучена была“. Царь Петръ смотрѣлъ на него, какъ на умнаго, образованнаго

*) Въ статьѣ Н. Загоскина „Графъ Л. Н. Толстой и его студенческіе годы“ (Историческій Вѣстникъ, т. 55, январь 1894 г.) говорится: Родъ дворянъ и графовъ Толстыхъ ведетъ свое начало отъ нѣкоего „выходца изъ нѣмецъ“, Индриса, въ православіи Леонтія, который, по свидѣтельству черниговской лѣтописи, прибылъ въ 1353 г. въ Черниговъ, съ двумя сыновьями и трехтысячною дружиною. Младшій сынъ Леонтія, Ѳеодоръ, умеръ бездѣтнымъ, а отъ старшаго его сына, Константина Леонтьевича, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ родовъ (Федцовыхъ, Дурновыхъ, Даниловыхъ, Васильчиковыхъ и Молчановыхъ) повелъ свое начало и родъ Толстыхъ, въ графской отрасли котораго графъ Левъ Николаевичъ числится отъ родоначальника Индриса въ 20-мъ колѣнѣ. **Примѣчаніе переводчицы.**

и ловкаго человѣка; онъ употреблялъ его для важныхъ посольствъ и для предпріятій, требовавшихъ особенной ловкости. На тридцатомъ году Петръ Андреевичъ Толстой оставилъ жену и дѣтей и присоединился къ небольшому числу молодыхъ людей, желавшихъ отправиться на Западъ, чтобы получить европейское образованіе. Многочисленная родня, вліяніе генералъ-адмирала Апраксина и взяточничество канцлера Головкина помогли потомъ Петру Толстому занять мѣсто въ числѣ приближенныхъ императора Петра Великаго и получить важный постъ русскаго посла въ Константинополѣ. По измѣнившимся взглядамъ султана на войну Карла XII съ Петромъ I, пришлось бѣдному Толстому высидѣть 4 года въ одиночномъ заключеніи въ Семибашенной тюрьмѣ. Въ 1714 г. онъ былъ освобожденъ и вернулся въ Москву, гдѣ былъ награжденъ по-царски Петромъ I за тѣ убытки, которые онъ понесъ во время разгрома его дома турецкой черныо. Въ 1716 г. онъ сопровождалъ царя въ его путешествіи въ Голландію и Францію. Одно изъ самыхъ тяжелыхъ порученій, возложенныхъ на него Петромъ I, состояло въ томъ, что онъ долженъ былъ отыскать царевича Алексѣя, скрывавшагося въ южной Италіи. Серьезныя несогласія, возникшія между царемъ и его наслѣдникомъ, заставили послѣдняго бѣжать на Западъ. Царь приказалъ всюду искать его. Толстой

нашелъ царевича въ Кастель С-тъ Эльмо, близъ Неаполя, и убѣдилъ его вернуться въ Россію. Судъ, собравшійся по повелѣнію царя, приговорилъ царевича въ 1718 г. къ смертной казни. Предстояло много затрудненій къ исполненію этого приговора; но спустя два дня народъ узналъ, что царевича Алексѣя уже не стало. Народная молва приписала исполненіе этого приговора Петру Андреевичу Толстому, тѣмъ болѣе, что съ этого времени милость царя къ нему все возрастала, и, наконецъ, 7 мая 1724 г. онъ, простой бояринъ, получилъ графское достоинство. Также и у наслѣдницы Петра, Екатерины, восшествіе на престолъ которой было отчасти дѣломъ рукъ его, графъ Петръ Толстой пользовался большою милостью. Но Петръ II не любилъ его, считая его главнымъ виновникомъ гибели своего отца и послѣ смерти Екатерины сослалъ его въ Архангельскую губернію, въ Соловецкій монастырь, гдѣ онъ и умеръ 17 февраля 1729 г.

Петръ Андреевичъ, какъ писатель, также содѣйствовалъ Петровскимъ реформамъ. Послѣ себя онъ оставилъ „Описаніе путешествія" и два перевода. Первый трудъ заключаетъ въ себѣ умную и мѣткую передачу впечатлѣній его перваго путешествія по Западу. Онъ побывалъ въ Польшѣ, Германіи, Италіи и всюду зорко присматривался ко всему, что было достойно подражанія. Его дѣятельность, какъ пе-

реводчика, обнимаетъ два произведенія, не лишенныхъ большого значенія. Толстой перевелъ „Метамороозы Овидія“ прозой и съ итальянскаго „Управленіе Турецкимъ государствомъ“. Дальнѣйшимъ доказательствомъ его высокаго образованія служитъ собранная имъ большая библіотека. Онъ имѣлъ сына Ивана Петровича, который въ одно время съ отцомъ былъ лишенъ занимаемой имъ должности (предсѣдателя суда) и сосланъ въ монастырь, гдѣ умеръ вскорѣ послѣ отца. Родословная графовъ Толстыхъ, перешедшая по наслѣдству къ Льву Николаевичу, слѣдующая: у Ивана Петровича былъ сынъ Андрей Ивановичъ, сынъ котораго, Илья Андреевичъ, фигурируетъ въ „Войнѣ и Мирѣ“; а его сынъ, Николай Ильичъ—отецъ нашего знаменитаго Льва Николаевича Толстого.

Николай Ильичъ совершилъ кампаніи 1812 и 1813 г.г. и послѣ мира, заключеннаго съ Наполеономъ, вышелъ въ отставку *въ чинъ полковника. Когда умеръ отецъ Николая Ильича, графъ Илья Андреевичъ, то отъ большого состоянія, взятаго за женой его, княжной Пелагеей Горчаковой, не осталось ничего, кромѣ домовъ. Графъ Илья Андреевичъ велъ жизнь крайне роскошную, выписывалъ стерлядей изъ Архан. губ., посылалъ мыть бѣлье въ Голландію, держалъ домашній театръ и музыку, и прожилъ все. Оставшись съ старой матерью и сестрами совершенно нищимъ, честный и крайневоздержной жизни, отецъ гр. Льва Ни-*

колаевича принужденъ былъ жениться на некрасивой и немолодой, но богатой дочери князя Волконскаго. Несмотря на это его бракъ съ Марьей Николаевной оказался очень счастливымъ. *Она была необыкновенно умна и образована. Разсказывали про нее, что, бывало, на балахъ она соберетъ вокругъ себя въ уборной подругъ и такъ увлекательно разсказываетъ имъ сказки, что никто не идетъ танцовать, а всѣ слушаютъ; а музыка играетъ, и кавалеры тщетно ждутъ своихъ дамъ въ залахъ.* У нихъ была большая семья: четыре сына—Николай, Сергѣй, Дмитрій и Левъ—и дочь Марія.

Левъ Николаевичъ родился 28 августа 1828 г. Матери онъ совсѣмъ не помнитъ: она умерла, когда ему было всего полтора года. 9-ти лѣтъ онъ лишился и отца. Послѣ чего семья Толстыхъ въ 1837 году, съ нѣмцемъ-воспитателемъ, Ѳедоромъ Ивановичемъ Русселемъ, переселилась въ Москву, гдѣ старшій братъ долженъ былъ приготовиться къ вступленію въ университетъ и гдѣ для дальнѣйшаго образованія младшихъ братьевъ былъ взятъ въ домъ учитель-французъ Prospere Saint Thomas.

„Со всѣхъ сторонъ слышу я,—писалъ впослѣдствіи Левъ Николаевичъ, — о своихъ родителяхъ, что мои отецъ и мать были добрые, образованные и богобоязненные люди“.

Проведя зиму въ Москвѣ, три младшихъ брата лѣтомъ 1837 г. вернулись въ де-

ревню, гдѣ росли подъ надзоромъ своей родственницы Т. А. Ергольской и опекунши, родной тетки по отцу, графини А. И. Остенъ-Сакенъ. Но и тетка умерла рано, въ 1840 г., оставивъ несовершеннолѣтнихъ племянниковъ на попеченіи своей сестры *Пелагеи* Ильиничны Юшковой, жившей съ мужемъ въ Казани.

Юшкова была, какъ охарактеризовалъ ее впослѣдствіи Толстой въ своей „Исповѣди“, — „добрымъ и набожнымъ существомъ“,—что, однако, не мѣшало ей быть легкомысленной и свѣтской женщиной. Въ продолженіе всей своей долгой жизни она строго придерживалась всѣхъ правилъ православной Церкви; но на восьмидесятомъ году, передъ смертью, боясь ея, она не хотѣла причаститься Св. Таинъ и сердилась на всѣхъ за свои страданія и сознаніе, что должна скоро умереть. Она внушила дѣтямъ любовь къ внѣшнему блеску и стремленіе къ занятію впослѣдствіи высшихъ должностей; она ничего такъ страстно не желала для своихъ воспитанниковъ, какъ связи съ замужней женщиной,— Rien ne forme un jeune homme, comme une liaison avec une femme comme il faut,— говорила она часто: — Хорошо получить должность адъютанта и, конечно, лучше всего у государя, и имѣть какъ можно большее число крѣпостныхъ душъ.

Льву Николаевичу было всего 11 лѣтъ, когда онъ переѣхалъ къ этой теткѣ. Стар-

шій братъ, Николай, тоже перешелъ изъ Московскаго университета въ Казанскій; Сергѣй и Дмитрій въ 1842 г. также поступили въ Казанскій университетъ на математическій факультетъ, а Левъ годомъ позже на факультетъ восточныхъ языковъ. Учитель-французъ, Saint Thomas, оставался при Львѣ Николаевичѣ до самаго его вступленія въ университетъ. Онъ даже сопровождалъ его на экзамены для полученія аттестата зрѣлости и простился съ своимъ младшимъ воспитанникомъ только тогда, когда тотъ надѣлъ студенческій мундиръ.

Въ Казанскомъ университетѣ въ то время было очень мало профессоровъ, строго относившихся къ своей наукѣ. Большинство изъ нихъ, получая отъ казны жалованье, не отказывалось и отъ взятокъ. За деньги они часто принимали въ университетъ совсѣмъ неподготовленныхъ юношей, стремившихся только надѣть студенческую форму; за деньги же они раздавали дипломы на магистра и доктора, внимательно прислушиваясь къ мнѣнію нѣкоторыхъ вліятельныхъ дамъ о подготовкѣ того или другого юноши. Страшное пророчество Пушкина, откровенно высказавшагося передъ императоромъ Николаемъ I, вполнѣ осуществилось въ Казани: „Какъ въ Россіи все продажно,“ — читаемъ мы въ его запискахъ о „Народномъ образованіи, 1826 г.“,—„Экзамены скоро сдѣлаются доходной статьей профессоровъ. Экзамены

походятъ на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, кто не умѣлъ проѣхать стороною". Подобныхъ старыхъ инвалидовъ было въ то время въ Казанскомъ университетѣ преобладающее число.

Левъ Николаевичъ Толстой имѣлъ близкія отношенія съ однимъ изъ такихъ почтенныхъ преподавателей. Это былъ профессоръ эстетики и секретарь испытательнаго комитета, добрый толстякъ, болѣе склонный къ четвертной бутыли, чѣмъ къ исторіи русской литературы, —его спеціальности. Онъ помѣщалъ у себя на дому за дорогую плату студентовъ богатыхъ родителей, давалъ имъ отдѣльные уроки по своему предмету и обладалъ рѣдкимъ искусствомъ окольными путями пропускать своихъ protégé все дальше и дальше.

У этого-то человѣка Толстой и подготовлялся къ своему вступительному университетскому экзамену. Онъ то и познакомилъ Льва Николаевича съ русской литературой и содѣйствовалъ хорошему исходу экзамена. Только годъ оставался Толстой вѣренъ своей оріенталистикѣ. Послѣ неудачныхъ переводныхъ испытаній съ перваго курса на второй онъ принужденъ былъ выбрать другой факультетъ. Говоря правду, Толстой самъ былъ виноватъ въ постигшихъ его неудачахъ на экзаменахъ, потому что онъ посѣщалъ болѣе балы и вечера богатыхъ дворянъ, чѣмъ

душныя аудиторіи университета. Онъ, волей-неволей, долженъ былъ примкнуть къ клубу такъ называемыхъ аристократовъ, гдѣ онъ, въ качествѣ родовитаго, титулованнаго молодого человѣка, внука бывшаго губернатора и выгоднаго жениха, широко пользовался своею популярностью.

Въ этомъ году, по случаю пріѣзда въ Казань молодого герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго, въ городѣ устроенъ былъ рядъ блестящихъ празднествъ. Университетское начальство тоже приняло въ нихъ участіе и послало предводителю дворянства списокъ съ именами тѣхъ студентовъ, которые могли быть приглашены на балы. Понятно, что имя графа Толстого стояло въ спискѣ. Однако, по отъѣздѣ герцога,— разсказываетъ одинъ изъ товарищей Толстого,—Левъ Николаевичъ сталъ относиться ко всему какъ-то пассивно и равнодушно, такъ что даже въ кругу близкихъ товарищей получилъ прозваніе чудака и философа.

Отсюда произошла та двойственность въ характерѣ Льва Николаевича, которую онъ поборолъ только въ зрѣломъ возрастѣ. Его жизнь шла обычнымъ ходомъ, его добрая воля уже въ то время была строгимъ судьей собственныхъ поступковъ.

Студенты-аристократы держали себя гордо и не стремились заслужить любовь товарищей не-аристократовъ. Одинъ изъ товарищей Толстого, студентъ Назарьевъ,

присутствовавшій съ нимъ въ одно время на лекціяхъ по русской литературѣ у профессора эстетики, описываетъ намъ молодого графа, какъ чопорнаго и надменнаго юношу: „Его напускная холодность, щетинистые волосы и презрительное выраженіе прищуренныхъ глазъ производили на меня отталкивающее впечатлѣніе.“ „Въ первый разъ въ моей жизни,—разсказываетъ онъ далѣе,—встрѣтилъ я юношу, преисполненнаго такой странной и непонятной для меня важности и самодовольства. Профессора, одѣтаго по обыкновенію въ полуженскій халатъ,—казалось, ничуть не стѣсняло присутствіе гордаго юноши. Тяжелыми шагами ходилъ онъ взадъ и впередъ по своей комнатѣ и разсказывалъ громкимъ, звонкимъ голосомъ что-нибудь интересное изъ исторіи русской литературы, какъ будто онъ читалъ лекцію въ своей аудиторіи. Послѣ лекціи графъ Толстой уходилъ отъ профессора, даже не прощаясь съ нимъ.“

Этотъ же товарищъ, Назарьевъ, провелъ потомъ вмѣстѣ съ Львомъ Толстымъ суточное наказаніе въ карцерѣ. Они оба опоздали на лекцію и произведеннымъ шумомъ нарушили господствующую тишину въ аудиторіи. Университетское начальство, повидимому, очень благосклонно относилось къ молодому графу, потому что дозволило ему оставить даже своего слугу въ коридорѣ, въ который выходили двери

карцера. О совмѣстномъ пребываніи съ Толстымъ въ карцерѣ Назарьевъ разсказываетъ слѣдующее:

„Войдя въ карцеръ, Толстой съ досадой сбросилъ съ себя шубу и, не снявъ фуражки, принялся быстро ходить взадъ и впередъ, не удостоивая меня даже малѣйшимъ вниманіемъ. Потомъ сталъ смотрѣть въ окно, застегивать и разстегивать пуговицы своего мундира и, вообще, своими движеніями обнаруживать сильное нервное возбужденіе и злость на глупое положеніе, въ которомъ онъ вдругъ очутился. Крайне возмущенный его невѣжливымъ со мною обращеніемъ, я легъ и, уткнувъ лицо въ книгу, сдѣлалъ видъ, что вовсе не замѣчаю его. Вдругъ онъ отворилъ дверь въ коридоръ и повелительно, словно онъ находился дома, крикнулъ своему слугѣ:

— Скажи кучеру, — который, понятно, дожидался его на улицѣ,—чтобы онъ проѣхался передъ окномъ.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ слуга.

А разсерженный графъ занялъ постъ у окна, чтобы хоть чѣмъ-нибудь убить время.

Я продолжалъ чтеніе, но, наконецъ, мнѣ оно прискучило, и я тоже подошелъ къ окну. Внизу, на улицѣ, толстый и важный кучеръ проѣзжалъ взадъ и впередъ, заставляя лошадь то ускорять, то замедлять свой шагъ. Я что-то сказалъ о красивомъ рысакѣ. Слово за слово, и мы раз-

говорились, а часъ спустя уже вели безконечный, ожесточенный споръ, главнымъ предметомъ котораго былъ страннымъ образомъ вышедшій наружу, почти враждебный антогонизмъ нашихъ убѣжденій и взглядовъ.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня дверь въ карцеръ отворилась, и вошедшій къ намъ сторожъ объявилъ съ вѣжливымъ поклономъ, что мы, наконецъ, свободны и можемъ отправляться домой.

Толстой нахлобучилъ свою фуражку почти на глаза, закутался въ свою дорогую бобровую шинель, поклонился мнѣ какъ-то снисходительно и, оставляя карцеръ, бросилъ мнѣ на прощанье какую-то ѣдкую насмѣшку по адресу „храма науки.““

Уже въ то время Толстой питалъ слишкомъ мало уваженія къ наукѣ. Онъ иронически относился къ великимъ произвеніямъ своего отечества только потому, что они писаны стихами. Эту красивую форму онъ не любилъ и не любитъ до сихъ поръ за то, что, по его мнѣнію, она налагаетъ цѣпь на мысль.

Исторія, по его мнѣнію, была ничѣмъ инымъ, какъ собраніемъ фактовъ и часто даже вздорныхъ, мелкихъ деталей. Положительно въ ней только масса абсолютно ни на что не нужной хронологіи и собственныхъ именъ. Смерть князя Игоря, змѣя, ужалившая Олега, и т. под. Что это такое, какъ не сказки нянекъ, и кому

нужно знать, что второй бракъ Іоанна Грознаго съ дочерью Темрюка былъ заключенъ именно 21 августа 1562 г., а четвертый, съ Анной Алексѣевной Колтовской, въ 1572 г. Однако отъ меня требуютъ, чтобы я выучилъ все это наизусть и, если я этого не сдѣлаю, то мнѣ угрожаетъ позорная единица.

Къ тому же, обратите вниманіе и на то, какъ пишется исторія! Все въ ней сводится къ тому произвольному взгляду, который признаетъ г. историкъ. Вотъ вамъ примѣръ: Грозный царь, о которомъ въ этомъ семестрѣ такъ много разсказываетъ намъ профессоръ Ивановъ, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, превращается въ 1560 г. изъ добродѣтельнаго, благороднаго и мудраго государя въ безумнаго и жестокаго тирана! Почему? Да объ этомъ мы не смѣемъ и спрашивать.

По мнѣнію Толстого, университетъ, „храмъ науки", какъ онъ называлъ его,— былъ безполезнымъ учрежденіемъ, откуда выходятъ люди безполезные, какъ для общественной жизни, такъ и для государственной, безъ пользы для себя и своихъ ближнихъ. Въ молодомъ 19-ти-лѣтнемъ студентѣ все болѣе и болѣе укоренялось убѣжденіе въ томъ, что изъ университетскихъ стѣнъ „полезнымъ и знающимъ человѣкомъ" ему не выйти, что изъ Казани ничего не принесетъ онъ „восвояси", развѣ только умъ и душу, уставшіе и измель-

чавшіе отъ чада провинціальной свѣтской жизни, отъ подневольнаго, хотя бы и пассивнаго, участія въ ея мелкихъ и суетныхъ интересахъ.

Понятно, что молодой графчикъ не пользовался особымъ расположеніемъ профессора русской исторіи, который и былъ главной причиной его неуспѣшныхъ переводныхъ испытаній съ перваго курса на второй, хотя Толстой именно его лекціи посѣщалъ довольно аккуратно; говорили, что единственнымъ поводомъ къ тому была ссора профессора съ родственниками Толстого. Тотъ же самый профессоръ, разсказываетъ самъ Толстой въ одной изъ своихъ статей 1862 г.—и намъ нѣтъ причины сомнѣваться въ вѣрности этого факта,—поставилъ ему единицу изъ нѣмецкаго языка, хотя Толстой зналъ этотъ языкъ лучше, чѣмъ всѣ студенты его курса.

Если кто прослѣдитъ точный разсказъ объ этихъ испытаніяхъ, тотъ невольно вспомнитъ описаніе ихъ въ первыхъ произведеніяхъ Толстого. Экзамены обыкновенно происходили въ большомъ актовомъ залѣ университета. Юристы первыхъ двухъ курсовъ, обезумѣвъ отъ страха, ожидали экзамена кровожаднаго профессора исторіи.

... Наконецъ, очередь доходитъ до графа Толстого. Онъ приблизился къ экзаменаціонному столу и взялъ билетъ. Въ это время я тоже былъ вызванъ,—сообщаетъ

тотъ же Назарьевъ, — я подошелъ близко къ Толстому и напряженно ждалъ, что будетъ. Мнѣ было очень любопытно послушать, какъ отвѣтитъ мой коллега, котораго въ глубинѣ души я давно уже считалъ выдающимся человѣкомъ. Однако, прошло 2—3 минуты, а графъ молчалъ. Я ждалъ съ бьющимся сердцемъ. Толстой пристально всматривался въ билетъ, молчалъ, и то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Ему предложили выбрать второй билетъ. Онъ взялъ, но и тутъ повторилась та же исторія. Профессоръ тоже молчалъ, вперивъ въ студента насмѣшливый, ядовитый взглядъ. Тяжелая сцена кончилась тѣмъ, что графъ положилъ обратно билетъ, повернулся и, не обращая ни на кого вниманія, не торопясь, направился къ выходнымъ дверямъ.

Нуль! Кровожадный закатилъ ему нуль! шептали вокругъ меня товарищи, такъ что я отъ искренняго сожалѣнія даже совсѣмъ растерялся. Въ группѣ „аристократовъ“, явившихся на экзаменъ разряженными, какъ на балъ, и которыхъ ожидала та же участь,—разсказывали, что какія-то дамы высшаго круга приступили къ профессору исторіи съ просьбой пощадить графа, и тотъ торжественно обѣщалъ не ставить ему единицы.

— А вѣдь ловко нашелся! говорили по этому поводу студенты,—поставилъ нуль, и правъ... Ловко извернулся!

Въ слѣдующемъ году, разсказываетъ графъ въ той же статьѣ,—я получилъ изъ русской исторіи 5. Я поспорилъ съ однимъ изъ моихъ товарищей: у кого изъ насъ лучше память, каждый выучилъ по одному вопросу наизусть, и на экзаменѣ я получилъ именно тотъ вопросъ, который выучилъ, относившійся, какъ я до сихъ поръ помню, къ исторіи Мазепы.

Толстой не задавался опредѣленной цѣлью въ жизни, подобно своимъ товарищамъ по университету, менѣе его облагодѣтельствованнымъ судьбой. Ему хотѣлось запастись въ университетѣ не опредѣленной какой-нибудь наукой, а вообще знаніями.

Отсюда слѣдуетъ, что и лекціи вновь избраннаго имъ юридическаго факультета мало удовлетворяли научной любознательности и пытливости молодого человѣка и привели къ неудачному результату и эти вторичныя его попытки. Одинъ изъ біографовъ нашего маститаго мыслителя утверждаетъ, что въ Казанскомъ университетѣ нашелся только одинъ профессоръ, который соотвѣтствовалъ склонностямъ Льва Николаевича и сумѣлъ заставить его заниматься, такъ что молодой студентъ бросилъ всѣ остальныя работы и увлекся предметомъ этого профессора. Этимъ профессоромъ былъ Д. И. Мейеръ, который своимъ живымъ и горячимъ словомъ сумѣлъ увлечь юный и пытливый умъ слушателя.

Тогда Толстой весь отдался заданной ему Мейеромъ темѣ: „Сравненіе проекта Наказа Екатерины съ „L'esprit des lois“ Монтескье“.

Его отъ природы мечтательный умъ принялъ уже въ это время опредѣленное направленіе. Онъ обладалъ необыкновенной памятью на ничтожныя по виду, но имѣвшія психологическую связь событія; и все его окружавшее вызывало въ немъ вопросы. Богатая противорѣчіями жизнь его опекунши, мнѣнія его товарищей по университету поколебали въ немъ все, что онъ ранѣе того привыкъ считать за истину, такъ что еще будучи 18-ти-лѣтнимъ юношей онъ потерялъ все, что пріобрѣлъ въ дѣтствѣ; имъ уже овладѣли сомнѣнія, что нигдѣ нельзя почерпнуть нравственныхъ началъ для жизни.

Уже въ 16-ти-лѣтнемъ возрастѣ Левъ Николаевичъ Толстой почувствовалъ въ себѣ стремленіе къ идеалу нравственности, который въ то время еще дремалъ въ немъ; онъ началъ заниматься старой и новой философіей, изучалъ классиковъ и современную литературу, въ надеждѣ, что хоть у мыслителей и поэтовъ прошлаго времени онъ найдетъ руководство для собственной жизни.

Прослѣдивъ характеристическія черты Николая Иртеньева, героя первыхъ произведеній Толстого, мы можемъ смѣло отнести ихъ къ существеннымъ качествамъ

Толстого въ его юные годы. Изъ первыхъ разсказовъ о его жизни вынесемъ то вѣрное впечатлѣніе, что образъ мыслей великаго писателя былъ тотъ же, съ тѣми же достоинствами и недостатками, какимъ рисуетъ себя Николай Иртеньевъ въ своей откровенной и нелицемѣрной автобіографіи.

„Сущностью моего взгляда на жизнь,— говоритъ Николай Иртеньевъ,— состояло убѣжденіе въ томъ, что настоящее стремленіе человѣка есть нравственное усовершенствованіе и что это усовершенствованіе легко и возможно. Но до сихъ поръ я терялъ время только на открытіе новыхъ истинъ, которыя соотвѣтствовали этому убѣжденію и на осуществленіе блестящихъ плановъ нравственной, полной дѣятельности, будущности, которые въ сущности говорили моему чувству больше, нежели уму, но пришло время, когда эти мысли съ такой силой нравственнаго открытія предстали моей душѣ, что я испугался, когда подумалъ, сколько времени я потерялъ даромъ, и я тотчасъ же пожелалъ эти мысли примѣнить къ дѣлу съ твердымъ намѣреніемъ никогда имъ не измѣнять.“ Открытіе новыхъ мыслей—это типичная черта въ Николаѣ Иртеньевѣ и его создателѣ. Цѣлыми часами онъ могъ сидѣть и думать, переходя отъ вопроса къ отвѣту и отъ отвѣта къ вопросу и, наконецъ, совсѣмъ потеряться въ лабиринтѣ все наплывавшихъ идей. „Я болѣе уже не

думалъ,—разсказываетъ Иртеньевъ,—о занимавшемъ меня вопросѣ, а о томъ, о чемъ я только что думалъ. И когда я себя спрашивалъ: о чемъ я думалъ? то отвѣчалъ: я думаю о томъ, о чемъ я сейчасъ думалъ. О чемъ же именно? Я думаю о томъ, о чемъ я думалъ, и т. д."

Братья окончили университетъ и покинули городъ, Левъ остался одинъ. Онъ съ трудомъ переносилъ одиночество. И такъ какъ его не интересовалъ выбранный предметъ, не заботила и матеріальная сторона жизни, заставляя другихъ выбирать себѣ призваніе, то онъ оставилъ Казань и начатую работу и переѣхалъ въ свое имѣніе, въ Ясную Поляну, доставшуюся на его долю послѣ раздѣла отцовскаго наслѣдства, и гдѣ мирно и безмятежно протекли его дѣтство и отрочество.

Съ какой надеждой на живое, полезное и производительное дѣло ѣхалъ молодой помѣщикъ въ свое имѣніе! Съ какой силой пробуждалось въ немъ завѣтное желаніе сдѣлаться „хорошимъ“ и честно отнестись къ тому дѣлу, которое по рожденію поставлено ему главной задачей его жизни! Какое воодушевленіе пробудило въ немъ сознаніе быть господиномъ столькихъ людей, возможность быть для нихъ отцомъ и совѣтникомъ. На каникулы онъ пріѣзжалъ въ свое помѣстье, проводилъ въ немъ все лѣто и теперь желалъ, послѣ принятаго рѣшенія, прервать универси-

тетскія занятія, примѣнить къ дѣлу свои идеалы здѣсь, въ своемъ маленькомъ царствѣ.

Толстой нашелъ свое имѣніе въ упадкѣ и принялся серьезно изучать причины. Скоро онъ ихъ открылъ въ бѣдственномъ положеніи крестьянъ и въ неблагонадежности старостъ и управляющихъ. Онъ понялъ, какое обширное поле для дѣятельности открыто здѣсь человѣку, который хочетъ сдѣлать добро, и кому счастье ближняго лежитъ ближе къ сердцу, нежели его собственное. Развѣ можно сравнить тѣ честолюбивые планы свѣтской тетушки Юшковой съ этой святой обязанностью, которая налагалась на него званіемъ дворянина?

И молодой помѣщикъ отдался ей всей душою, сталъ изучать теоретически и практически сельское хозяйство, выбиралъ себѣ на подмогу подходящихъ крестьянъ, посѣщалъ ихъ въ избахъ, помогая имъ дѣломъ и словомъ, — движимый только одною мыслью, чтобы не заслуженно, по закону и наслѣдству, выпавшее на его долю счастье раздѣлить съ добрыми людьми, которые проводятъ жизнь, близкую къ животному прозябанію, благодаря своей умственной тьмѣ, бѣдности и нечистотѣ. Такъ какъ всякій человѣкъ въ молодости склоненъ увлекаться, то и графъ Левъ Николаевичъ рисовалъ себѣ исполненіе своихъ благихъ желаній въ недалекомъ

будущемъ. Путемъ постоянной разумной дѣятельности онъ въ нѣсколько лѣтъ думалъ уменьшить бѣдность и невѣжество въ своихъ владѣніяхъ. Но одной доброй воли и силы помѣщика не достаточно было, чтобы загладить грѣхи многихъ столѣтій. Крестьяне не поняли своего юнаго благодѣтеля. Когда онъ предлагалъ имъ замѣнить зловонную и грязную избу на чистый каменный домикъ, то нерадивые о своей пользѣ пугались мысли перехода на новое мѣсто, ссылаясь на привязанность къ наслѣдію предковъ; когда задумалъ онъ выстроить школы, чтобы воспитать и научить грамотѣ крестьянскихъ дѣтей, то невѣжды-отцы просили его не утомлять ихъ слабыхъ дѣтей наукой; предлагалъ ли онъ имъ завести какое-нибудь дѣло, чтобы ихъ деньги не лежали даромъ, плѣсняя въ сундукахъ, то крестьяне божились, что у нихъ нѣтъ такихъ денегъ, и каждый жаловался на злого сосѣда, распустившаго ложный слухъ о его богатствѣ только потому, что видѣлъ въ его рукахъ ту или другую бумажку. Отъ всего этого у Толстого оставалось чувство, точно онъ, вмѣсто добра, причинялъ людямъ только зло, а отъ юношескихъ ожиданій—одинъ внутренній стыдъ. Онъ сдѣлался помѣщикомъ, чтобы посвятить свою жизнь крестьянамъ, а они не понимали его желаній, хотя каждый разъ и благодарили за его отеческія заботы. Что казалось

ему высшимъ благомъ:—дѣлать добро въ границѣ своихъ владѣній, рука объ руку съ молодой, любимой женой, которая, конечно, пойметъ малѣйшее благородное движеніе его души; отказаться отъ всѣхъ жизненныхъ наслажденій, жить только съ тѣми крошечными потребностями Діогена,— и только для другихъ, — оказалось недосягаемымъ и неисполнимымъ, потому что тѣ, которыхъ онъ хотѣлъ осчастливить своей любовью, находились подъ ярмомъ наслѣдственнаго зла и опустились до безчувственности. Онъ сознаъ теперь, что тетка, предохранявшая его отъ блестящихъ надеждъ, была права, когда говорила, что „легче найти счастье для самого себя, нежели создать его для другихъ."

Тогда Львомъ Николаевичемъ снова овладѣла страсть къ наукѣ и жажда призванія, жажда, которая до сихъ поръ была ему неизвѣстна, стала тяготить его. И вотъ, 19-ти-лѣтній помѣщикъ осенью 1847 г. прощается съ своей родной Ясной Поляной и отправляется въ Петербургъ.

Онъ еще не могъ ясно представить себѣ, чего именно онъ хотѣлъ. Передъ нимъ лежали двѣ дороги. Онъ могъ вступить въ армію и принять участіе въ Венгерской кампаніи 1848—49 гг., или, докончивъ свое образованіе, вступить въ гражданскую службу. Эти обѣ дороги были широко открыты для потомка графовъ

Толстыхъ. Одно время онъ намѣревался поступить въ Кавалергардскій полкъ; но страсть къ наукамъ пересилила эту неопредѣленную дѣятельность, и онъ снова отдался юридическимъ наукамъ. То, что онъ пропустилъ въ Казани, онъ долженъ былъ наверстать въ Петербургѣ. Толстой терпѣливо сдалъ два экзамена по уголовному праву,—какъ вдругъ его добрымъ намѣреніямъ пришелъ конецъ. Наступила весна, и его потянуло въ деревню. — прелесть на сѣверѣ тѣмъ заманчивѣе, чѣмъ она короче. Выше было упомянуто, что графа не заботила матеріальная сторона жизни, а потому, онъ тотчасъ же собрался въ свою Ясную Поляну, гдѣ все пестрѣло весенними красками и было въ полномъ цвѣту.

Левъ Николаевичъ вывезъ съ собой изъ Петербурга промотавшагося, но талантливаго нѣмца-музыканта и страстно отдался музыкѣ. Онъ встрѣтился съ несчастнымъ музыкантомъ на одномъ петербургскомъ балу и отнесся къ нему съ любовью. Этого нѣмца звали Рудольфомъ. Съ нимъ Толстой возобновилъ свои упражненія ранней молодости. Прежде онъ игралъ только модныя салонныя пьесы, а теперь онъ сдѣлался ревностнымъ сторонникомъ строгой нѣмецкой школы, и Бетховенъ сталъ его излюбленнымъ композиторомъ.

Левъ Николаевичъ, братъ его Сергѣй и Рудольфъ вели въ Ясной Полянѣ весе-

лый образъ жизни. Главной страстью Сергѣя Николаевича были цыгане,—не тѣ полудикіе номады, которые просятъ милостыню и, гадая, обходятъ всѣ страны Европы, но русскіе цыгане, которые поютъ и пляшутъ въ увеселительныхъ заведеніяхъ Москвы и жены которыхъ съ своей восточной прелестью стоили чести и жизни многимъ русскимъ людямъ. Сергѣй Николаевичъ впослѣдствіи женился на цыганкѣ и былъ близокъ къ тому, чтобы склонить къ подобному же браку и младшаго брата, Льва.

Этотъ жизнерадостный кружокъ неудержимо отдался удовольствіямъ богатой молодежи. Такимъ образомъ прошли два года въ играхъ и охотахъ, такъ какъ молодой помѣщикъ былъ охотникъ до дичи и до картъ, или, какъ тогда говорилось, до зеленаго поля.

Въ это время въ Ясную Поляну пріѣхалъ съ Кавказа старшій братъ, Николай, гдѣ онъ служилъ офицеромъ. Онъ сталъ уговаривать младшаго брата отправиться вмѣстѣ съ нимъ на Кавказъ и тамъ поискать себѣ службы; но Левъ не послѣдовалъ его совѣту. Ему нравились веселыя охоты въ деревнѣ и карточныя игры въ Москвѣ, а объ завтрашнемъ днѣ онъ вовсе не заботился. Но богъ игры не вѣчно покровительствуетъ намъ: онъ въ одинъ злосчастный вечеръ можетъ измѣнить всю судьбу человѣка. Такъ было и съ Тол-

стымъ. Онъ проигралъ больше, чѣмъ могъ уплатить, и, наконецъ, рѣшилъ, — чего, конечно, безъ крайней надобности, не произошло бы,—послѣдовать за старшимъ братомъ на Кавказъ. Русская молодежь того времени смотрѣла на Кавказъ съ поэтической точки зрѣнія Пушкина и Лермонтова, какъ на обѣтованную землю, гдѣ можно забыть всѣ постигшія насъ невзгоды. Несчастная любовь, разстроенныя денежныя дѣла увлекали въ ту страну тысячи молодыхъ людей, — они представляли ее себѣ покрытою вѣчнымъ снѣгомъ, дѣвственнымъ льдомъ, съ шумящими водопадами, съ кинжалами, гнѣдыми конями и черкешенками.

За рѣдкими исключеніями эти мечтательныя ожиданія наказывались жестокими разочарованіями.

Весной 1851 г. Толстой покинулъ родину, какъ бѣглецъ отъ водоворота свѣтскихъ удовольствій старой столицы, которой онъ по примѣру своихъ товарищей уже отдалъ должную дань. И это путешествіе было предпринято безъ опредѣленной цѣли, потому что Левъ Николаевичъ не желалъ, какъ совѣтовалъ ему братъ, искать себѣ службы въ арміи; онъ хотѣлъ только избѣжать нѣкоторыхъ обстоятельствъ въ Москвѣ, для чего покидаетъ ее въ началѣ іюня. Онъ независимо проводитъ два лѣтнихъ мѣсяца въ Пятигорскѣ и жизнью, полною лишеній, загла-

живаетъ грѣхи проведенныхъ въ Москвэ дней. Онъ поселяется въ *казацкой* избѣ, за наемъ которой платитъ 5 р. въ мѣсяцъ, отказывается отъ всѣхъ излишествъ, — чтобы скорѣе погасить долги, привезенные съ собой изъ Москвы. Съ тою же страстью, съ какой онъ посвятилъ себя на пользу крестьянъ Ясной Поляны, съ страстью, которая столько же вытекала изъ любознательности, сколько и изъ желанія принести добро, сближается Левъ Николаевичъ и тутъ съ народомъ. Онъ пріобрѣтаетъ себѣ товарища въ лицѣ казака Епишки, хорошо знакомаго съ страной и людьми, и съ нимъ-то онъ обходитъ горы, охотится на кабановъ и оленей; рисуетъ искусной рукой въ своемъ альбомѣ головы съ типичнымъ выраженіемъ и виды селеній, чѣмъ-нибудь привлекшихъ его вниманіе. Однажды они оба отправились въ горы, чтобы поймать коршуна. (На Кавказѣ охотятся съ коршунами, какъ раньше у насъ охотились съ соколами и кречетами). Имъ посчастливилось, и они радостно принесли домой свою добычу. Но на возвратномъ пути ихъ ожидала еще новая радость, совсѣмъ для нихъ неожиданная. А именно, они встрѣтились съ двоюроднымъ дядей Толстого, Ильей Андреевичемъ Толстымъ, адъютантомъ генерала князя Барятинскаго. Онъ пригласилъ къ себѣ юнаго родственника и уговаривалъ его поступить въ

армію волонтеромъ. Левъ Николаевичъ былъ теперь къ этому шагу подготовленъ. Только нѣкоторыя внѣшнія препятствія тормазили его выполненіе: онъ оставилъ дома свои бумаги, и получить ихъ требовалось много хлопотъ. Безъ бумагъ же невозможно было начать дѣло. Толстому приходилось терпѣливо выжидать, а пока заняться подготовкой къ юнкерскому экзамену. Наконецъ прибыли столь важныя и необходимыя бумаги. Онъ сдалъ въ Тифлисѣ свой экзаменъ и вступилъ юнкеромъ осенью 1851 г. въ легкую артиллерію. 4-я батарея 20-й бригады, къ которой онъ принадлежалъ, была расположена въ казацкомъ селеніи Староглядовѣ, на лѣвомъ берегу Терека, между станицами Шелкозаводской и Карчалинской, вблизи Кизляра. Староглядовъ, какъ и всѣ мѣстечки лѣваго берега Терека, расположенъ на возвышенности; казаки, обитатели этого мѣстечка, занимаются рыбной ловлей и винодѣліемъ. По другую сторону рѣки жили черкесы; хотя они и не принадлежали къ числу враждебной русскимъ партіи, но все-таки къ нимъ нужно было относиться осмотрительно. Русскія войска вообще не могли быть покойны, потому что на Кавказѣ нѣсколько десятилѣтій происходили мелкія войны. Толстой принималъ участіе въ несчетныхъ стычкахъ въ качествѣ фейерверкера 4-го класса, и однажды его жизни грозила опасность отъ

татарскаго плѣна. (Впослѣдствіи онъ въ „Кавказскомъ Плѣнникѣ“ правдиво разсказалъ этотъ случай). Онъ изучилъ природу горцевъ такъ же, какъ и отличительныя свойства русскаго солдата на Кавказѣ во всѣхъ проявленіяхъ ихъ жизни.

Скоро, однако, разсудительный умъ Толстого освободился отъ старыхъ традицій о Кавказѣ, что онъ былъ обѣтованной землей для несчастныхъ людей всякаго рода; но уже перемѣна мѣстъ, близость къ любимому брату и новая обстановка благодѣтельно подѣйствовали на юнаго графа.

Вліяніе природы, обильная разнообразіемъ лагерная жизнь, удовольствіе наблюдать за проявленіемъ добродѣтели именно въ нижнихъ слояхъ общества, возбудили въ 23-хъ лѣтнемъ фейерверкерѣ стремленіе къ творчеству, и съ быстрой послѣдовательностью появились на Кавказѣ его первыя поэтическія произведенія.

Его дневникъ указываетъ намъ на нѣкоторые, если не на многіе изъ его трудовъ, о времени появленія которыхъ мы хотѣли бы знать. 9 іюля 1852 г. первое его произведеніе „Дѣтство“ настолько подвинулось, что Толстой могъ послать его въ Петербургъ. „Утро помѣщика“, „Набѣгъ“ и „Отрочество“ быстро слѣдуютъ одно за другимъ, и вскорѣ новые планы зароились въ творческомъ умѣ писателя. Уже 18 октября онъ набрасывалъ планъ „Кавказскихъ разсказовъ“ (потомъ передѣланныхъ въ

„Казаковъ"); а 9-го ноября онъ думалъ о продолженіи своего романа въ 3-ей части: „Юность" и, ободренный критикой, отнесшейся съ похвалой къ его первымъ трудамъ, присланной ему почтой 25 ноября изъ Петербурга,—Толстой пишетъ первыя главы этого разсказа.

Всѣ эти произведенія болѣе служатъ описаніемъ личной жизни Толстого, его личныхъ наблюденій и внутренняго опыта, нежели свободнымъ созданіемъ творческаго ума; но всѣ они выказываютъ въ юномъ писателѣ поразительную самостоятельность. Ни одинъ изъ русскихъ писателей послѣднихъ десятилѣтій не былъ такъ свободенъ отъ вліянія великихъ романтиковъ страны, какъ Толстой. Вѣяніе нѣмецкаго романтизма, извѣстное въ Россіи по переводамъ Шиллера и Байрона, вдругъ какъ бы исчезаетъ. Создается новое воззрѣніе на природу, воззрѣніе сухое, если только можно такъ выразиться. На человѣка начали смотрѣть не какъ на игрушку судьбы, а какъ на особенный міръ. По мнѣнію Толстого, имѣло значеніе не то, что считалось великимъ. но все, что имѣло вліяніе на нравственный успѣхъ отдѣльной личности.

Если Пушкинъ и Лермонтовъ смотрѣли на Кавказъ съ лѣсами, горными возвышенностями, потоками и интереснымъ народонаселеніемъ, какъ на ново-открытіе, и притомъ могучее, передъ величіемъ котораго умолкаетъ человѣкъ, то Толстой беретъ

крайнюю противоположность и всюду изображаетъ намъ **человѣка**. Его юный творческій умъ занятъ изслѣдованіемъ, какъ развивается на лонѣ природы горецъ, свободный отъ европейскаго образованія; какія перемѣны происходятъ въ сынѣ образованнаго народа, очутившагося на границѣ Европы и Азіи, какъ подчиняется онъ новымъ условіямъ и какъ онъ старается полюбить ихъ, подчинить имъ себя и, наконецъ, ненавидитъ и безропотно и равнодушно относится къ однообразію жизни. Толстой сознательно снимаетъ покровъ, который романтики нарочно разстилаютъ передъ глазами наблюдателя, чтобы смотрѣть на міръ и людей съ свободнымъ взглядомъ реалиста—художника.

II.

ПЕРВЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

Планъ одного романа. — Дѣтство. — Отрочество. — Юность.—Планъ новаго романа.—Утро помѣщика.

Левъ Николаевичъ лежалъ на лежанкѣ въ своей уютной комнаткѣ и мечталъ. Мысли его носились далеко, въ Петербургѣ. 9-го іюня онъ съ робкой надеждой послалъ Некрасову свой первый трудъ, и никто,

никто не зналъ его тайны. Какое счастье для молодого начинающаго писателя, если его произведеніе напечатаютъ въ „Современникѣ“—значитъ, его прочтетъ вся образованная Россія! Въ рукахъ Некрасова находилось рѣшеніе его будущности. Если этотъ одобритъ его къ дальнѣйшему творчеству, значитъ онъ не безъ таланта. Въ какихъ радужныхъ краскахъ представлялъ онъ себѣ тотъ часъ, когда принесутъ съ почты одобреніе великаго писателя. Съ какою гордостью выступитъ онъ затѣмъ передъ любимымъ братомъ Николаемъ и воскликнетъ: Смотри, я тоже писатель! Или, быть можетъ, это одинъ самообманъ? Вѣрю ли я въ то, чего желаю?.... Въ эту минуту ему подали такъ страстно ожидаемое письмо. Полное одобреніе, полная надежда на будущее! Только одного не доставало, чтобы сдѣлать его счастье полнымъ: перваго гонорара за первый трудъ. Некрасовъ соглашался напечатать въ „Современникѣ“ „Дѣтство“, а уплатить за него деньгами отказывался. Но такое обстоятельство не уменьшило восторга юнаго писателя. Полный радужныхъ надеждъ и скромности, онъ тутъ же написалъ въ своемъ дневникѣ: „Я все - таки вѣрю, что я не безъ таланта“.

Первыя произведенія Толстого были плодомъ его стремленія къ знанію. „Знаете, отчего мы такъ сошлись съ вами? Отчего я васъ люблю больше, чѣмъ людей, съ

которыми больше знакомъ и съ которыми у меня больше общаго? Я сейчасъ рѣшилъ это. У васъ есть удивительное рѣдкое качество — откровенность". Такъ говоритъ князь Нехлюдовъ,—второй Николай Иртеньевъ, своимъ юнымъ друзьямъ. И такъ какъ откровенность выдающаяся добродѣтель Иртеньева, то она является и неизмѣннымъ основаніемъ духовнаго имущества Льва Толстого.

Стремленіе къ познанію наполнило его всего, стремленіе быть откровеннымъ передъ самимъ собой и передъ свѣтомъ, потому что только тотъ, кто подвергъ строгому испытанію все свое личное я, можетъ начать великое дѣло нравственнаго усовершенствованія—послѣ жестокой откровенности, которая является высшимъ мѣриломъ для личнаго я. Изъ этого же стремленія къ познанію посредствомъ силы воображенія поэта создается произведеніе искусства, въ которомъ творчество и истина такъ тѣсно сплетаются, что былое въ жизни разсказчика становится общимъ человѣческимъ опытомъ, а самъ разсказчикъ—типомъ.

24-хъ лѣтній поэтъ пытается разсказать, чѣмъ онъ былъ и чѣмъ онъ сталъ, рисуя намъ жизнь ребенка первой трети XIX столѣтія, ребенка, происходившаго изъ стараго дворянскаго рода, его отрочество и юность.

Толстой имѣлъ планъ большого романа:

„Исторію четырехъ эпохъ". Умственное и нравственное развитіе ребенка, отрока, юноши и мужа должно было быть разсказано, какъ личный опытъ, въ формѣ личныхъ воспоминаній. Обширный романъ написанъ частями. Мужество, которое должно было представлять полное раскрытіе жизни, даже не было начато; юность доведена лишь до половины; только дѣтство и отрочество были вполнѣ закончены. „Дѣтство"—первое произведеніе Толстого, съ которымъ онъ вступилъ въ ряды писателей. Оно появилось въ 1852 г., два года спустя—„Отрочество", а съ 1855—57 гг. Левъ Николаевичъ работаетъ надъ „Юностью". Обѣщанія, которымъ онъ заканчиваетъ эту часть: „Долго ли продолжался этотъ моральный порывъ, въ чемъ онъ заключался, и какія новыя начала положилъ оно моему моральному развитію, я разскажу въ слѣдующей, болѣе счастливой половинѣ юности,"—онъ такъ и не исполнилъ.

Николай Иртеньевъ очень подробно рисуетъ намъ образъ своей жизни до того момента, когда послѣ посѣщенія въ продолженіе года университета и несчастнаго переходнаго испытанія въ немъ происходитъ сильный нравственный переворотъ. Богатый родительскій домъ въ селѣ Петровскомъ, расположенномъ недалеко отъ Москвы, становится такимъ знакомымъ намъ, точно мы лично обошли и осмотрѣли это имѣніе и вдоль и поперекъ. Папа и

мама маленькаго Николеньки, старый учитель, Карлъ Ивановичъ Мауеръ, Мими,— гувернантка Любочки, дочь Мими — Катенька, братъ Николеньки—Володя, многочисленная дворня господскаго дома, среди которой занимаетъ такое почетное мѣсто Наталья Савишна, потому что она была еще нянюшкой мама, юродивый Гриша, который отъ времени до времени приходитъ въ Петровское за подаяніемъ, такъ какъ госпожа благоволитъ къ нему,—все это личности, которыя окружаютъ ребенка и такъ близко соприкасаются съ нимъ, что онъ невольно заимствуетъ отъ нихъ всякаго рода впечатлѣнія, передаваемыя намъ въ „Дѣтствѣ“ съ такимъ геніальнымъ искусствомъ и рельефностью, какъ-бы вновь переживаемыя нами воспоминанія, которыя, какъ общія качества, соединены здѣсь тонкими единичными чертами въ правдивую картину дѣйствительности [1]) и переданы такъ живо, точно мы сами ежедневно присутствовали при нихъ. Николай Иртеньевъ вводитъ насъ и въ свою классную

---

[1]) Лица, описанныя Львомъ Николаевичемъ, не всѣ взяты изъ дѣйствительной жизни. Напр., отецъ Николеньки въ „Дѣтствѣ“ описанъ не отецъ Льва Никол., а сосѣдъ и пріятель гр. Николая Ильича—Ал. Мих. Исленьевъ. Мать—вовсе вымышлена. Гувернантка Мими была тоже въ домѣ Исленьевыхъ, жила у нихъ очень долго, и Катенька въ „Дѣтствѣ“—это дочь ея Юзенька, (Жозефина).

Исленьевъ же женился во второй разъ, и мачехи у Толстыхъ никогда не было, а была у дѣтей Исленьева. Примѣч. граф. С. А. Толстой.

комнату, гдѣ царитъ линейка благороднаго и чувствительнаго нѣмца-бюргера; и въ кабинетъ папа, гдѣ тотъ, вѣчно занятый своими дѣлами, проводитъ утро за счетами съ приказчикомъ Яковомъ; и въ гостиную, гдѣ вся семья сидитъ за обѣдомъ вокругъ стола, и гдѣ дѣти поднимаютъ на смѣхъ юродиваго Гришу. Мы присутствуемъ и при диктовкѣ Карла Ивановича обоимъ мальчикамъ его излюбленной мысли: „Von allen Leidenschaften die grausamste ist die Undankbarkeit"...; при веселой игрѣ мальчиковъ; при охотѣ, которой наслаждаются и старый и малый, мужчины и женщины; при возвращеніи домой, послѣ весело проведеннаго дня. Эта дѣтская жизнь въ небольшомъ деревенскомъ домѣ, копія съ жизни многихъ дѣтей, изобилуетъ и мелкими радостями и глубокими впечатлѣніями,—всегда привлекательная по своей простотѣ.

Первая перемѣна во внѣшней и внутренней жизни Иртеньева происходитъ съ переселеніемъ его въ Москву. Вдали отъ нѣжной и кроткой матери, оставшейся въ деревнѣ, съ менѣе ласковымъ отцомъ, который въ гостепріимномъ городѣ только искалъ себѣ веселаго общества игроковъ; подъ надзоромъ патріархально-тиранической, важно-сдержанной бабушки, съ нелюбимымъ гувернеромъ St.-Jerome,—ребенокъ превращается въ отрока. Кругъ знакомыхъ бабушки представляетъ пытливому

уму мальчика новыя личности и новыя отношенія людей. Княгиня Карнакова съ дочерью, князь Иванъ Ивановичъ, Ивины; день рожденія бабушки, дѣтскій балъ, знакомство съ другими мальчиками, особенно тонкій, едва замѣтный разладъ, однако такой чувствительный между мальчиками и дѣвочками,—все возбуждаетъ въ немъ цѣлый міръ новыхъ мыслей и чувствъ. Прежнія понятія ребенка вдругъ сметаются точно бурей, и все: и міръ, и люди являются ему иными, „будто всѣ предметы, которые онъ видѣлъ до тѣхъ поръ, вдругъ повернулись къ нему другой, неизвѣстной еще стороной". А когда смерть врывается въ дорогой кругъ, который былъ для ребенка цѣлымъ міромъ, то дѣтство окончательно уступаетъ мѣсто болѣе сознательному отрочеству. Maman, олицетвореніе любви, набожности и преданности, умираетъ, и любимая ея наперсница, вынянчившая ее и ея дѣтей, вѣрная ключница барскаго дома села Петровскаго, Наталья Савишна,—слѣдуетъ за ней. На этихъ двухъ, дорогихъ сердцу могилкахъ долго груститъ Николай Иртеньевъ. Первый разъ въ жизни присутствовалъ онъ при страшномъ актѣ смерти, въ первый разъ увидѣлъ онъ въ Натальѣ Савишнѣ человѣка, чья жизнь была источникомъ чистой, безкорыстной любви и самопожертвованія. Съ болью въ душѣ онъ обращается къ небу съ вопросомъ: „Неужели Провидѣніе сое-

динило меня съ этими двумя существами, чтобы вѣчно заставить сожалѣть о нихъ?“ Этимъ вздохомъ, который выражаетъ первое сомнѣніе Иртеньева, онъ и заканчиваетъ разсказъ о своемъ дѣтствѣ.

Наступаетъ отрочество. Все яснѣе выступаютъ въ его душѣ сомнѣнія и новыя понятія, которыя дремали въ ней только какъ неопредѣленныя предчувствія. Онъ теперь понимаетъ, что кромѣ него и его окружающихъ существуетъ свѣтъ, и что этотъ свѣтъ есть раздѣленіе людей на бѣдныхъ и богатыхъ, благородныхъ, и простыхъ. И по мѣрѣ того, какъ эти представленія оживали въ немъ съ большею ясностью, въ немъ пробуждались и другія, совершенно новыя понятія, присутствія которыхъ онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ. О влеченіи мужчины къ женщинѣ онъ узнаетъ изъ чувства зависти къ старшему брату, Володѣ, который уже настолько возмужалъ, что начинаетъ заигрывать съ горничной Машей; а чувство ревности родственной зависти возбуждаетъ въ немъ поцѣлуй, какимъ награждаетъ Соничка Валахина Сергѣя Ивина украдкой, въ игрѣ въ фанты. Смерть бабушки разъясняетъ еще болѣе взаимныя человѣческія отношенія. Иртеньевъ уже начинаетъ сознавать, что корыстолюбіе и эгоизмъ управляютъ чувствами людей. Онъ даже пытается анализировать и разсуждать тамъ, гдѣ раньше подчинялся безъ дальнихъ размышленій;

даже поступки отца не кажутся ему безусловно хорошими и достойными подражанія. А дѣйствія Володи и его товарищей вызываютъ въ немъ частыя неодобренія, только къ одному лежитъ его сердце—къ князю Нехлюдову. Между ними какая-то родственная связь. Нехлюдовъ охотно философствуетъ съ умнымъ „дипломатомъ“,—какъ въ шутку называютъ Николая Володины друзья,—и нерѣдко они оба задумываются надъ проблемой нравственнаго усовершенствованія отдѣльныхъ личностей и цѣлаго общества. Въ обществѣ этого друга Иртеньевъ познаетъ самого себя, усвоиваетъ себѣ его воззрѣнія на жизнь и изъ отрока превращается въ юношу.

Нравственное вліяніе Нехлюова положило начало новой жизни Иртеньева, который рѣшается сбросить съ себя старые грѣхи и жить одними идеалами нравственнаго усовершенствованія. Первое можетъ устранить только исповѣдь, достигнуть второго можно соблюденіемъ „правилъ жизни“. И если исповѣдь мимоходомъ вызываетъ въ немъ возвышенное настроеніе, а „правила жизни“ не кажутся болѣе такими простыми и легкими, какими они показались стремящемуся къ усовершенствованію Иртеньеву, однако, уже одно это желаніе облагородило его существо. Счастливо окончившіеся вступительные въ университетъ экзамены, есть уже слѣдствіе серьезныхъ

воззрѣній и добросовѣстной работы. Развлеченія молодыхъ людей, въ кругъ которыхъ, какъ равноправный, вошелъ Николай, расширили его кругозоръ. Успѣшное окончаніе экзаменовъ празднуется веселой товарищеской пирушкой, на которой отуманенный винными парами Иртеньевъ получаетъ оскорбленіе отъ какого-то вздорнаго негодяя. Вечера въ великосвѣтскихъ салонахъ, визиты, ухаживанье, болѣе нѣжная склонность, вступленіе въ ихъ семью молодой, хорошенькой мачехи, общество студентовъ за веселыми пирушками и подготовками къ экзаменамъ,—все это переполняетъ душу впечатлѣніями, которыя перерабатываетъ по-своему пытливый умъ юноши. Говоря строго, онъ не остается вѣренъ своимъ „правиламъ жизни“. Когда онъ проваливается на второмъ экзаменѣ, имъ овладѣваетъ раскаяніе. Иртеньевъ снова берется за свои „правила жизни“, чтобы съ ихъ помощью начать новую работу—и вмѣстѣ съ этимъ въ немъ пробуждается убѣжденіе, что онъ въ будущемъ никогда не сдѣлаетъ зла, никогда не проведетъ минуты праздно, никогда не измѣнитъ своимъ „правиламъ жизни“.

Долго ли продолжался этотъ внутренній порывъ и какія новыя начала положилъ онъ моральному развитію Николая Иртеньева? объ этомъ, какъ сказано выше, онъ долженъ былъ разсказать въ „слѣдующей, болѣе счастливой половинѣ юности“,—

которая никогда не была имъ описана. Форма этого перваго произведенія позволила бы намъ смотрѣть на судьбу Николая Иртеньева, какъ на личныя воспоминанія автора всего имъ пережитаго. Такъ оно было, пока не существовало ни одной біографической замѣтки о Толстомъ. Но теперь намъ извѣстно, что Левъ Николаевичъ лишился отца и матери еще въ нѣжномъ возрастѣ, который почти не оставляетъ о себѣ воспоминаній; къ тому же первые годы Толстого протекаютъ поперемѣнно то въ Ясной Полянѣ, то въ Москвѣ, то въ Казани, подъ опекой тетки, такъ что мы должны видѣть въ *матери* Иртеньева поэтическій образъ творческой фантазіи и широкой наблюдательности автора. *Отца и бабушку онъ помнилъ хорошо. Отецъ его умеръ, когда ему было 8 лѣтъ, въ 1837 году; бабушка же умерла въ 1839.*

Какъ вообще относился Толстой къ своимъ произведеніямъ, можно заключить изъ разсказовъ о двухъ гувернерахъ. Въ домѣ Толстыхъ, какъ мы знаемъ, надъ воспитаніемъ мальчиковъ трудились два гувернера—нѣмецъ и французъ, при чемъ, какъ и у Иртеньевыхъ, французъ былъ вторымъ. Гувернеры Льва Николаевича Толстого были: Ѳедоръ Ивановичъ Россель и monsieur St-Thomas;—у Иртеньева: Карлъ Ивановичъ Мауеръ и monsieur St-Jerome. Слѣдовательно, если между личностями, выведенными въ произведеніи и дѣйстви-

тельными и есть какая непосредственная связь, какъ воспоминанія, то все-таки не слѣдуетъ на это смотрѣть, какъ на автобіографическую попытку, а какъ на самостоятельную работу.

Вотъ какъ Толстой старается дополнить пробѣлъ въ собственной жизни. Такъ какъ онъ не зналъ отца, то моделью отца своихъ героевъ онъ избралъ себѣ другого пожилого господина изъ круга своихъ знакомыхъ, а именно, дѣдушку своей будущей жены съ материнской стороны; а Мими—портретъ гувернантки въ домѣ дѣдушки, значитъ, воспитательницы матери *жены Толстого.* Также и въ изображеніи экзаменовъ Толстого и Иртеньева мы видимъ нѣкоторое сходство.

Въ первыхъ произведеніяхъ Толстого гораздо труднѣе точно опредѣлить границу, отдѣляющую вымыселъ отъ лично пережитыхъ имъ впечатлѣній, нежели въ остальныхъ. Впрочемъ, въ основаніи всякаго произведенія лежитъ передача пережитыхъ впечатлѣній съ произвольнымъ освѣщеніемъ, и кто задается задачей изобразить въ романѣ послѣдовательное развитіе человѣка до извѣстнаго момента, тотъ почерпнетъ отдѣльныя черты для своего созданія только изъ сокровищницы личнаго опыта. Первыя произведенія Толстого можно разсматривать, какъ автобіографію не съ фактической стороны, а главное, какъ изображеніе духовнаго состоянія

и анализъ умственнаго развитія отдѣльной выдающейся личности. Духовная жизнь человѣка лежитъ въ основѣ этого произведенія. Люди и событія служатъ тамъ только для извѣстной связи духовной жизни съ дѣйствующими лицами. Поэтому-то писателю и понадобились тѣ личности и событія, которыя вліяютъ на каждаго человѣка въ его первые годы; а такъ какъ личная жизнь не дала ихъ Толстому, то ему пришлось почерпать ихъ изъ другого источника. Основной чертой характера главнаго героя первыхъ произведеній,— значитъ, и самого Льва Толстого, — это упорное, неутомимое исканіе такихъ явленій дѣйствительности, въ которыхъ бы существовалъ идеалъ правды. Всякое явленіе внѣшняго міра возбуждаетъ его сочувствіе, всякій фазисъ его внутренней жизни требуетъ провѣрки; онъ обдумываетъ его до послѣдней мелочи и доискивается его связи съ общимъ строемъ вещей. При такой дѣятельности ума одинъ вопросъ вызываетъ другой, и природное стремленіе къ наукѣ, пробужденное раньше, нежели у людей съ обыкновеннымъ умомъ, переходитъ въ головѣ мальчика почти въ болѣзненное желаніе переступить границу доступныхъ намъ познаній и самому установить таинственную первоначальную причину общаго бытія. Высшее наслажденіе Николая—отвлеченное мышленіе и его непреодолимая склонность созда-

вать безконечные фантастическіе образы будущаго. То онъ мечтаетъ быть генераломъ и побѣдителемъ, то супругомъ, то изобрѣтателемъ — всемірнымъ благодѣтелемъ. Ни къ одному философскому направленію не пристрастился такъ молодой мыслитель, какъ къ скептицизму, который— какъ говоритъ самъ Толстой—„одно время довелъ меня до состоянія, близкаго къ сумасшествію. Я воображалъ, что кромѣ меня никого и ничего не существуетъ въ мірѣ, что предметы не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестаю думать о нихъ, образы эти тотчасъ же исчезаютъ... Были минуты, что я подъ вліяніемъ этой постоянной идеи доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался въ противоположную сторону, надѣясь врасплохъ застать пустоту (néant) тамъ, гдѣ меня не было".

Николай Иртеньевъ называетъ склонность къ философскимъ размышленіямъ своимъ главнымъ недостаткомъ, ожидая отъ нея себѣ много вреда въ жизни.

Онъ непоколебимо вѣренъ своему нравственному идеалу и, благодаря безпощадной откровенности, мучается, если уклонится отъ прямого пути къ его осуществленію. Онъ не знаетъ середины между мыслью и дѣйствіемъ. Разъ что онъ признаетъ за истину, онъ стремится всею си-

лой примѣнить это къ жизни. Онъ наблюдаетъ, все обсуждаетъ. У него больше любви и снисходительности къ качествамъ и дѣяніямъ другихъ людей, нежели къ собственнымъ. Въ юномъ умѣ уже начинають бродить такіе вопросы, какъ вопросы о человѣчествѣ, равенствѣ и женскомъ воспитаніи.

Его нравственный идеалъ заключается въ убѣжденіи, что „назначеніе человѣка— стремленіе къ нравственному совершенству, что это совершенство легко, достижимо и вѣчно". Осуществленіе этого идеала представляется ему весьма страннымъ образомъ. Во-первыхъ, онъ старается держать себя дальше отъ дѣвичьей, не хочетъ смотрѣть на женщинъ. „Черезъ 3 года, когда я выйду изъ-подъ опеки, я непремѣнно женюсь". Иртеньевъ постоянно думаетъ о женщинахъ. Въ разговорахъ Иртеньева съ Нехлюдовымъ счастье принимаетъ все ту же форму: бракъ, деревенская жизнь и безпрерывная работа надъ самосовершенствованіемъ. У него уже сложился идеалъ любви. Такъ, напримѣръ, въ „Юности" есть глава, которая называется *Любовь.* Въ ней Николай Иртеньевъ порѣшаетъ дѣло такъ:

„Есть три рода любви:

1) Любовь красивая, 2) любовь самоотверженная и 3) любовь дѣятельная".

Къ этому прибавляется еще печальное наблюденіе, какъ между супругами „уже

замѣтно перемежающееся чувство *тихой ненависти*, того сдержаннаго отвращенія къ предмету привязанности, которое выражается безсознательнымъ стремленіемъ дѣлать всѣ возможныя мелкія моральныя непріятности этому предмету". Отецъ и мачеха служатъ ему нагляднымъ предметомъ для изученія человѣка, также сестра и ея подруга. „Я даже въ это лѣто пробовалъ нѣсколько разъ отъ скуки сблизиться и бесѣдовать съ Любочкой и Катенькой, но всякій разъ встрѣчалъ въ нихъ такое отсутствіе способности логичнаго мышленія и такое незнаніе самыхъ простыхъ, обыденныхъ вещей, какъ, напримѣръ, что такое деньги, чему учатся въ университетѣ, что такое война и т. под., и такое равнодушіе къ объясненію всѣхъ этихъ вещей, что эти попытки только больше подтверждали мое о нихъ невыгодное мнѣніе".

Вся эта умственная работа происходитъ внутри юноши, не смѣя показаться наружу, — потому что Николай робокъ, неловокъ, съ некрасивыми чертами лица. Только одинъ Нехлюдовъ можетъ заглянуть въ таинственный лабиринтъ этой умственной работы. Другихъ товарищей онъ какъ-то чуждается. Его отталкиваетъ ихъ безцѣльная, незнающая удержу жизнь; къ тому же другихъ, матеріально менѣе облагодѣтельствованныхъ судьбой, онъ боится обидѣть своимъ богатствомъ.

24-хъ лѣтній писатель, конечно, сообщилъ Николаю Иртеньеву свои успѣшно развившіяся воззрѣнія на жизнь, — а въ этомъ возрастѣ разница 4—6 лѣтъ значительна — но въ основѣ лежитъ духовная жизнь возрастающаго, созрѣвающаго человѣка, и при томъ съ такимъ знаніемъ души, равнаго которому нѣтъ ни въ одномъ другомъ произведеніи, и съ такой увѣренностью въ изложеніи, отъ которой не ускользаетъ ни одна малѣйшая черта. Выведенные имъ люди стоятъ живыми передъ его умственнымъ взоромъ. Все въ нихъ имѣетъ для него значеніе. Онъ умѣетъ дать мѣсто въ цѣломъ на видъ самому ничтожному явленію.

Онъ проникаетъ въ каждый фибръ сердца, его умственному взору доступно малѣйшее успѣшное движеніе въ тѣлесномъ и умственномъ отношеніи въ ихъ удивительной гармоніи. Онъ величайшій анатомъ души.

Анатомія души, такъ же, какъ и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Толстого, есть сильнѣйшая сторона его таланта, — убѣждаетъ насъ уже въ первыхъ его произведеніяхъ, что онъ одаренъ великой, самостоятельной творческой силой. Въ „Дѣтствѣ“ и „Отрочествѣ“ эта сила проявляется съ большей наглядностью, чѣмъ въ „Юности“, гдѣ господствуетъ и та удивительная гармонія отдѣльныхъ частей, какъ и въ прекрасномъ архитектурномъ

зданіи. Въ задачѣ первыхъ произведеній Толстого лежало въ то же время и стремленіе къ художественной техникѣ, которая соотвѣтствовала его генію и съ меньшимъ или большимъ успѣхомъ господствовала въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ. Толстой старается передать настроеніе духа не только словами, но и поступками. Онъ описываетъ цѣлый рядъ дѣйствій менѣе значительныхъ и совсѣмъ незначительныхъ, изъ которыхъ можно дѣлать выводъ о душевномъ настроеніи; отъ этого дѣйствительность только болѣе выигрываетъ, потому что въ жизни такъ и бываетъ, вѣдь внутреннее настроеніе ускользаетъ отъ посторонняго взгляда. Судить о душевномъ настроеніи человѣка мы можемъ только по его манерѣ держать себя, говорить и дѣйствовать. Эта техника рождаетъ томительныя мелочности, какъ это подмѣтило ранѣе чутье Аксакова („Русская Бесѣда“, 1857 г.), но и то съ большимъ исключеніемъ.

Это, кажущееся на первый взглядъ остроумнымъ замѣчаніе Аксакова, однако не вѣрно. Психологія человѣческой души не имѣетъ общаго для всѣхъ мѣрила. И въ этомъ случаѣ правъ писатель, а не критикъ, потому что, что проходитъ безслѣдно передъ глазами одного, то можетъ измѣнить все существо другого; изъ этого слѣдуетъ, что нѣтъ явленія самого по себѣ существеннаго или несущественнаго, — его

значеніе опредѣляется только его вліяніемъ на человѣка.

Техника, которую мы здѣсь старались ближе выяснить, и анатомія души, лежащая въ основѣ первыхъ произведеній Толстого, — все это составляетъ его неотъемлемую собственность, хотя русская литература въ это время и владѣла чѣмъ-то родственнымъ. Критика 50-хъ годовъ особенно охотно сравниваетъ первыя произведенія юнаго писателя съ Лермонтовскимъ „Героемъ нашего времени“ и Гончаровскимъ „Обломовымъ“; но оба писателя имѣютъ только что-то родственное, но ничего похожаго. Поэзія Лермонтова направлена на вѣрную передачу искусно воспроизведенныхъ чувствъ. Иронія Гончарова осуждаетъ бездѣятельную слабость и заставляетъ житейскую мудрость торжествовать надъ ней. Толстой ищетъ правды, неподкупной правды, правды какой бы то ни было цѣной, будь то даже жизнью отдѣльныхъ личностей или всего человѣчества: „Герой моей повѣсти, — говоритъ Толстой въ „Севастополѣ въ маѣ 1856 г.“, — котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его, и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ — *правда*.“

Въ Фаустѣ и Мефистофелѣ мы привыкли различать двѣ противоположныя стороны одного существа, которымъ поэтъ далъ самостоятельную жизнь только ради

художественной цѣли. Точно также и на Иртеньева и Нехлюдова, этихъ героевъ первыхъ произведеній Толстого, можно смотрѣть, какъ на двѣ части высшаго единства, жившихъ въ личности ихъ создателя. Иртеньевъ и Нехлюдовъ оттого-то такъ и дружны, — второй, старшій, имѣетъ такое сильное вліяніе на перваго, потому что онъ обладаетъ именно тѣми качествами, которыхъ недостаетъ младшему. Творцу обоихъ типовъ были одинаково свойственны достоинства и недостатки того и другого; этимъ-то и объясняется его стремленіе, полное противорѣчій и часто загадочно-темное. Протекли университетскіе годы, юношескіе годы его развитія кончились! Неудовлетворенный безплодностью пріобрѣтенныхъ въ университетѣ познаній, Толстой переселяется въ свое имѣніе, въ свою родную Ясную Поляну, чтобы научиться у жизни. Но этотъ подъемъ духа длится весьма короткое время. На смѣну ему пришло новое разочарованіе.

У Толстого явилась потребность поэтически изобразить и родъ этихъ внутреннихъ событій. Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ онъ представилъ намъ вообще развитіе человѣка подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, теперь же онъ задумалъ планъ въ широкихъ размѣрахъ—нарисовать типъ русскаго помѣщика. Этотъ большой планъ соотвѣтствовалъ надеждѣ Толстого, что онъ самъ будетъ долгое вре-

мя вести жизнь помѣщика и что его личный опытъ дастъ ему матеріалъ для большого романа: „Русскій помѣщикъ“. Испытанное имъ кораблекрушеніе разрушило и этотъ великій планъ, небольшая часть котораго была воспроизведена имъ подъ заглавіемъ: „Утро помѣщика.“

19-ти-лѣтній князь Нехлюдовъ, съ 3-го курса увиверситета пріѣзжаетъ на лѣтнія вакаціи въ свою деревню; онъ пробылъ въ ней цѣлое лѣто. Осенью онъ пишетъ графинѣ, своей тетушкѣ, письмо, въ которомъ высказываетъ свое рѣшеніе остаться въ деревнѣ и посвятить всего себя крестьянамъ. „Я чувствую себя, — пишетъ онъ ей по-французски,—способнымъ быть хорошимъ хозяиномъ; а для того, чтобы имъ быть, какъ я разумѣю это слово, не нужно ни кандидатскаго диплома, ни чиновъ, которые вы такъ желаете для меня. Милая тетушка, не дѣлайте за меня честолюбивыхъ плановъ, привыкните къ мысли, что я пошелъ по совершенно-особенной дорогѣ, но которая хороша и, я чувствую, приведетъ меня къ счастью. Я много и много передумалъ о своей будущей обязанности, написалъ себѣ правило дѣйствій и, если только Богъ дастъ мнѣ жизни и силъ, я успѣю въ своемъ предпріятіи. Не моя ли священная и прямая обязанность заботиться о счастьѣ этихъ 700 человѣкъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу?“—

Тетушка-графиня отвѣчала ему слѣдующимъ письмомъ, тоже по-французски:

„Твое письмо, милый Дмитрій, ничего мнѣ не доказало, кромѣ того, что у тебя прекрасное сердце... Но, милый другъ, наши добрыя качества больше вредятъ намъ въ жизни, чѣмъ дурныя".

Она не хочетъ отклонить его отъ его намѣренія, а только убѣдить въ его глупости и въ малой подготовкѣ къ сельскому хозяйству. „Ты всегда хотѣлъ казаться оригиналомъ, а твоя оригинальность не что иное, какъ излишнее самолюбіе. И, мой другъ, выбирай лучше торныя дорожки: онѣ ближе ведутъ къ успѣху, а успѣхъ, если ужъ не нуженъ для тебя какъ успѣхъ, то необходимъ для того, чтобы имѣть возможность дѣлать добро, которое ты любишь."

Молодой человѣкъ, однако, не послѣдовалъ совѣту тетушки, а рѣшивъ, что и геніальная женщина можетъ ошибаться, подалъ прошеніе объ увольненіи изъ университета и остался въ деревнѣ.

Въ одно ясное іюньское воскресенье Нехлюдовъ сталъ ходить отъ одной избы къ другой. Но тутъ онъ долженъ былъ убѣдиться, что тетушка была права. Крестьяне не имѣли никакого понятія о его благодѣтельныхъ реформахъ. Съ своей барщиной они до того отупѣли, что предпочитаютъ то лѣниво-животное состояніе, которое обратилось у нихъ во вторую натуру. Они

даже не вѣрятъ добротѣ своего барина, потому что никогда еще ни одинъ помѣщикъ не считалъ ихъ своими братьями.

Одно утро разрушило всѣ мечты о возможности оказать благодѣянія человѣчеству.

Толстой въ „Утрѣ помѣщика“ пытается въ первый разъ дать характеристику русскаго мужика. Хотя этотъ отрывокъ большого романа напечатанъ только въ декабрѣ 1856 г. въ „Отечественныхъ Запискахъ“, однако, онъ былъ написанъ въ 1852 г. одновременно съ „Дѣтствомъ“ и „Отрочествомъ“.

Здѣсь мы въ первый разъ видимъ выраженіе горячей любви писателя къ подневольному народу, которую Тургеневъ насмѣшливо называетъ „истеричною“. Но, именно эта любовь оплодотворяетъ творческую силу Толстого, и если Толстой правъ въ своей позднѣе выраженной мысли, что ни одинъ поэтическій образъ не можетъ быть воспроизведенъ безъ любви, то „Утро помѣщика“ доказываетъ намъ истину этой выраженной мысли. Самъ Тургеневъ, въ своихъ „Запискахъ охотника“ не можетъ такъ изобразить намъ душу народа. Правда, Тургеневъ разностороннѣе; онъ рисуетъ намъ различные типы. Толстой же выводитъ немного людей, жизнь которыхъ непосредственно протекаетъ на его глазахъ. Тургеневъ не совсѣмъ свободенъ отъ идеализаціи, его поэтическіе образы стремятся

къ удобной округленности; онъ дѣлаетъ видъ, что избѣгаетъ тенденцій, хотя онѣ сильно чувствуются въ его очеркахъ. Толстой даетъ намъ только то, что можетъ видѣть всякій наблюдатель, если онъ только приблизится къ крестьянамъ съ тою же любовью и съ тѣми же зоркими глазами. У него, повидимому, нѣтъ никакихъ художественныхъ цѣлей, а между тѣмъ открыто проповѣдуетъ тенденціи. Если Тургеневъ превзошелъ его въ описаніи русской природы, то Толстой превосходитъ своего соперника въ ясномъ изложеніи области мысли русскаго человѣка.

Какъ ни мала повѣсть „Утро помѣщика", однако Толстой сумѣлъ познакомить насъ со всѣмъ бытомъ маленькой русской деревеньки. Чурисъ, Юхванка, Давыдка-Бѣлый, богатый Карпъ стоятъ передъ нами съ той поразительной живостью, какъ типы того общества, въ которомъ вращался Николай Иртеньевъ.

„Утро помѣщика" есть почти въ каждомъ словѣ описаніе личной жизни Толстого,— Нехлюдовъ—Толстой.

И вопреки разнаго рода разочарованій горячая любовь Льва Николаевича Толстого къ народу осталась той же до самой старости. Куда ни заносила его судьба, онъ всегда углублялся въ дѣвственно - чистую душу народа и никогда не забывалъ святой обязанности облагодѣтельствованнаго судьбой человѣка къ менѣе счастливому

брату. Дѣло, начатое въ Ясной Полянѣ, онъ продолжалъ всегда и вездѣ безпрерывно. На Кавказѣ были горцы, въ Севастополѣ русскій солдатъ первый предсталъ его изученію, и когда Толстой, послѣ долгихъ мытарствъ и умственной борьбы, снова поселился въ Москвѣ, онъ весь отдался бѣдствующимъ и несчастнымъ, постоянно и неутомимо стремясь къ идеалу человѣческаго братства, въ которомъ исчезаетъ всякое неравенство, и гдѣ любовь является единственнымъ двигателемъ всѣхъ нашихъ поступковъ.

Успѣхъ первыхъ произведеній Толстого былъ настолько великъ, что съ того времени его сразу причислили къ разряду первыхъ писателей. Во всѣхъ литературныхъ кружкахъ имя молодого писателя произносилось восторженно, безъ тѣни зависти или недоброжелательства. „Современникъ" за 1856 г., № 12-й, заканчиваетъ свою критическую статью слѣдующими словами: „Мы предсказываемъ, что все, что до сихъ поръ внесено въ нашу литературу графомъ Толстымъ, есть только залогъ того, что дастъ онъ намъ въ будущемъ, но какъ богатъ и красивъ этотъ залогъ." И Петръ Анненковъ, одинъ изъ уважаемыхъ критиковъ нашего времени, выразился о Толстомъ такими гордыми словами: Уже то, что графъ Левъ Николаевичъ Толстой далъ намъ, позволяетъ намъ теперь же смѣло внести его имя въ списокъ лучшихъ писателей

нашего времени, на-ряду съ Гончаровымъ, Григоровичемъ, Писемскимъ и Тургеневымъ, этими свѣточами нашей литературы, имена которыхъ никогда не исчезнутъ изъ памяти читателей и изъ книги исторіи русской литературы.

III.

КАВКАЗЪ.

Кавказскіе разсказы.—Набѣгъ.—Рубка лѣса.—Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ.—Казаки.

Года два съ небольшимъ, — отъ лѣта 1851 г.—до осени 1853 г. пробылъ молодой офицеръ Толстой на Кавказѣ, но новый свѣтъ дѣйствовалъ съ такой силой на возбужденное творческое дарованіе, что оно въ такое время дало обильные плоды. Все здѣсь было для молодого, начинающаго писателя ново: природа, люди, нравы и обычаи. Свои родныя равнины онъ промѣнялъ на высокія горы, общество, которое, по традиціямъ, называлось самымъ лучшимъ, но отталкивало юнаго мыслителя по наслѣдственнымъ предразсудкамъ,

промѣнялъ онъ на общество людей, чуждыхъ всякой культуры въ высшемъ смыслѣ этого слова; прочныя, неприкосновенныя общественныя требованія — на обычаи, гдѣ господствовала полная свобода, чуть ли не природный инстинктъ. Толстой хочетъ учиться, видѣть и слышать, лично убѣдиться въ тѣхъ неясныхъ предчувствіяхъ, зародыши которыхъ покоились на днѣ его души. Онъ началъ слѣдить за всѣмъ не только проницательнымъ окомъ образованнаго наблюдателя, но и съ любящимъ снисхожденіемъ человѣка, который надѣялся найти здѣсь то, что казалось ему недосягаемымъ въ старой обстановкѣ.

Цѣлый годъ жилъ Толстой среди своихъ друзей—солдатъ и казаковъ, участвуя съ ними и въ стычкахъ, и въ охотахъ, и въ пирушкахъ, и въ попойкахъ, знакомясь и съ семейнымъ очагомъ незатѣйливаго казацкаго хозяйства, и всѣ эти новыя впечатлѣнія стремились вылиться въ поэтическую форму, гдѣ воскресала дѣйствительность и, какъ въ зеркалѣ, отражались новыя чувства мыслящаго европейца.

Вовсе не случайно выбрана въ первыхъ произведеніяхъ Толстого личная форма повѣствованія; она необходима, потому что она передаетъ намъ то, что онъ наблюдалъ самъ и что внутренно пережилъ; хотя въ нихъ и ясно отмѣчена полная независимость и самостоятельность. Онъ подмѣчаетъ съ одинаковой проницательностью, какъ

великое, такъ и малое, значительное и незначительное, для него едва ли даже существуетъ разница между существеннымъ и несущественнымъ. То, что онъ видитъ, онъ и передаетъ все безъ различія, малѣйшая черта служитъ дополненіемъ цѣлаго въ его поэтической передачѣ, точно такъ же, какъ и въ природѣ, гдѣ нельзя сказать, что одно болѣе, а другое менѣе имѣетъ значенія. Изъ этого соединенія дѣйствительности съ личными воззрѣніями на идеалъ нравственности возстаетъ та индивидуальность, которая уже въ первыхъ его произведеніяхъ даетъ отпечатокъ высшей самостоятельности.

Толстой обогатилъ нашу литературу 4-мя разсказами, матеріалъ которыхъ обязанъ его однолѣтнему пребыванію на Кавказѣ. „Набѣгъ" въ 1852 г., написанный тамъ же, на Кавказѣ, „Рубка лѣса" въ 1854—55 гг., вывезенный оттуда въ рукописи, среди штурмовъ Севастопольской войны, „Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ", относящійся къ 1856 г. и., наконецъ, „Казаки", самая большая повѣсть изъ всѣхъ 4-хъ кавказскихъ разсказовъ, приведенная къ концу цѣлымъ десяткомъ лѣтъ позже, а именно въ 1863 г., напечатанная въ январской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" *).

*) Но и въ томъ видѣ, въ какомъ она напечатана, она составляетъ только часть большого, задуманнаго авторомъ романа, который былъ начатъ подъ заглавіемъ „Кавказская повѣсть" и никогда не былъ приведенъ къ концу. Примѣч. гр. С. А. Толстой.

Первые три разсказа относятся къ „Казакамъ,“ какъ наброски къ выполненной уже картинѣ, какъ очерки къ цѣлому художественному произведенію. Въ „Набѣгѣ“ выведенъ на сцену волонтеръ, который, какъ подобаетъ герою графа Толстого, ищетъ проявленій истинной жизни, и потому просится въ дѣло, чтобы видѣть, проявляется ли, и какъ проявляется храбрость. И онъ напряженно присматривается къ тому, какъ держатъ себя различные люди во время похода и дѣла. „Я съ любопытствомъ вслушивался въ разговоры солдатъ и офицеровъ, внимательно всматривался въ выраженія ихъ физіономій и т. д.“ Кавказъ, обѣтованная земля всей русской молодежи, сознательно сбрасываетъ съ себя покровъ поэтической прелести. Молодые офицеры живутъ не только внутренно, но и внѣшнимъ образомъ въ области мысли русской романтики. Они во всемъ подражаютъ героямъ произведеній этого направленія, представителями которыхъ являются Марлинскій и Лермонтовъ. Эти люди смотрятъ на Кавказъ не иначе, какъ сквозь призму героевъ нашего времени, Мулла-Нуровъ и т. под. Они ищутъ вездѣ романтическихъ любовныхъ интригъ съ черкешенками, схватокъ съ татарами, и вся ихъ преданность службѣ заключается въ исканіи приключеній. Но какъ скоро приходитъ къ нимъ разочарованіе! Раны, смерть и страшное противо-

рѣчіе между мирнымъ величіемъ природы и безпокойнымъ стремленіемъ людей болѣзненно вызываютъ въ нихъ мысль: „Неужели—со стономъ вырывается изъ груди разсказчика—неужели можетъ среди этой обаятельной природы удержаться въ душѣ человѣка чувство злобы, мщенія или страсти истребленія себѣ подобныхъ? Все недоброе въ сердцѣ человѣка должно бы, кажется, исчезнуть въ прикосновеніи съ природой — этимъ непосредственнѣйшимъ выраженіемъ красоты и добра". Стоны раненыхъ производятъ на него такое сильное впечатлѣніе, что даже воинственная картина теряетъ для него всю свою прелесть; въ его послѣднемъ вздохѣ слышится желаніе забыть подробности страшныхъ картинъ! О, какъ дорого бы далъ онъ, чтобы забыть все, чему былъ свидѣтелемъ!

„Набѣгъ" служитъ отчасти изображеніемъ русскихъ офицеровъ, которые стремились на Кавказъ съ цѣлью скорѣе получить тамъ ордена и сдѣлать себѣ карьеру, — эти неблагородныя побужденія, которыя незнакомы нижнему чину. Послѣдній идетъ на Кавказъ, потому что его посылаютъ, не строитъ никакихъ плановъ насчетъ своей будущности и подъ чужимъ небомъ прибавляетъ къ своимъ старымъ добродѣтелямъ еще новыя.

„**Рубка лѣса**, разсказъ юнкера" есть характеристика русскаго **солдата** на Кавказѣ. Этотъ небольшой разсказъ о посылкѣ взво-

да на рубку лѣса служитъ внѣшнимъ образомъ поводомъ къ изображенію различныхъ характеровъ. Разсказчикъ подраздѣляетъ русскихъ солдатъ на три главныхъ типа: 1) покорныхъ, 2) начальствующихъ и 3) отчаянныхъ; тутъ же приводитъ онъ и примѣры для этихъ подраздѣленій. Всѣ приведенные характеры развиваются подъ особеннымъ вліяніемъ долголѣтней и трудной службы и борьбы съ кочующими горцами.

Искусство показать, послѣ зоркой наблюдательности, въ ясныхъ и полныхъ смысла словахъ типичныя стороны отдѣльныхъ личностей всѣхъ класовъ людей такъ, чтобы все чуждое вдругъ стало намъ понятнымъ, и постоянная связь внѣшняго міра, переданнаго съ реалистической правдой, съ душевнымъ настроеніемъ человѣка,— дошло уже въ этомъ юномъ произведеніи до высшаго предѣла.

„Встрѣча въ отрядѣ съ московскимъ знакомымъ, изъ кавказскихъ записокъ князя Нехлюдова",—рисуетъ намъ особенный случай, когда юноша изъ высшаго круга столицы спускается на самую низшую ступень кавказскаго солдатства. Позднѣе Толстой часто рисуетъ намъ глубокое паденіе культурнаго человѣка. Здѣсь же оно отражается при особенныхъ обстоятельствахъ солдатской жизни на Кавказѣ, которыя, впрочемъ, отходятъ здѣсь на задній планъ; первое же мѣсто принадлежитъ погибше-

му Гуськову, какъ типу, чаще всего встрѣчающемуся классу людей русскаго дворянства. Гуськовъ—сынъ богатыхъ родителей; его отецъ занималъ гдѣ-то значительное мѣсто; послѣ несчастной и глупой исторіи онъ три мѣсяца сидѣлъ подъ арестомъ, потомъ былъ посланъ на Кавказъ въ N полкъ, гдѣ уже три года служитъ солдатомъ и теряетъ всякое чувство чести и человѣческаго достоинства. Бывшій левъ петербургскихъ великосвѣтскихъ салоновъ сдѣлался теперь товарищемъ грязныхъ пропоицъ и невѣжественнаго пролетарія. Онъ разжалованъ и служитъ рядовымъ. Съ образованными и лучшими офицерами его ничто не связываетъ, кромѣ чувства сожалѣнія, подъ вліяніемъ котораго они время отъ времени ссужаютъ его деньгами. Князь Нехлюдовъ встрѣчался съ этимъ несчастнымъ человѣкомъ въ 1848 г., у его сестры, въ домѣ которой собиралось тогда лучшее общество Москвы; значитъ, достаточно было нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы дойти по этой страшной дорогѣ отъ жизни, полной роскоши, образованія, со взглядами знатнаго европейскаго общества, почти до животнаго прозябанія самыхъ низшихъ слоевъ Россіи.

Во всѣхъ этихъ трехъ произведеніяхъ говоритъ духъ человѣка, для котораго нравственное усовершенствованіе составляетъ главную задачу, какъ отдѣльнаго лица, такъ и массы. Культурный міръ, съ

высшимъ проявленіемъ котораго онъ познакомился въ Москвѣ, Петербургѣ и Казани, есть уничтоженіе счастья, разрушеніе всѣхъ добрыхъ порывовъ, врагъ общаго благосостоянія. Тамъ, гдѣ человѣкъ ближе къ природѣ, еще открываются источники счастливаго довольства. Представители блестящаго общества стремятся къ погонѣ за блескомъ, честью, богатствомъ, добродѣтель для нихъ есть только предлогъ или средство, но никакъ не самостоятельная цѣль. Въ народѣ же, напротивъ, понятіе о добрѣ существуетъ безсознательно. Только тотъ, кто не ищетъ орденовъ, не гонится за богатствомъ, не преслѣдуетъ блеска, — и поступаетъ храбро, не боясь смерти, благородно, можетъ быть движимъ лучшими стремленіями человѣческой природы. И таковъ нашъ народъ. Если культурный человѣкъ, познавъ вредъ своей среды, нравственно усовершенствуется, то онъ долженъ искать сближенія съ народомъ и у него учиться. Эти хорошія качества народа съ любовью изображены въ „Кавказскихъ разсказахъ". Какое величіе души показываетъ намъ простой солдатикъ Веленчукъ, который передъ смертью только о томъ и думаетъ, какъ бы отдать поручику Сулимовскому полтину, оставшуюся отъ покупки приклада на шинель, и которая лежала у него въ мѣшкѣ съ пуговицами, — передъ ротнымъ командиромъ Болховымъ, прозваннымъ въ пол-

ку „бонжуроліей". Онъ имѣлъ состояніе, служилъ прежде въ гвардіи и говорилъ по-французски. Храбрость его была разсчитана на повышеніе и полученіе ордена. Какъ сильна безсловесная храбрость простого солдата въ сравненіи съ искусственной романтичностью молодыхъ офицеровъ, которые чувствуютъ себя разочарованными, когда вмѣсто воспѣтыхъ поэтами приключеній, они должны узнать лишенія походной жизни.

Съ какимъ восторгомъ восхваляетъ Толстой храбрость русскихъ солдатъ въ сравненіи съ солдатами южныхъ народовъ. Духъ русскаго солдата не основанъ такъ, какъ храбрость южныхъ народовъ, на быстро воспламеняемомъ и скоро остывающемъ энтузіазмѣ: его такъ же трудно разжечь, какъ и заставить упасть духомъ. Для него не нужны эффекты, рѣчи, воинственные крики, пѣсни и барабаны, для него нужны, напротивъ, спокойствіе, порядокъ и отсутствіе всего натянутаго. Въ русскомъ, настоящемъ русскомъ солдатѣ, никогда не замѣтишь хвастовства, ухорства, желанія отуманиться, разгорячиться во время опасности, — напротивъ, скромность, простота и способность видѣть въ опасности совсѣмъ другое, чѣмъ опасность,—все это составляетъ отличительныя черты его характера.

До Толстого въ русской литературѣ не было вѣрнаго представленія о духѣ и

характерѣ русскаго солдата. Всѣми читанные разсказы **Скобелева** создались подъ вліяніемъ прекраснаго чувства—патріотизма и непосредственнаго творческаго дарованія. У Скобелева одинъ солдатъ походитъ на другого. Подобно тому, какъ проходя по одной линіи солдатъ, вы съ трудомъ различаете одного отъ другихъ, вслѣдствіе ихъ одинаковыхъ мундировъ, также незамѣтно для насъ проходятъ отдѣльныя черты отдѣльныхъ личностей въ изображенныхъ Скобелевымъ типахъ. Вмѣсто живой жизни имъ изображена общая окаменѣлая форма жизни; у него солдатъ принадлежитъ къ какому-то обществу, гдѣ имѣется свой языкъ, свои обычаи, достоинства и недостатки, и это общество разсѣивается по всему обширному государству и вездѣ убиваетъ индивидуальность.

Толстой на все смотритъ широкимъ взглядомъ и судитъ сердцемъ, полнымъ любви къ человѣку. Поэтому громадная, однообразная масса распадается у него на живыхъ людей, и каждый изъ нихъ выступаетъ, какъ связь своихъ личныхъ природныхъ способностей съ средой солдатской жизни. Поэтому онъ изображаетъ намъ этотъ міръ не съ одностороннимъ духомъ патріота, но съ непоколебимой увѣренностью свободнаго гражданина.

Толстой своимъ могущественнымъ описаніемъ реалистической вѣрности **солдатской жизни** и **Кавказа** одновременно внесъ въ

русскую литературу два цѣнныхъ вклада, которые до него отсутствовали въ ней.

„**Казаки**“ (какъ сказано было выше) — законченное цѣлое того, что было набросано въ первыхъ трехъ разсказахъ, — названы самимъ Толстымъ „Кавказской повѣстью 1852 г.“, какъ бы съ дополненіемъ, что въ произведеніе внесено лично пережитое авторомъ въ продолженіе однолѣтняго служенія на Кавказѣ. Но и безъ этого легко поднять завѣсу, наброшенную на весь разсказъ и признать въ Оленинѣ самого автора, носящаго всюду съ собой свой прекрасный идеалъ. Но поводомъ разсказа послужили событія не личной жизни Толстого, а другого офицера, который передалъ ему ихъ ночью, во время одного путешествія.

Оленинъ — юноша, нигдѣ не кончившій курса, нигдѣ не служившій (только числившійся въ какомъ-то присутственномъ мѣстѣ), промотавшій половину своего состоянія и до 24-хъ лѣтъ еще не избравшій себѣ никакой карьеры и никогда ничего не дѣлавшій. Онъ былъ то, что называется „молодой человѣкъ“ въ московскомъ обществѣ. Въ 18 лѣтъ Оленинъ былъ такъ свободенъ, какъ только бывали свободны русскіе богатые молодые люди 40-хъ годовъ, съ молодыхъ лѣтъ оставшіеся безъ родителей. Для него не было никакихъ ни физическихъ, ни моральныхъ оковъ; онъ могъ все сдѣлать, и ему ниче-

го не было нужно, и ничто его не связывало. У него не было ни семьи, ни отечества, ни вѣры, ни нужды. Онъ ни во что не вѣрилъ и ничего не признавалъ. Но, ничего не признавая, онъ не только не былъ мрачнымъ, скучающимъ и резонирующимъ юношей, а напротивъ, постоянно увлекался. Онъ рѣшилъ, что любви нѣтъ, и всякій разъ присутствіе молодой и красивой женщины заставляло его замирать. Онъ давно зналъ, что почести и слава—вздоръ, но невольно чувствовалъ удовольствіе, когда на балѣ подходилъ къ нему князь Сергѣй и говорилъ ласковыя рѣчи. Но отдавался онъ всѣмъ своимъ увлеченіямъ лишь настолько, насколько они не связывали его. Какъ только, отдавшись одному увлеченію, онъ начиналъ чуять приближеніе труда и борьбы, мелочной борьбы съ жизнью, онъ инстинктивно торопился оторваться отъ чувства или дѣла, чтобы возстановить свою свободу. Такъ начиналъ онъ свѣтскую жизнь, службу, хозяйство, музыку, которой одно время думалъ посвятить себя, и даже любовь къ женщинѣ, въ которую не вѣрилъ.

Оленинъ, уѣзжая изъ Москвы, находился въ томъ счастливомъ молодомъ настроеніи духа, когда, сознавъ прежнія ошибки, юноша вдругъ скажетъ себѣ, что все это было не то, что все прежнее было случайно и незначительно,—и что онъ ѣдетъ на Кавказъ начинать новую жизнь, въ которой

не будетъ больше тѣхъ ошибокъ, не будетъ раскаянія, а навѣрное будетъ одно счастье.

Въ продолженіе всего длиннаго пути его преслѣдуютъ мечты о будущемъ, которыя соединялись съ образами Амалатъ-Бековъ, черкешенокъ, горъ, обрывовъ, страшныхъ потоковъ и опасностей,— все это представляется ему смутно; но заманчивая слава, угрожающая смерть составляютъ интересъ этого будущаго. Чѣмъ дальше уѣзжалъ Оленинъ отъ центра Россіи, тѣмъ дальше казались отъ него всѣ его воспоминанія, и чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ Кавказу, тѣмъ отраднѣе становилось ему на душѣ. „А эти люди, которыхъ я здѣсь вижу — не люди, никто изъ нихъ меня не знаетъ, и никто, никогда, не можетъ быть въ Москвѣ въ томъ обществѣ, гдѣ я былъ, и узнать о моемъ прошедшемъ, и никто изъ того общества не узнаетъ, что я дѣлалъ, живя между этими людьми".

Вотъ начало новой жизни и разрывъ со всѣмъ тѣмъ, что было и что навѣки осталось позади него. Эта новая и свѣжая обстановка придаетъ нравственныя и физическія силы молодому москвичу.

Ему отведена квартира въ одномъ изъ лучшихъ домовъ станицы, у хорунжаго Ильи Васильевича, т. е. у бабушки Улиты, которой помогала въ хозяйствѣ ея хорошенькая дочка, Марьянка. Оленинъ ду-

малъ, что въ кругу военныхъ на Кавказѣ онъ будетъ принятъ съ радостью, какъ товарищъ; но первый же, дядя Ерошка, объясняетъ ему, что русскій для казаковъ хуже татарина; „Они васъ не за людей считаютъ. Ты для нихъ хуже татарина. Мірскіе, молъ, русскіе. А по-моему, хоть ты и солдатъ, а все человѣкъ, тоже душу въ себѣ имѣешь“. „Чего пришелъ? Каку надо болячку? Скобленое твое рыло!“ — такъ привѣтствуетъ бабушка Улита, отворяя дверь Оленину. „Не нужно мнѣ твоихъ денегъ поганыхъ. Легко ли, не видали! Табачищемъ домъ загадитъ, да деньгами платить хочетъ“ и т. д. Вскорѣ однако семья привыкаетъ къ нему. Хорунжій, Илья Васильевичъ, былъ казакъ образованный, побывавшій въ Россіи школьнымъ учителемъ, а главнымъ образомъ, человѣкъ благородный. Онъ старается странной, напыщенной рѣчью заключить съ Оленинымъ сдѣлку, т. е. за хорошую цѣну отдать ему внаймы плохую комнату. Три мѣсяца Оленинъ на Кавказѣ и близко сошелся только съ Лукашкой, съ однимъ изъ дѣльныхъ молодыхъ казаковъ, да съ Ерошкой, съ старымъ, опытнымъ охотникомъ, съ умнымъ малымъ, который нравится ему своей безхитростной крестьянской философіей. Ерошка вводитъ его въ жизнь казаковъ, онъ бродитъ съ нимъ по лѣсамъ и горамъ; охотятся вмѣстѣ за фазанами и оленями, прислушиваются къ

ночной тишинѣ подъ открытымъ небомъ, къ вою шакаловъ и крику совъ, сидятъ около печи, поютъ, болтаютъ, и эта скорѣе физическая жизнь, среди свободной природы, подобно безыскусственной рѣчи этого свободнаго человѣка, вызываетъ во всемъ существѣ Оленина естественный переворотъ. Оленинъ на видъ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Вмѣсто бритыхъ скулъ, у него были молодые усы и борода. Вмѣсто истасканнаго ночною жизнью желтоватаго лица—на щекахъ, на лбу, за ушами былъ красный, здоровый загаръ. Вмѣсто чистаго чернаго фрака была бѣлая грязная съ широкими складками черкеска и оружіе. Вмѣсто свѣжихъ крахмальныхъ воротничковъ—красный воротъ канаусоваго бешмета, который стягивалъ короткую шею. Несмотря на все это, наружность его дышала здоровьемъ, веселостью и самодовольствомъ. Началась его новая жизнь. Старыя московскія воспоминанія, казалось, изгладились изъ памяти, передъ нимъ лежалъ новый путь, на которомъ онъ еще ни разу не оступился. Эта новая жизнь не началась такъ, какъ онъ представлялъ ее себѣ, но все-же она была хороша, свыше его ожиданій.

Отъ тѣсной дружбы съ дядей Ерошкой перемѣнился весь взглядъ его на жизнь. Ерошка, этотъ народный философъ, сдѣлался его учителемъ по отношенію къ жизни и счастью. Ерошкина философія

была коротка и несложна: „Все Богъ сдѣлалъ на радость человѣку; ни въ чемъ нѣтъ грѣха. Хоть съ звѣря примѣръ возьми. Онъ и въ татарскомъ камышѣ, и въ нашемъ живетъ. Куда придетъ, тамъ и домъ. Что Богъ далъ, то и ѣстъ. А муллу или кадія татарскаго послушай. Онъ говоритъ: вы невѣрные гяуры зачѣмъ ѣдите?—значитъ, всякій свой законъ держитъ, а я такъ думаю, что все одна „фальшь". Уставщики все это изъ своей головы выдумали". „Сдохнешь,—говорилъ дядя Ерошка,—трава выростетъ на могилкѣ, вотъ и все". Незатѣйливыя слова Ерошки, которыя, несмотря на свою простоту и грубую форму, содержатъ въ себѣ глубокую истину, и ведутъ Оленина на истинный путь къ счастью.

Оленинъ, сравнивая свою прежнюю жизнь съ новой, почувствовалъ отвращеніе къ тому эгоизму, который до сихъ поръ владѣлъ имъ. Онъ вдругъ задаетъ себѣ вопросъ: „Какъ же надо жить, чтобы быть счастливымъ и отчего онъ не былъ счастливъ прежде?" И вдругъ ему какъ будто открылся новый свѣтъ: „Счастье вотъ что, — сказалъ онъ самъ себѣ: **счастье въ томъ, чтобы жить для другихъ.** Въ человѣка вложена потребность счастья,—стало быть она законна. Удовлетворяя ее эгоистически, т. е. отыскивая для себя богатство, славу, удобства жизни, любовь, можетъ случиться, что обстоятельства такъ сло-

жатся, что невозможно будетъ удовлетворить этимъ желаніямъ. Слѣдовательно, эти желанія незаконны. Какія же желанія всегда могутъ быть удовлетворены, несмотря на внѣшнія условія? Любовь, самоотверженіе". Съ тонкой наблюдательностью присматривается онъ ко всему, что его окружаетъ. Лукашка, живущій представленіями, полученными въ наслѣдіе отъ нетронутаго культурой народа, счастливъ, и какія его занятія? Постоянная борьба, постоянное желаніе убить своего соперника. Онъ убиваетъ людей, и счастливъ и доволенъ, точно этимъ онъ совершаетъ доброе дѣло; онъ не понимаетъ, что счастье состоитъ не въ томъ, чтобы убивать другихъ, но въ томъ, чтобы жертвовать собой для другихъ. И въ то время, когда Оленинъ сравниваетъ себя съ Лукашкой, передъ нимъ постепенно возстаетъ большая разница между потребностями одного и другого. Что особенно такъ понравилось ему въ этихъ людяхъ? Въ чемъ лежитъ причина ихъ невозмутимаго счастья? Они живутъ, какъ сама природа, „умираютъ, родятся, соединяются, опять родятся, дерутся, пьютъ, ѣдятъ, радуются и опять умираютъ, и никакихъ условій, исключая тѣхъ неизмѣнныхъ, которыя положила природа солнцу, травѣ, звѣрю, дереву. Другихъ законовъ у нихъ нѣтъ". И Оленину приходитъ мысль сбросить съ себя все, что живо еще отъ его старыхъ пред-

ставленій. Остаться съ казаками, купить избу, скотину, жениться на казачкѣ, ходить съ дядей Ерошкой на охоту, на рыбную ловлю, а съ казаками въ походы. „Развѣ желаніе быть казакомъ,— серьезно задумывается Оленинъ, — жить на лонѣ природы, никому не дѣлать вреда, а еще дѣлать добро людямъ, развѣ мечтать объ этомъ глупѣе, чѣмъ о томъ, о чемъ я мечталъ раньше. Только темное предчувствіе, что онъ не долго проживетъ жизнью Лукашки и Ерошки, потому что онъ ищетъ другого счастья,—еще удерживаетъ его отъ рѣшительнаго шага. И это предчувствіе переходитъ съ полной силой въ убѣжденіе благодаря отношеніямъ къ Марьянкѣ, красивой дочкѣ хорунжаго и бабушки Улитки. Есть два рода отношеній мужчины къ женщинѣ, и онъ смотрѣлъ на Марьянку и любилъ ее (какъ ему казалось) такъ же, какъ любилъ красоту горъ и неба, и не думалъ входить ни въ какія отношенія къ ней. Ему казалось, что между имъ и ею не можетъ существовать ни тѣхъ отношеній, которыя возможны между ею и казакомъ Лукашкой, ни еще менѣе тѣхъ, которыя возможны между богатымъ офицеромъ и казацкой дѣвкой. Ему казалось, что ежели бы онъ попытался сдѣлать, что дѣлали его товарищи, то онъ бы промѣнялъ свое полное наслажденій созерцаніе на бездну мученій, разочарованій и раскаяній. При томъ же,

въ отношеніи къ этой женщинѣ онъ уже сдѣлалъ подвигъ самоотверженія. Онъ жилъ долгіе мѣсяцы около нея; сначала онъ не хотѣлъ и вѣрить тому, что можетъ когда-нибудь полюбить эту дѣвушку. Да, нѣтъ, здѣсь не было чувства любви; Оленинъ въ ея отсутствіе ощущалъ желаніе жениться, но ея близость успокаивала его.

Вечеринка, т. е. вечера, проводимые офицерами въ кругу казацкихъ дѣвушекъ, сблизила его съ Марьянкой. Ради шутки одного своего товарища Бѣлецкаго, Оленинъ съ Марьянкой остались одни въ избѣ. И онъ съ неожиданной для себя силой схватилъ ее и поцѣловалъ красавицу въ високъ и щеку. „Все пустяки, что я прежде думалъ,—любовь, самоотверженіе и Лукашка. Одно есть—стастье: кто счастливъ, тотъ и правъ“,—мелькнуло въ головѣ Оленина. Отношенія его къ Марьянкѣ стали другія. Стѣна, раздѣлявшая ихъ прежде, была разрушена; онъ старался встрѣчать ее, говорилъ съ ней чаще и просиживалъ иногда у хозяина до ночи. Наконецъ Оленинъ заговорилъ съ ней о любви, и мысль жениться на ней приходила все чаще и чаще. „Вотъ, ежели бы я могъ сдѣлаться казакомъ Лукашкой, красть табуны, напиваться чихирю, заливаться пѣснями, убивать людей и пьянымъ влѣзать къ ней въ окно на ночку“. Но этого Оленинъ сдѣлать не могъ. „Я не могъ забыть себя и своего сложнаго, не

гармоническаго, уродливаго прошедшаго". Въ немъ укрѣпилось страшное убѣжденіе, что не для него „единственно-возможное на свѣтѣ счастіе, не для него эта женщина". „Она счастлива; она, какъ природа, ровна, спокойна и сама въ себѣ. А я исковерканное, слабое существо, хочу, чтобы она поняла мое уродство и мои мученія". Чувство любви прогоняетъ едва развившееся убѣжденіе, что счастье заключается въ самоотверженіи, и онъ старается примирить свою совѣсть чистотой своихъ помысловъ. „Можетъ быть я въ ней люблю природу, олицетвореніе всего прекраснаго природы; но я не имѣю своей воли, а черезъ меня любитъ ее какая-то стихійная сила; весь міръ Божій, вся природа вдавливаетъ любовь эту въ мою душу и говоритъ: люби! Я люблю ее не умомъ, не воображеніемъ, а всѣмъ существомъ моимъ. Любя ее, я чувствую себя нераздѣленною частью всего счастливаго Божьяго міра".

Марьянка же всѣмъ сердцемъ полюбила казака Лукашку. Она была любезна съ Оленинымъ, но не догадывалась о любви молодого офицера. Но когда Оленинъ задумалъ рѣшительно поговорить съ ней, она отвѣчала ему такимъ простымъ вопросомъ, который сразу при ослѣпительномъ блескѣ показываетъ ему пропасть, раздѣлявшую ихъ.

— „Не выходи за Лукашку, я женюсь на тебѣ. Пойдешь за меня?“

Она серьезно посмотрѣла на него, и испугъ ея какъ будто прошелъ.

— „Марьяна, я съ ума сойду. Я не свой. Что ты велишь, то я и сдѣлаю, — и безумно-нѣжныя слова говорились сами собой.

— Ну что ты брешешь, — прервала она его, вдругъ схвативъ за руку, которую онъ протягивалъ къ ней. Но она не отталкивала его руки, а крѣпко сжала ее своими сильными жесткими пальцами: — Развѣ господа на мамукахъ женятся? Иди!

— Да, пойдешь ли? Я все....

— А Лукашку куда денемъ? сказала она, смѣясь.

Онъ вырвалъ у нея руку, которую она держала и сильно обнялъ ее молодое тѣло. Но она, какъ лань, вскочила, спрыгнула босыми ногами и выбѣжала на крыльцо“.

Развѣ господа женятся на мамукахъ? Такими простыми словами выразила Марьянка ту самую мысль, рѣшеніе которой производило мучительную борьбу въ его душѣ; ту мысль, что человѣку недостаточно одной своей воли, чтобы искоренить убѣжденія прошлаго и начать новую жизнь, которая ему кажется счастливѣе. Вскорѣ послѣ этого Лукашка былъ тяжело раненъ чеченцемъ изъ пистолета и умеръ. Снова Оленинъ приближается къ дѣвушкѣ.

— Отчего ты плачешь, что съ тобой?

— Что? повторила она грубымъ и жесткимъ голосомъ: — казаковъ перебили, вотъ что!

— Лукашку? спросилъ Оленинъ.

— Уйди, чего тебѣ надо?

— Марьяна! сказалъ Оленинъ, все приближаясь къ ней.

— Никогда ничего тебѣ отъ меня не будетъ!

— Марьяна, не говори такъ! умолялъ Оленинъ.

— Уйди, постылый! крикнула дѣвка, топнула ногой и угрожающе подвинулась къ нему. И такое отвращеніе, презрѣніе и злоба выразились на лицѣ ея, что Оленинъ вдругъ понялъ, и что ему нечего надѣяться, и что прежде думалъ о неприступности этой женщины—была несомнѣнная правда.

Онъ тотчасъ же отправился къ командиру роты и отпросился въ штабъ. Онъ ни съ кѣмъ не простился, только одинъ дядя Ерошка провожалъ его. Такъ же, какъ во время его проводовъ изъ Москвы, ямская тройка стояла у его подъѣзда. Только теперь уже не было надежды на начало новой жизни. Въ ту минуту, когда тройка намѣревалась тронуться, Марьянка вышла изъ клѣти, равнодушно на него поглядѣла, поклонилась и прошла мимо.

Въ „Казакахъ“ Толстой представилъ намъ часть своей личной духовной жазни. Какъ

ни объективно это произведеніе, однако личность Оленина вполнѣ соотвѣтствуетъ личности самого автора. Одна мысль безпрестанно занимаетъ Оленина: мысль о самосовершенствованіи. Честно и безжалостно анализируя самого себя, онъ старается отдѣлить всѣ осадки своего существа и отдалить все случайное, что онъ пріобрѣлъ въ культурномъ свѣтѣ. Въ народѣ находитъ онъ тѣ качества, которыя могли бы быть приняты за предварительныя условія счастья и съ непреодолимой болью чувствуетъ онъ, что возвратъ къ простымъ добродѣтелямъ народа невозможенъ.

Эти всѣ руководящія мысли, ясно проводимыя авторомъ въ самыхъ первыхъ его произведеніяхъ, проходятъ и во всѣхъ его послѣдующихъ твореніяхъ. Мысль самосовершенствованія личнаго съ преодолѣніемъ предразсудковъ культурной жизни и убѣжденіе, что тамъ, куда еще не проникла культура, живутъ добродѣтели, которыя мы должны стараться усвоить себѣ. Благодаря первой мысли, появляется глубокое наблюденіе духовной жизни Оленина; благодаря второй,—дышащая любовью характеристика людей изъ народа: хорунжаго Ильи Васильевича, его жены — бабушки Улитки, мужественной казачьей дѣвушки Марьянки, Лукашки и дяди Ерошки. Илья Васильевичъ, образованнѣйшій человѣкъ изъ всей станицы; онъ былъ въ Россіи школь-

нымъ учителемъ, а прежде всего—**благороднымъ**. Своей уродливой и безобразной рѣчью онъ желаетъ отличиться отъ необразованныхъ; но неясность его выраженій изобличаетъ неувѣренность всего его мелкаго существа. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ 40, и по его наружности—загорѣлому лицу, грубымъ рукамъ, красноватому носу, видно было, что онъ принадлежитъ къ тому же классу людей, какъ и дядя Ерошка.

Улитка,—обыкновенная казацкая женщина; она смотритъ за домомъ и управляетъ имъ; все хозяйство находится на ея рукахъ; ея красавица-дочка, Марьянка, служитъ ей хорошей помощницей, такъ что семейство ихъ принадлежитъ къ числу самыхъ зажиточныхъ въ станицѣ.

Лукашка—юноша 20 лѣтъ—прекрасный казакъ въ нравственномъ отношеніи и обладаетъ физической силой. Самая высшая его гордость быть казакомъ. Онъ некрасивъ, но фигура у него статная, живой, глаза его блещутъ сознаніемъ, что онъ превосходитъ храбростью всѣхъ своихъ товарищей. Всѣ дѣвушки его любятъ, и самая красивая изъ всей станицы, Марьянка, его невѣста.

Дядя Ерошка—въ молодости былъ самымъ храбрымъ джигитомъ и гремѣлъ по всему полку. У кого первый конь, у кого шашка гурда, къ кому пойти выпить, съ кѣмъ погулять, кого послать въ горы?—все Ерошка. Дѣвушки любили его за его

удальство; онъ былъ пьяница, воръ, табуны въ горахъ отбивалъ, пѣсенникъ,—на всѣ руки былъ,—нынче ужъ такихъ казаковъ нѣту. По станицамъ и горамъ его всѣ знали. Кунаки - князья пріѣзжали. Онъ былъ всѣмъ кунакъ. Жизнь, полная приключеній, сдѣлала изъ него философа, и его простое, здоровое, самостоятельное возрѣніе на жизнь имѣетъ что-то такое импонирующее. Ерошкино „умрешь, только травка выростетъ, больше ничего“ напоминаетъ мудрыя изреченія многихъ философовъ. Въ образѣ этого Ерошки Толстой увѣковѣчилъ слугу своего, друга и товарища по охотѣ—Епишку.

Жизнь этихъ людей изъ народа въ ихъ узкой, счастливой ограниченности и внутренняя борьба Оленина, который пришелъ къ нимъ изъ другого свѣта, чтобы поискать себѣ новаго счастья, передана до мелочности съ изумительной копіей съ дѣйствительности. Здѣсь нѣтъ никакого паѳоса, авторъ пользуется только тѣмъ, что можетъ подмѣтить всякій наблюдающій взглядъ въ дѣйствительной жизни, чтобы выразить свою завѣтную мысль о вѣчномъ стремленіи къ нравственному совершенству. Личная форма повѣствованія соблюдена, сила творчества доведена до тѣхъ предѣловъ, когда авторъ лично пережитое отодвигаетъ на задній планъ и передаетъ это, какъ нѣчто чужое. „Казаки“ есть самый

зрѣлый плодъ перваго періода произведеній Толстого.

Толстой долго носился съ планомъ второй части „Казаковъ“. Нельзя себѣ вѣрно представить, какъ продолжился бы разсказъ и какъ бы судьба поставила Оленина по отношенію ко всему имъ пережитому на Кавказѣ. Если въ „Юности“ отсутствуетъ изображеніе болѣе зрѣлаго развитія Иртеньева, а на „Утро помѣщика“ смотрятъ, какъ на часть цѣлаго, то „Казаки“ являются такимъ законченнымъ произведеніемъ, что даже трудно придумать продолженіе. Поэтому неудивительно, что планъ остался невыполненнымъ. Вторая часть могла бы легко нарушить равновѣсіе первой и уменьшить ея сильное и глубокое впечатлѣніе.

IV.

СЕВАСТОПОЛЬ.

На Дунаѣ.—Севастополь.—Севастополь въ декабрѣ.—Севастополь въ маѣ.—Севастополь въ августѣ.—

Прочь отсюда! И здѣсь не найти счастья,—говорилъ внутренній голосъ въ Толстомъ—Оленинѣ. Прочь отсюда! Это былъ только

обманъ и неопредѣленное стремленіе къ чему-то недостижимому, стремленіе къ познанію и истинѣ, что болью наполняетъ его молодой умъ, потребность найти нравственное начало своимъ поступкамъ, мучительное сознаніе дальше, какъ можно дальше бѣжать отъ цѣли, теперь можетъ быть еще дальше, нежели во время отъѣзда изъ Москвы, влекло молодого офицера вонъ съ Кавказа на родину.

Политическія недоразумѣнія вызвали между тѣмъ войну. 18 мая 1853 г. Меньшиковъ, русскій посолъ при турецкомъ дворѣ, прекратилъ съ Турціей всякія дипломатическія отношенія. Уже 31 числа Россія увѣдомила султана о занятіи ею Придунайскихъ княжествъ; а 2-го іюня русскія войска перешли Прутъ и заняли Молдавію. Омеръ-паша вышелъ навстрѣчу. 28-го октября онъ переправился у Виддина черезъ Дунай, и, въ то время, какъ европейскія державы переговаривались между собой, какое положеніе имъ занять по отношенію къ императору Николаю, со стороны Турціи была 4-го ноября 1853 г. объявлена война Россіи. Событія приняли небывало быстрый ходъ. 30-го ноября русскій адмиралъ Нахимовъ уничтожилъ турецкій флотъ при Синопѣ. Побѣда русскихъ вызвала участіе западныхъ державъ, и союзники Порты — французы и англичане объявили Россіи войну. То была кровавая война, которой исторія, по мѣсту

дѣйствія, дала имя Крымской.

Левъ Николаевичъ еще до начала войны просилъ о переводѣ его въ ту часть арміи, которая стояла на Дунаѣ, подъ командой Михаила Дмитріевича Горчакова. Зимой 1853 г. Толстой опять въ Ясной Полянѣ. Возвращенію его радуется не одна тетушка, а всѣ братья его съ общимъ ихъ другомъ, Перфильевымъ, собрались въ Ясной Полянѣ. Послѣ короткаго пребыванія на родинѣ Толстой отправляется въ Бухарестъ, гдѣ проводитъ нѣсколько дней декабря въ Дунайской арміи. Успѣхъ Горчаковскихъ войскъ былъ очень незначителенъ. Въ первые мѣсяцы 1853 г. они тщетно старались прогнать турокъ изъ Калафата. 4-го ноября смѣлому Омеру-пашѣ даже удалось укрѣпиться на сѣверномъ берегу рѣки и отбить нападеніе русскихъ при Ольтеницѣ. Въ числѣ офицеровъ побѣжденнаго войска находился и графъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Съ конца апрѣля по іюль 1854 г. русскія войска расположены были подъ стѣнами и валами Силистріи; но храбрость Муссы-паши и искусство прусскаго артиллерійскаго офицера Граха отбили всѣ штурмы русскихъ и заставили русскаго главнокомандующаго, — такъ какъ въ это время къ Галлиполи и Варнѣ подоспѣли непріятельскія войска,—отозвать свое слабое вой-

ско обратно за Дунай, а потомъ и за Прутъ.

Изъ Силистріи Толстой перешелъ въ Яссы; а изъ Яссъ въ Крымъ и Севастополь.

Севастополь, какъ это уже извѣстно, былъ одной изъ самыхъ сильныхъ морскихъ крѣпостей на берегу Чернаго моря, и союзникамъ пришлось 11 мѣсяцевъ бороться съ русской выдержкой и храбростью, прежде чѣмъ открыть эти ворота на югъ Россіи. 5-го сентября началась высадка съ непріятельскихъ союзныхъ кораблей. Главнокомандующимъ русскихъ войскъ былъ назначенъ князь Меньшиковъ. Въ то время, какъ союзники старались проникнуть въ глубь страны, искусству инженера Тотлебена удалось посредствомъ возведенія фортовъ и бастіоновъ сдѣлать крѣпость почти неприступной. Продолжавшееся обстрѣливаніе Севастополя съ массой человѣческихъ жертвъ, отрѣзъ подвоза жизненныхъ припасовъ принудили однако русскихъ 27 августа 1855 г. къ сдачѣ Севастополя. Храбрости и самопожертвованію русскихъ войскъ, какъ матросовъ, такъ и солдатъ сухопутнаго войска не могли надивиться и сами непріятели. Съ изумительной неутомимостью исполняли они всѣ приказанія инженера Тотлебена. Всѣ работали для укрѣпленія города, все населеніе, воодушевленное патріотизмомъ, помогало войску; женщины и дѣти

не отставали отъ него, даже преступники, выпущенные изъ тюремъ, приняли участіе въ общей работѣ. Многія недѣли, и даже мѣсяцы, носилась смерть надъ улицами города: пули и бомбы такъ и свистали въ воздухѣ. Безпрерывный лязгъ оружія отнималъ послѣдній покой у обывателей. Самая ужасная и самая сильная борьба происходила на Малаховомъ курганѣ,—этой по природѣ и искусству самой сильной части Севастополя.

Офицеръ Левъ Николаевичъ Толстой принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ опасностяхъ. Его мѣсто было одно изъ самыхъ опасныхъ—на 4-мъ бастіонѣ: не проходило почти часа, чтобы надъ головами осажденныхъ не витала смерть. И несмотря на постоянное безпокойство, поэтъ находилъ въ себѣ достаточно творческой силы, чтобы написать свой первый изъ военныхъ крымскихъ разсказовъ: „Севастополь въ декабрѣ". Можетъ быть, именно волненіе этихъ дней такъ повліяло, что изъ маленькаго очерка вышло геніальное произведеніе.

Толстой въ кругу своихъ товарищей былъ любимъ и уважаемъ. Его считали столь же храбрымъ и дѣльнымъ офицеромъ, какъ и любезнымъ товарищемъ, съ которымъ можно было весело провести короткое время отдыха.

„Своими разсказами и быстрой импровизаціей стиховъ" —такъ передаетъ намъ

одинъ изъ его батарейныхъ товарищей,— „графъ воодушевлялъ всѣхъ и заставлялъ забывать тяжелыя минуты войны. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ слова, душой всей нашей батареи. Когда онъ находился среди насъ, то мы вовсе не замѣчали, какъ проходило время; въ его же отсутствіе, (что случалось часто, потому что онъ охотно дѣлалъ небольшія прогулки въ Симферополь), товарищи обыкновенно вѣшали носы отъ скуки. Наконецъ, онъ возвращался совсѣмъ какъ заблудшій сынъ— угрюмый, худой, недовольный цѣлымъ свѣтомъ. Тогда онъ отводилъ меня въ сторону,—и начиналась генеральная исповѣдь. Онъ имѣлъ обыкновеніе разсказывать все: сколько онъ проигралъ, сколько выпилъ, гдѣ проводилъ дни и, конечно, ночи и т. д. Онъ жаловался и страдалъ отъ укоровъ совѣсти, будто, Богъ вѣсть, какія совершилъ преступленія. Понятно, бѣдному малому нужно было оказать участіе, вѣдь это былъ такой человѣкъ! Однимъ словомъ — рѣдкій человѣкъ! Откровенно говоря, я не совсѣмъ понималъ его. Во всякомъ случаѣ, это былъ превосходный товарищъ, честная душа и золотое сердце. Кому случалось сойтись съ нимъ близко, тотъ не могъ не полюбить его и, навѣрное, никогда не забудетъ“.

Въ то время, когда наши войска съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ выносили страшныя страданія, восторженная Россія чита-

ла поэтическія изображенія ея геройства въ дивныхъ образахъ одного изъ участниковъ войны. Императоръ Николай Павловичъ былъ тоже заинтересованъ произведеніями молодого офицера. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе удалить его съ 4-го бастіона, чтобы сохранить жизнь подающаго такія богатыя надежды таланта, и приказалъ внимательно слѣдить за участью этого молодого человѣка. Левъ Николаевичъ былъ переведенъ на флангъ, по правую сторону рѣчки Бельбекъ, и назначенъ командиромъ горной батареи. И здѣсь сумѣлъ онъ соединить исполненіе обязанностей солдата съ призваніемъ поэта. Въ это время вышелъ не только „Севастополь въ маѣ", но и второй разсказъ, плодъ кавказскихъ впечатлѣній и событій,— „Рубка лѣса". 4-го августа 1855 г. онъ командовалъ своей батареей въ сраженіи при Черной. Только что передъ этимъ въ Крымъ пріѣхалъ баронъ П. А. Вревскій. Онъ привезъ съ собой приказъ императора Александра II князю Горчакову немедленно собрать военный совѣтъ и дѣйствовать по его рѣшенію. Военный совѣтъ рѣшилъ попробовать фланговымъ нападеніемъ разбить позицію союзныхъ войскъ на югѣ и востокѣ Севастополя. Но генералъ Фаухеръ вторично отразилъ нападеніе русскихъ и занялъ въ тылу у нихъ берегъ рѣки, вмѣстѣ съ Чернымъ мостомъ. Несчастный эпизодъ этой кровавой войны

рѣшительнымъ образомъ подѣйствовалъ на судьбу молодого артиллерійскаго офицера. Введенный въ заблужденіе неправильно понятымъ приказомъ высшей власти, генералъ Реадъ предпринялъ смѣлое намѣреніе атаковать Федюхинскія высоты и съ отважностью повелъ своихъ храбрыхъ солдатъ на вѣрную смерть.

Нѣсколько дней спустя севастопольскія войска пѣли пѣсенку о странномъ поведеніи полководцевъ, и одинъ шепталъ на ухо другому, что авторомъ ея былъ Левъ Николаевичъ Толстой,—понятно: громко нельзя было назвать имя автора. И въ самомъ дѣлѣ, эта сатира принадлежала перу графа Толстого, который въ ѣдкихъ строфахъ осмѣивалъ смѣлую предпріимчивость, неудачу которой такъ легко было предугадать. Эта пѣсня сложилась въ лагерѣ случайно, какъ идея массы. Батарейные офицеры размѣстились вокругъ костра. Одному изъ нихъ пришла мысль затянуть круговую пѣсню. Каждый, по-очереди, долженъ былъ придумать строфу. Но это не удавалось: то, что придумывали, не стоило и запоминать. На другой день Толстой принесъ товарищамъ свои стихи. Онъ читалъ ихъ при восторженномъ собраніи, хоръ весело подпѣвалъ, и пѣсенка - сатира тысячами устъ разнеслась по всему войску Севастополя.

Эта пѣсня отсутствуетъ во всѣхъ изданіяхъ произведеній Толстого. Она впол-

нѣ подходитъ къ духу солдатскихъ народныхъ пѣсенъ и напоминаетъ собой позднѣйшія пѣсни Кучки во время франко-прусской войны. Вотъ эта пѣсня:

„Какъ четвертаго числа
Насъ нелегкая несла
Гору занимать.... (bis)
Баронъ Вревскій генералъ
Къ Горчакову приставалъ,
Когда подъ-шафе:
Князь, возьми ты эту гору,
Не входи со мною въ ссору,
Не то донесу.
Собирались на совѣты
Все большіе эполеты,
Даже плацъ Бекокъ....
Полицмейстеръ плацъ Бекокъ
Никакъ выдумать не могъ,
Что ему сказать.
Долго думали, гадали
Топографы все писали
На большомъ листу.
Гладко писано въ бумагѣ,
Да забыли про овраги,
А по нимъ ходить.
Выѣзжали князья-графы
И за ними топографы
На большой редутъ.
. . . .
Глядь, Реадъ возьми да спросту
И повелъ насъ прямо къ мосту!
Ну-ка на ура!

На ура! Мы зашумѣли,
Да лезервы не поспѣли,
Кто-то переврал.

. . . .

На Федюхины высоты
Насъ пришло всего три роты,
А пошли полки.
Наше войско не большое,
А француза было втрое
И секурсу тьма.
Ждали, выйдетъ съ гарнизона
Намъ на выручку колонна,—
Подали сигналъ.
А тамъ N.N. генералъ
Все акаоисты читалъ ...
Богородицѣ....
И пришлось намъ отступать....“

Начиная съ 5-го августа нападенія союзниковъ продолжались безъ перерыва. Достойно было глубокаго удивленія то терпѣніе, которое выказали русскіе передъ смѣлой храбростью французовъ и холоднымъ мужествомъ англичанъ; но все увеличивавшееся число жертвъ наконецъ надломило энергію осажденныхъ. Послѣ 25-го августа началась страшная бомбардировка, которая въ ночь на 28-е августа положила рѣшительный конецъ этой кровопролитной войнѣ.

Толстой неотступно оставался при войскѣ и пережилъ всю горькую участь осажденныхъ на своемъ посту, какъ коман-

поръ горной батареи. Въ день рѣшительный битвы онъ находился въ числѣ храбрыхъ защитниковъ укрѣпленій и вмѣстѣ съ другими покинулъ городъ только на слѣдующую ночь.

Командиръ артиллеріи Крыжановскій поручилъ Толстому изъ всѣхъ рапортовъ артиллерійскихъ офицеровъ всѣхъ бастіоновъ составить одинъ общій и лично доставить его въ столицу, потому что сейчасъ же, послѣ кровавыхъ событій 28-го августа, Толстой былъ причисленъ къ ракетной батареѣ и вскорѣ посланъ курьеромъ въ Петербургъ. Но раньше, чѣмъ этотъ богатый событіями годъ пришелъ къ концу, графъ подалъ въ отставку. Онъ сложилъ съ себя оружіе, чтобы съ этого времени держать въ рукахъ одно оружіе—перо.

Это міровое событіе сильно дѣйствовало на умъ и сердце Льва Николаевича Толстого. Здѣсь характеръ войны былъ другой, чѣмъ на Кавказѣ: здѣсь интеллигенція отличалась такой же храбростью, если не большей, чѣмъ простые солдаты, здѣсь господствовали подчиненіе, послушаніе, патріотизмъ, воодушевленіе, какъ у низшаго рядового, такъ и у образованнаго офицера. И если и здѣсь, какъ и тамъ, на Кавказѣ, алчность, жажда славы, карьеры, крестовъ и почестей шли рядомъ съ храбростью и самопожертвованіемъ,—то здѣсь, все-таки, сглаживалась та рѣзкая проти-

воположность, какая поразила на Кавказѣ наблюдательный глазъ писателя, между легкомысліемъ офицерскихъ чиновъ и преданностью простыхъ солдатъ и сплотилась въ одно общее восторженное настроеніе, въ горячую любовь къ отечеству.

И снова воплощаетъ Толстой видѣнное и лично имъ пережитое въ образы съ доступной ему одному и изумительной вѣрностью дѣйствительности, но въ которыхъ какъ бы умышленно отсутствуетъ художественная подкладка. Для него, съ его тонкимъ чутьемъ, не существуетъ ни хорошаго, ни худого; описывая храбрость и изображая густыми красками зло и ужасныя стороны войны, онъ вовсе не имѣетъ цѣли сдѣлать первую предметомъ подражанія, или напугать кого либо послѣдними; даже въ отдѣльныхъ дѣйствующихъ личностяхъ въ своихъ произведеніяхъ онъ не старается вывести образцы воинственныхъ добродѣтелей или отталкивающихъ примѣровъ противоположности. Всѣ люди „не могутъ быть ни злодѣями, ни героями повѣсти. Герой же моей повѣсти, котораго я люблю всѣми силами души, котораго старался воспроизвести во всей красотѣ его и который всегда былъ, есть и будетъ прекрасенъ—правда."

Толстой не безъ разсчетливаго основанія выбралъ 3 мѣсяца для изображенія Севастополя, такъ какъ они имѣли рѣшительное значеніе для войны: время раз-

витія, время обороны и трагическаго конца,—„Севастополь въ декабрѣ“, „Севастополь въ маѣ“ и „Севастополь въ августѣ“.

„Севастополь въ декабрѣ“ рисуетъ намъ картины первыхъ дней осады Севастополя, когда въ городѣ не было почти ни одного укрѣпленія, не было войскъ, не было физической возможности удержать его, и, все-таки, не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдастся непріятелю,—дней, когда герой, достойный древней Греціи—Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: „Умремъ, ребята, а не отдадимъ Севастополя!“ А русскіе, неспособные къ фразерству, отвѣчали: „Умремъ! ура!“

Толстой ведетъ насъ къ пристани, гдѣ 2 или 3 отставныхъ матроса предлагаютъ вамъ свои услуги. Вы выбираете яликъ и плывете мимо полосатой громады кораблей, близко и далеко разсѣянныхъ по бухтѣ, и мимо небольшихъ шлюпокъ, движущихся по блестящей лазури водъ, мимо красивыхъ, свѣтлыхъ строеній города, окрашенныхъ розовыми лучами утренняго солнца. Старикъ матросъ указываетъ вамъ на „Константина“, на которомъ всѣ пушки были цѣлы и на которомъ жилъ самъ Корниловъ.

Вашъ яликъ быстро скользитъ мимо набережной, гдѣ кипитъ пестрая жизнь. Вы выходите на берегъ и входите въ большой залъ собранія; тамъ, гдѣ раньше царило веселье, теперь лежатъ жертвы войны,

легко и тяжело раненые, на которыхъ видна заботливая рука самаритянокъ. Въ это время къ вамъ подходитъ женщина, жена матроса, и начинаетъ разсказывать вамъ о храбрости своего мужа, который лежитъ тутъ съ ампутированной ногой, про его страданія, про отчаянное положеніе, въ которомъ онъ находился 4 недѣли, про то, какъ, будучи раненъ, остановилъ носилки съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на залпъ русской батареи, какъ великіе князья говорили съ нимъ и пожаловали ему 25 р. и какъ онъ сказалъ имъ, что хочетъ опять итти на бастіонъ, чтобы учить молодыхъ солдатъ, если самъ не будетъ въ состояніи работать. Среди раненыхъ солдатъ и матросовъ лежитъ на койкѣ женщина съ горячечнымъ румянцемъ на щекахъ.

— Это нашу матроску 5-го числа въ ногу задѣло бомбой, скажетъ вамъ путеводительница, — она мужу на бастіонъ обѣдъ носила, и теперь выше колѣнъ ногу отрѣзали. Если ваши нервы крѣпки, то загляните въ операціонную комнату, гдѣ доктора, съ окровавленными по локоть руками и съ блѣдными, угрюмыми физіономіями исполняютъ свой тяжелый долгъ. „Что значитъ смерть и страданія такого ничтожнаго червяка, какъ я, въ сравненіи съ столькими смертями и съ столькими страданіями?“ болѣзненнымъ стономъ вырывается изъ груди разсказчика. Вотъ, на-

встрѣчу вамъ попадается похоронное шествіе: въ красномъ гробу несутъ офицера съ музыкой и развѣвающимися знаменами. Зайдите теперь въ трактиръ. Офицеры ведутъ разсказы про нынѣшнюю ночь, про то, какъ дорого и нехорошо подаютъ котлетки, про дѣло 24-го числа, про то, какъ убитъ тотъ-то и тотъ-то изъ товарищей, и о томъ, какъ плохо живется на 4-мъ бастіонѣ. Улицы, ведущія туда, уже болѣе необитаемы: непріятельская батарея выбила гдѣ окно, гдѣ уголъ стѣны, гдѣ крышу. Строенія кажутся старыми, испытавшими всякое горе и нужду ветеранами и какъ будто гордо и нѣсколько презрительно смотрятъ на васъ. Однако вездѣ господствуютъ порядокъ, спокойствіе, мужество, потому что всѣ готовы умереть за отечество. Прошло 6 мѣсяцевъ, какъ тысячи бомбъ, ядеръ и пуль не переставали летать съ бастіоновъ въ траншеи и изъ траншей на бастіоны.

Войско и населеніе, кажется, привыкли уже къ вѣчному безпокойству и несутъ съ невозмутимымъ равнодушіемъ свою печальную участь. На бульварѣ, какъ и въ мирное время, играетъ полковая музыка, и толпы военнаго люда и женщинъ празднично двигаются около павильона. Внизу по тѣнистымъ, пахучимъ аллеямъ бѣлыхъ акацій ходили и сидѣли уединенно отдѣльныя группы. Одну изъ этихъ группъ составляютъ 4 офицера, которые, понятно,

ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о прошедшихъ и предстоящихъ сраженіяхъ. Къ нимъ подходитъ штабсъ-капитанъ Михайловъ; онъ уже 13-ый разъ попадаетъ на бастіонъ, и хотя онъ вызвался на это добровольно, но злосчастное число всетаки усиливаетъ его дурныя предчувствія: имъ овладѣваетъ невыразимо-печальное настроеніе духа. Поэтому, войдя въ свою маленькую комнату съ землянымъ поломъ и кривыми окнами, залѣпленными бумагой, онъ садится къ столу и пишетъ прощальное письмо къ отцу. Узнавъ о томъ, его пьяный Никита, съ взбудораженными, сальными волосами, вдругъ разразился непринужденными рыданіями и бросился цѣловать руки своего барина, который его любилъ, баловалъ и съ которымъ онъ жилъ уже 12 лѣтъ.

Адъютантъ Калугинъ, одинъ изъ группы 4-хъ офицеровъ, имѣетъ лучшее помѣщеніе, чѣмъ Михайловъ,—у него даже замѣтна нѣкоторая роскошь, и офицеры сидятъ у него вокругъ стола такъ же уютно, какъ у себя дома въ лучшее время. Но среди веселья вдругъ входитъ пѣхотный офицеръ и требуетъ его немедленно къ генералу. Калугинъ спѣшитъ къ нему и возвращается съ извѣстіемъ, что предстоитъ что-то серьезное. Приближающаяся катастрофа дѣлается замѣтной и на улицахъ. Калугинъ и Гальцинъ наблюдаютъ изъ окна огненныя линіи бомбъ, скрещивающихся въ

воздухѣ, молніи выстрѣловъ, на мгновеніе освѣщающихъ темносинее небо, и бѣлый дымъ пороха. Иногда становилось трудно отличить звѣзду отъ бомбы. Въ это время къ крыльцу, подъ окномъ, подскакалъ офицеръ, чтобы просить у генерала, остановившагося въ квартирѣ Калугина, подкрѣпленія, и Калугинъ верхомъ на казачьей лошади поѣхалъ на бастіонъ; Гальцинъ, простившись съ товарищемъ, вышелъ на улицу и сталъ ходить по ней взадъ и впередъ. Съ бастіоновъ несутъ и ведутъ раненыхъ; лазаретъ буквально переполненъ. Въ ту минуту, когда въ комнату входилъ Гальцинъ, докторъ записывалъ уже 532-го. Даже Калугину кажется „скверно", и ему невольно приходитъ предчувствіе о смерти; но Калугинъ былъ самолюбивъ и одаренъ деревянными нервами, то, что называютъ, однимъ словомъ—храбръ; онъ не поддался первому чувству и сталъ ободрять себя; среди страшныхъ стоновъ раненыхъ, онъ доходитъ до блиндажа. Михайловъ и другъ его, ротмистръ Праскухинъ, твердо стоятъ на томъ посту, куда призывалъ ихъ долгъ. Покидая ложементы и идя рядомъ, они замѣтили сзади себя молнію, ярко блеснувшую,—то была бомба, летѣвшая прямо на бастіонъ. Михайловъ и Праскухинъ прилегли къ землѣ; Праскухинъ умираетъ, раненый осколкомъ въ середину груди. Михайловъ же легко раненъ въ голову. Придя къ себѣ,

онъ спѣшитъ въ траншею къ своему другу, желая убѣдиться въ томъ, можетъ ли онъ его еще спасти. Убѣдясь въ томъ, что Праскухинъ убитъ, Михайловъ, пыхтя и придерживая рукой сбившуюся повязку на головѣ, потащился назадъ къ батальону, который былъ уже почти внѣ выстрѣловъ. Страшный день кончается перемиріемъ; „на нашемъ бастіонѣ и на французской траншеѣ выставлены бѣлые флаги, и между ними, въ цвѣтущей долинѣ, кучами лежатъ изуродованные трупы. Прекрасное солнце спускается къ синему морю, и синее море, колыхаясь, блеститъ на золотыхъ лучахъ солнца. Тысячи людей толпятся, смотрятъ, говорятъ и улыбаются другъ другу. И эти люди—христіане, исповѣдующіе одинъ великій законъ любви и самоотверженія, глядя на то, что они сдѣлали, не упадутъ съ раскаяніемъ вдругъ на колѣни передъ Тѣмъ, Кто, давъ имъ жизнь, вложилъ въ душу каждаго вмѣстѣ съ страхомъ смерти, любовь къ добру и къ прекрасному, и со слезами радости и счастья не обнимутся, какъ братья?"

Вотъ уже 11 мѣсяцевъ продолжается осада; все болѣе слабѣетъ надежда у осажденныхъ отбить нападеніе непріятелей. 10 августа было новое сраженіе. Козельцевъ, раненый 10 мая осколкомъ въ голову, на которой еще до сихъ поръ онъ носитъ повязку и теперь, чувствуя себя уже съ недѣлю совершенно здоровымъ,

ѣхалъ къ полку къ концу августа въ Севастополь. Это былъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ дней; бомбардированіе было ужасное. Почтовая станція татарской деревни Дуванка была переполнена солдатами и офицерами. За однимъ столомъ сидятъ нѣсколько совершенно юныхъ офицеровъ - добровольцевъ, только что выпущенныхъ изъ Пажескаго корпуса и спѣшившихъ теперь къ своимъ батареямъ— и вдругъ, когда Козельцевъ хотѣлъ спросить у нихъ о своемъ братѣ, онъ узнаетъ его въ 17-ти-лѣтнемъ мальчикѣ, съ веселыми, черными глазами и румянцемъ во всю щеку. Молодой Козельцевъ не пошелъ даже въ гвардію, такъ хотѣлось ему поскорѣе попасть въ Севастополь ,,Я за тѣмъ просился, что, все-таки, какъ-то совѣстно жить въ Петербургѣ, когда тутъ умираютъ за отечество". И вдругъ имъ овладѣваетъ ужасъ при мысли, что сейчасъ прямо въ Севастополь подъ бомбы... Около такъ называемаго городка, въ одномъ изъ досчатыхъ бараковъ, построенныхъ матросскими семействами, въ палаткѣ, братья нашли офицера, завѣдывавшаго обозами, считавшаго въ это время цѣлую кипу ассигнацій. Отъ него узнаютъ они наконецъ, гдѣ стоитъ батарея младшаго Козельцева и полкъ старшаго брата. Въ сопровожденіи старшаго брата Володя проходитъ опасный путь къ бастіонамъ. Они простились на перевязочномъ пунктѣ, по-

чти ничего не сказавъ другъ другу въ это послѣднее прощанье, потому что Володѣ по жребію достается итти на самое опасное мѣсто—въ блиндажъ на Малаховомъ курганѣ, гдѣ онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ самый тяжелый день для Севастополя, 27-го августа. Это день рѣшишительнаго штурма. Бомбардировка продолжалась почти до 12-го часа. Ровно съ боемъ 12-ти часовъ дня начался штурмъ Малахова кургана, 2-го, 3-го, и 5-го бастіоновъ. Козельцевъ-старшій въ схваткѣ съ французами былъ такъ тяжело раненъ пулей, что никакая врачебная помощь не могла уже его спасти. Взявъ слабыми руками крестъ, прижимаясь къ нему губами и плача, онъ спросилъ священника: Что, выбиты французы?— Вездѣ побѣда за нами осталась, — отвѣчалъ священникъ, чтобы утѣшить раненаго, скрывая отъ него то, что на Малаховомъ курганѣ уже развѣвалось французское знамя.—Слава Богу!— проговорилъ раненый, и мысль о братѣ мелькнула на мгновеніе въ его головѣ.— Дай Богъ ему такое же счастье!—подумалъ онъ. Володя командовалъ стрѣлять картечью въ то время, когда французы обходили ихъ сзади. Володя ясно видѣлъ, какъ синіе мундиры заклепывали его пушки,— никакое сопротивленіе не помогло. Володя ничкомъ лежалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ незадолго до того стоялъ. Все въ Севастополѣ вдругъ затихло. Войска медленно

вдигались въ непроницаемой темнотѣ прочь отъ того мѣста, на которомъ они оставили столько храбрыхъ братьевъ, отъ того мѣста, которое 11 мѣсяцевъ отстаивали отъ столь сильнѣйшаго врага.

,,Надолго оставитъ въ Россіи великіе слѣды эта эпопея Севастополя, которой героемъ былъ народъ русскій...“ Поэтъ говоритъ въ духѣ патріотическаго воодушевленія, хотя въ то же время онъ чувствуетъ боль отъ личнаго жгучаго убѣжденія, потому что великія картины смерти научили сознавать его, какъ ничтожна жизнь отдѣльнаго человѣка въ сравненіи съ общими страданіями и вѣчными міровыми идеями. Но, можетъ быть, война — одно изъ заблужденій народа? Вѣдь люди не ненавидятъ другъ друга, но то, что влечетъ ихъ одного противъ другого, людей одной вѣры, однихъ міровоззрѣній,—одно только заблужденіе. Во время перемирія отношенія русскихъ и французовъ самыя дружественныя. Оба офицера, встрѣтившись въ цвѣтущей долинѣ, гдѣ кучей лежатъ трупы людей, русскихъ и французовъ, разговариваютъ такъ, какъ въ самое мирное время.

— Э ву де ла гардъ?

— Pardon, monsieur, du 6-ème de ligne.

— Э сеси у аште? спрашиваетъ офицеръ, указывая на деревянную желтую сигарочницу, въ которой французъ куритъ папиросу.

—A Balaclava, monsieur! C'est tout simple en bois de palme.

— Жоли—говоритъ офицеръ.

— Si vous voulez bien garder cela comme souvenir de cette rencontre, vous m'obligerez.

И учтивый французъ выдуваетъ папироску и подаетъ офицеру сигарочницу съ маленькимъ поклономъ. Офицеръ подаетъ ему свою, и всѣ присутствующіе въ группѣ, какъ французы, такъ и русскіе, кажутся очень довольными и улыбаются. Такъ говорятъ между собою офицеры, а нижніе чины—тѣ сходятся съ французами еще скорѣе. Вотъ пѣхотный бойкій солдатъ, въ розовой рубашкѣ и шинели въ накидку, подходитъ къ французу и проситъ у него огня закурить трубку. Французъ разжигаетъ, расковыриваетъ трубочку и высыпаетъ огня русскому.

— Табакъ бунъ? спрашиваетъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, и зрители улыбаются.

— Oui, bon tabac, tabac turc,—говоритъ французъ:—et chez vous autres tabac—russe? bon?

— Русъ—бунъ, — говоритъ солдатъ въ розовой рубашкѣ, при чемъ присутствующіе покатываются со смѣху:—Франсе нѣтъ бунъ, божуръ мусье! продолжаетъ все тотъ же солдатъ, выпуская при этомъ сразу весь свой зарядъ знаній языка и треплетъ француза по животу и смѣется. Французы тоже смѣются.

— Кафтанъ бунъ,—говоритъ бойкій солдатъ, разсматривая шитыя полы зуава, и опять смѣется.

— Ne sors pas de ta ligne, à vos places, sacré nom! — кричитъ французскій капралъ, и солдаты съ видимымъ неудовольствіемъ расходятся.

Подобно тому, какъ здѣсь офицеръ выставленъ рядомъ съ простымъ солдатомъ, такъ можно это найти и въ изображеніи всей Севастопольской кампаніи. И если здѣсь, какъ въ „Кавказскихъ разсказахъ", нѣтъ контраста между офицерами и рядовыми, то вездѣ чувствуется любовь автора, обращенная къ народу. Народъ, по мнѣнію Толстого, страдаетъ потому, что мы не знаемъ великихъ сокровищъ, таящихся въ немъ. Даже тѣ люди, которые имѣютъ ежедневное сообщеніе съ народомъ и должны бы были хорошо знать нравственныя добродѣтели народа, точно слѣпые проходятъ мимо нихъ, потому, что традиціонные предразсудки притупляютъ ихъ взглядъ. Даже офицеръ нерѣдко сомнѣвается въ мужествѣ и безпримѣрной готовности солдата по первому приказу отдать свою душу за царя и отечество. Вотъ маленькій образчикъ:

Князь Гальцинъ, во время своего обхода по городу, останавливаетъ одного солдата, возвращавшагося съ бастіона.

— Эй ты, остановись! Ты зачѣмъ идешь? кричитъ онъ ему.

Солдатъ остановился и лѣвой рукой снялъ шапку.

— Куда ты идешь и зачѣмъ? закричалъ онъ на него строго. Но въ это время, подойдя ближе, онъ замѣтилъ, что правая рука его была за обшлагомъ и въ крови, выше локтя.

— Раненъ, ваше благородіе.

— Чѣмъ раненъ?

— Сюда-то, должно пулей, — сказалъ солдатъ, указывая на руку,—а ужъ здѣсь не могу знать, чѣмъ голову-то прошибло, и, нагнувъ ее, показалъ окровавленные и слипшіеся волосы на затылкѣ.

— А ружье чье?

— Стуцеръ французскій, ваше благородіе, отнялъ. Да я бы не пошелъ, кабы не эвтого солдатика проводить; а то упадетъ неравно,—прибавилъ онъ, указывая на солдата, который шелъ немного впереди, опираясь на ружье и съ трудомъ таща и передвигая лѣвую ногу.

„Князю Гальцину вдругъ ужасно стыдно стало за свои несправедливыя подозрѣнія", заканчиваетъ авторъ этотъ маленькій эпизодъ уличной жизни въ осажденномъ городѣ.

V.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Первую ночь въ Петербургѣ Толстой провелъ подъ кровлей Тургенева. Иванъ Сергѣевичъ охотно предложилъ свое гостепріимство молодому артиллерійскому офицеру, который былъ его сосѣдомъ по имѣнію, хотя и дальнимъ, и творческія дарованія котораго онъ цѣнилъ. Честолюбивый Левъ Николаевичъ съ тысячью поэтическихъ плановъ въ головѣ пріѣхавшій въ столицу, не могъ найти лучшаго человѣка, у кого могъ бы переночевать эту ночь. Тургеневъ въ то время жилъ уже на новой квартирѣ въ домѣ Вебера, на Большой Конюшенной. Онъ вставалъ рано и пилъ чай у себя. Молодой же офицеръ, занимавшій комнату для пріѣзжихъ, часто просыпалъ вплоть до полудня. Послѣ боевой жизни въ Севастополѣ шумная жизнь большого города имѣла двойную прелесть для жизнерадостнаго, впечатлительнаго и любившаго общество молодого человѣка. Карты, холостыя пирушки съ цыганами и цыганками наполняли его время вплоть до глубокой ночи. Но шумная петербургская жизнь нисколько не отвлекала Толстого отъ его литературныхъ стремленій. Тургеневъ былъ лучшимъ зве-

номъ между молодымъ человѣкомъ и литературнымъ кружкомъ, который группировался вокругъ „Современника". Десять лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1847 г., послѣ того, какъ „Современникъ" перешелъ въ руки Панаева и Некрасова, онъ сдѣлался центромъ всѣхъ выдающихся талантовъ.

„Современникъ" былъ основанъ Пушкинымъ на послѣднемъ году его жизни. Послѣ его смерти „Современникъ" продолжали друзья покойнаго поэта, но у нихъ не доставало серьезнаго участника и редакціоннаго умѣнья, а потому журналъ упалъ. Вскорѣ онъ перешелъ въ руки Плетнева, который выпустилъ въ свѣтъ 12 тоненькихъ книжечекъ и въ 1846 году передалъ журналъ Панаеву и Некрасову. Они передѣлали его въ такъ называемый „толстый журналъ" и главную работу въ немъ думали передать Бѣлинскому, какъ первому авторитету по литературнымъ вопросамъ и борцу за западныя воззрѣнія. Тотчасъ же плеяда молодыхъ писателей, почитавшая Бѣлинскаго, какъ своего главу, вся обратилась къ „Современнику". Здѣсь Тургеневъ печаталъ первые свои разсказы изъ „Записокъ охотника"; Гончаровъ — „Обыкновенную исторію", Григоровичъ — „Деревню", Достоевскій, Дружининъ и Соловьевъ — повѣсти, Некрасовъ — стихи, Боткинъ—знаменитыя письма свои изъ Испаніи, Каве-

линъ, Анненковъ и т. д. Также и Толстой, какъ мы уже знаемъ, первыя свои произведенія помѣстилъ въ „Современникѣ“. Такимъ образомъ, послѣ бурно проведенной молодости, Толстой явился въ Сѣверную столицу не какъ чужой, никому неизвѣстный писатель; литературный кружокъ цѣнилъ въ немъ выдающійся талантъ, а образованная публика причисляла его къ самымъ уважаемымъ ею авторамъ.

Старшіе члены кружка, къ которымъ присоединился и Толстой, писали въ духѣ „Современника“; а младшіе были горячими поклонниками Бѣлинскаго. У насъ сохранились отъ двухъ годовъ 1856 и 57 двѣ фотографическія группы, изображающія Льва Николаевича Толстого въ кругу его литературныхъ друзей. Онъ снятъ на обѣихъ фотографіяхъ въ военномъ мундирѣ, съ выразительнымъ, хотя некрасивымъ, но свѣтящимся умомъ лицомъ, съ едва замѣтными усами. На обѣихъ фотографіяхъ находимъ мы Григоровича и Тургенева, на первой, кромѣ нихъ, видимъ Гончарова, Дружинина, Островскаго—на другой Некрасова, гр. Сологуба и Панаева. Съ Григоровичемъ Толстой познакомился позднѣе, чѣмъ съ Тургеневымъ и совершенно случайно. Онъ-то и познакомилъ его съ Панаевымъ. Григоровичъ пріѣхалъ къ молодому офицеру, который имѣлъ на Офицерской очень скромную квартиру, и они вмѣстѣ отправились на

уголъ Колокольной и Дмитровской, гдѣ находилась редакція „Современника“ и квартира Панаева. Панаевъ въ это время жилъ не очень дружно съ своею женой. Дорогой Григоровичъ обратилъ на это вниманіе Толстого и просилъ его избѣгать въ разговорѣ всего, что могло бы задѣть больное мѣсто Панаева. Въ то время, когда идеи Жоржъ-Занда горячо обсуждались въ образованныхъ кружкахъ Сѣверной столицы, вопросъ о бракѣ и вообще объ отношеніяхъ мужчины и женщины былъ животрепещущей темой разговора, преимущественно въ кругу писателя и издателя журнала съ такими свободными воззрѣніями, какими отличался Панаевъ. Но несмотря на это благоразумное предостереженіе, Толстой, всегда готовый на защиту какой-нибудь идеи, увлекся настолько, что прямо выдвинулъ на сцену вопросъ о супружеской невѣрности, чѣмъ вызвалъ большое недовольство, какъ со стороны хозяина, такъ и его друга.

Писательскій кружокъ „Современника“ съ цѣлью общественной пользы составлялъ артель на равныхъ паяхъ для всѣхъ, участвовавшихъ въ немъ своими трудами. Всѣ обязаны были работать исключительно для „Современника“. Изъ получаемаго отъ журнала дохода Панаевъ и Некрасовъ получали половину, какъ издатели журнала; другую половину артель дѣлила между собой на равныя части, не принимая во вни-

маніе ни размѣра, ни литературнаго достоинства представляемыхъ писателями статей. При этомъ они смотрѣли на себя, какъ на первыхъ писателей страны, и это было согласно съ общественнымъ мнѣніемъ.

Изъ этой обязанности къ „Современнику" вышло не мало непріятныхъ затрудненій для Толстого и Тургенева.

Между Тургеневымъ и Катковымъ возникла ссора, въ которую былъ запутанъ и Толстой, хотя отчасти и по своей винѣ. Тургеневъ былъ прежде прилежнымъ сотрудникомъ Каткова, и послѣднему, конечно, непріятно было потерять такого выдающагося писателя. Онъ поручилъ своему брату ежедневно посѣщать обоихъ молодыхъ писателей и просить у нихъ статей для своего журнала. Тургеневъ, утомленный этимъ вѣчнымъ напоминаніемъ, какъ-то разъ обѣщалъ дать что-нибудь для Каткова; а Толстой, привыкшій всегда поступать самостоятельно и въ случаѣ надобности даже грубо, рѣзко отказалъ надоѣдливому просителю. Катковъ страшно разсердился и сталъ публично оскорблять Тургенева. Конечно, на это онъ имѣлъ полное право. Разъ Тургеневъ обязался сотрудничать въ его журналѣ, то онъ не имѣлъ права труды своего пера отдавать „исключительно" „Современнику"; но какъ членъ артели „Современника", онъ также не имѣлъ права давать обѣщаніе работать для Катковскаго журнала. Его мягкая,

уступчивая натура и въ этотъ разъ сослужила ему недобрую службу.

Толстой вступился за своего друга. Онъ написалъ Каткову длинное письмо въ оправданіе Тургенева. „Кротость характера Тургенева, его любезность, писалъ Толстой въ письмѣ, заставили его дать обѣщаніе обѣимъ сторонамъ.“ Онъ просилъ Каткова опубликовать это оправдательное письмо. Катковъ соглашался, но съ условіемъ опубликовать также и свой на него отвѣтъ и прислалъ Толстому планъ своего письма. Но содержаніе этого отвѣта было такого рода, что Толстой предпочелъ устранить себя отъ вмѣшательства.

Таковъ былъ кружокъ, къ которому принадлежалъ Толстой. Самымъ большимъ уваженіемъ въ этомъ кружкѣ пользовался Тургеневъ. „Записки охотника“ пріобрѣли 37-ми-лѣтнему писателю европейскую извѣстность; а его „Рудинъ“ укрѣпилъ возлагавшіяся на него надежды. „Деревенскіе разсказы“ Григоровича были вполнѣ одобрены критикой Бѣлинскаго, и при перечисленіи лучшихъ именъ молодыхъ писателей, нельзя забывать и имени Григоровича. Панаевъ и Некрасовъ, благодаря своему издательству „Современника“, были, такъ сказать, дѣловымъ центромъ этого кружка. Стихотворенія Некрасова въ это время пріобрѣли широкую извѣстность; а Островскій уже производилъ фуроръ своими драматическими изображеніями быта москов-

скаго купечества; Гончаровъ же, самый старшій изъ кружка, — онъ родился въ 1813 г.—еще послѣ выхода его „Обыкновенной исторіи“, занялъ мѣсто въ ряду великихъ писателей Россіи. Графъ Сологубъ былъ только начинающимъ литераторомъ, отъ котораго ожидали многаго; Дружининъ своимъ глубокимъ знаніемъ англійской литературы и переводами Шекспировскихъ произведеній производилъ сильное впечатлѣніе на молодыя силы. Конечно, его переводъ „Короля Лира“ не совсѣмъ удаченъ: онъ пытался исправить въ немъ Шекспира, т. е. очистить его отъ всѣхъ, современныхъ ему, осадковъ; но онъ скоро созналъ свою ошибку, и его переводы „Коріолана“, „Ричарда“ и „Короля Іоанна“, позднѣйшаго выпуска, могутъ считаться положительно образцовыми. Онъ также много потрудился надъ тѣмъ, чтобы дать публикѣ понятіе о вѣрной оцѣнкѣ произведеній Шиллера. Анненковъ, задушевный другъ Тургенева, который тоже принадлежалъ къ кружку молодыхъ писателей, хотя и былъ всѣхъ старше, казался менѣе другихъ симпатичнымъ Толстому; зато къ лирику Фету, котораго иначе и не называлъ, какъ „маленькимъ сокровищемъ,“— Толстой питалъ странную слабость. Молодые писатели взаимно содѣйствовали другъ другу своими частыми собраніями, на которыхъ читались ихъ новыя произведенія, и чистосердечнымъ ихъ обсужденіемъ.

Особенно большую поддержку оказывалъ кружокъ таланту Ивана Сергѣевича Тургенева.

Къ числу друзей этого кружка принадлежали еще Языковъ, Гербель и Добролюбовъ. Языковъ былъ школьнымъ товарищемъ Панаева, — они вмѣстѣ воспитывались въ Дворянскомъ пансіонѣ. Онъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ имѣлъ мѣсто таможеннаго чиновника и былъ всегда дружески принятъ въ кружкѣ молодыхъ писателей. Гербель въ то время служилъ гвардейскимъ уланомъ, но его болѣе влекло къ литературѣ. Онъ обладалъ недюжиннымъ талантомъ переводчика, знаніемъ многихъ языковъ и хорошимъ состояніемъ, которое позволяло ему печатать свои труды на собственный счетъ. Своими прекрасными сборниками (Русскіе поэты) и воспроизведеніемъ Шекспира, Лессинга, Гете и Шиллера Гербель впослѣдствіи оказалъ большую услугу русской литературѣ. Добролюбовъ познакомился съ кружкомъ „Современника" еще будучи воспитанникомъ духовной академіи. Окончивъ тамъ курсъ въ 1857 г., онъ 21 года сдѣлался прилежнымъ сотрудникомъ „Современника". Къ концу слѣдующаго года его завѣдыванію были переданы всѣ отдѣлы критики и библіографіи, и онъ почти одинъ наполнялъ эту часть журнала. Лѣтомъ 1856 г. въ „Современникѣ" появились двѣ статьи, принадлежавшія перу Добролюбова, которыя вызвали всеобщее

одобреніе и сдѣлали его извѣстнымъ писателемъ, отъ критическаго таланта котораго ожидали многаго. Онъ умеръ, оставивъ по себѣ извѣстность, осенью 1862 г., 26-ти-лѣтъ отъ роду.

Въ первое время Толстой привязался къ этому кружку съ свойственной ему страстностью. Но скоро произошелъ контрастъ въ его воззрѣніяхъ на нравственное само-совершенствованіе съ свѣтскими и, скорѣе эстетическими, нежели этическими стремленіями его друзей. До этого времени онъ постоянно анализировалъ себя, ежедневно съ строгостью судьи провѣряя свои поступки и ведя дневникъ. Здѣсь же, ведя легкій образъ жизни петербургской молодежи и литературнаго кружка, онъ, чтобы избѣжать насмѣшекъ, подавлялъ въ себѣ это стремленіе. „Воззрѣніе на жизнь этихъ людей,—говоритъ онъ въ „Исповѣди“,—состояло въ мнѣніи, что жизнь вообще развивается, и что въ этомъ развитіи большую роль играютъ люди мысли, а на людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы, художники - поэты. Наше призваніе заключается въ томъ, чтобы учить людей. А потому, чтобы избѣжать естественнаго вопроса: что я знаю? или чему могу я научить? по ихъ теоріи мы должны были учить не разсуждая: художники и поэты могутъ учить безсознательно. Я считался за превосходнаго художника и поэта, и потому, очень естественно, что я старался усвоить себѣ

ихъ теорію.... Чѣмъ дальше жилъ я этими мыслями, тѣмъ чаще возникали во мнѣ сомнѣнія". Эти сомнѣнія мучили молодого писателя съ неотразимымъ упорствомъ въ продолженіе всего этого періода. Они дѣлали его несправедливымъ въ оцѣнкѣ товарищей, нарушали міръ его души и равновѣсіе творческаго духа и приводили его къ томительному разладу съ тѣми, съ которыми онъ призванъ былъ дѣйствовать сообща на благо народнаго образованія.

На литературныхъ сходкахъ друзей Толстой являлся воплощеннымъ противорѣчіемъ. Болѣзненное стремленіе къ откровенности, которую онъ съ такимъ упорствомъ преслѣдовалъ, побуждало его говорить друзьямъ страшную истину.—„Я не могу признать,—воскликнулъ онъ однажды на одномъ литературномъ вечерѣ, въ квартирѣ Некрасова,—чтобы высказанное вами было вашимъ убѣжденіемъ. Я стою съ кинжаломъ или саблей въ дверяхъ и говорю: пока я живъ, никто не переступитъ этого порога. Вотъ это убѣжденіе. А вы другъ отъ друга стараетесь скрывать сущность вашихъ мыслей и называете это убѣжденіями."

— Зачѣмъ вы тогда ходите къ намъ? возразилъ Тургеневъ высокимъ фальцетомъ отъ кипѣвшей въ немъ злобы:—Здѣсь не ваше знамя развѣвается! Отправляйтесь-ка лучше къ княгинѣ Б.

— Развѣ я долженъ у васъ спрашивать,

куда мнѣ ходить? Пустой разговоръ не превратится въ убѣжденіе: здѣсь ли я или тамъ.

Фетъ, разсказывая объ этомъ эпизодѣ, добавлялъ, что онъ лично не принималъ въ немъ участія и не зналъ его причины, но что въ кружкѣ всѣ были того мнѣнія, что Толстой поступилъ вполнѣ справедливо. „Если-бы заставить тѣхъ, кто страдалъ отъ тогдашнихъ общественныхъ порядковъ, облечь въ слова свои идеалы, то они врядъ ли справились бы съ своей задачей.“ Литературные взгляды Толстого также рѣзко отличались отъ взглядовъ товарищей. Въ стремленіи къ самостоятельности Толстой иногда заходилъ за предѣлы возможнаго, защищая иногда что-либо изложенное имъ только потому, что это было изложено имъ. Такъ, напримѣръ, Толстой на общемъ собраніи, въ квартирѣ Панаева, въ присутствіи Некрасова, Гербеля, Языкова и Добролюбова, назвалъ Шекспира дюжиннымъ писателемъ и утверждалъ, что восторгъ товарищей отъ произведеній брита происходитъ изъ желанія не показаться отсталыми отъ другихъ и не имѣетъ въ сущности другой причины, какъ привычки, не обдумавъ, выдавать чужія мнѣнія (Назарьевъ).

Такъ же открыто и смѣло говорилъ Толстой и противъ восторга, который возбудили сочиненія Герцена въ кружкахъ образованныхъ людей. Я вижу,—говоритъ Да-

нилевскій, точно произошло это сегодня, какъ въ комнату вошелъ графъ Левъ Николаевичъ Толстой и какъ разъ въ то время, когда хозяйкѣ дома кто-то читалъ новое сочиненіе Герцена. (Это происходило въ семействѣ одного извѣстнаго художника, гдѣ оба писателя были представлены другъ другу).—Ни слова не говоря, Левъ Николаевичъ садится на стулъ сзади читавшаго, терпѣливо выжидая конца чтенія. Когда тотъ кончилъ, Левъ Николаевичъ всталъ и началъ сперва робко, потомъ все смѣлѣе и, наконецъ, съ жаромъ доказывать неосновательность всеобщаго восторга Герценомъ. Онъ говорилъ такъ краснорѣчиво — замѣчаетъ Данилевскій,—съ такимъ убѣжденіемъ, что я впослѣдствіи никогда не видалъ въ этой семьѣ ни одного произведенія Герцена. *)

Раздражительность Льва Николаевича объяснялась столько же честностью его характера, сколько и убѣжденіемъ его въ необходимости нравственнаго самосовершенствованія на основаніи яснаго и устойчиваго воззрѣнія на жизнь. Какъ далеки были отъ подобнаго стремленія къ такой цѣли его друзья!

---

*) А между тѣмъ въ настоящее время Левъ Никол. считаетъ Герцена однимъ изъ самыхъ талантливыхъ писателей и часто высказывалъ сожалѣніе, что въ исторіи русской литературы отсутствіе произведеній Герцена составляетъ пробѣлъ.

Къ тому же Толстой чувствовалъ себя физически больнымъ и одно время долго считалъ себя чахоточнымъ.

Такимъ образомъ, нравственный разладъ и физическое недомоганіе, соединенные вмѣстѣ, подрывали силы Толстого, но онъ преодолѣвалъ ихъ и усердно работалъ.

Теперь такъ же, какъ и прежде, имѣло непосредственное вліяніе на творчество Толстого все лично имъ пережитое. Петербургъ съ своими странными, полными противорѣчія, явленіями, служилъ предметомъ для его наблюдательности, и люди, которыхъ создаетъ блестящая, шумная Сѣверная столица, вызывали его дарованіе на искусныя реалистическія съ нихъ копіи.

Рядомъ съ „Юностью", которую онъ окончилъ въ 1856 г., потому что, какъ мы знаемъ, его намѣреніе продолжить этотъ романъ—не осуществилось, Толстой во время своего краткаго пребыванія въ Петербургѣ написалъ „Записки маркера", „Два гусара" и „Альбертъ".

Въ „Запискахъ маркера" изображено нравственное паденіе молодого человѣка съ хорошими природными задатками. То, что разыгрывается въ „Встрѣчѣ съ московскимъ знакомымъ въ отрядѣ" въ кавказскомъ войскѣ, продолжается здѣсь, въ блестящей резиденціи, среди кутящей молодежи высшей аристократіи. Юноша, который внутренно убѣжденъ, что не мо-

жетъ болѣе выйти изъ колеи, по которой идетъ его жизнь, и рѣшается на самоубійство—Нехлюдовъ, тотъ самый, стремившійся къ нравственному совершенству, молодой человѣкъ, котораго мы уже полюбили, какъ героя „Юности", „Утра помѣщика" и какъ разсказчика въ „Встрѣчѣ съ московскимъ знакомымъ въ отрядѣ", и который, какъ мы знаемъ, служитъ отраженіемъ самого автора. Нехлюдовъ такъ добръ, невиненъ, что грустить и плачетъ послѣ глупо проведеннаго вечера съ княземъ и ему подобными товарищами. Кто у тебя тутъ есть? говоритъ князь Нехлюдову. — Никого, говоритъ. —Какъ—говоритъ—никого?—Нѣтъ, зачѣмъ?—Всѣ помираютъ со смѣху. Я, извѣстно, сейчасъ понялъ, что они надъ нимъ смѣются. Смотрю, что, молъ, будетъ изъ этого. А господа тихо говорятъ о чемъ-то между собою. — Поѣдемъ, говоритъ князь сейчасъ. И они поѣхали.—Только въ первомъ часу они пріѣхали и сѣли ужинать.... и всѣ поздравляли Нехлюдова и смѣялись.—Вамъ, говоритъ, смѣшно, а мнѣ грустно. Тебѣ, князь, и себѣ въ жизнь свою этого не прощу.—Да какъ зальется, заплачетъ. Подошелъ къ нему князь, улыбается самъ. — Полно говорить пустяки! Поѣдемъ домой, Анатолій. — Никуда, говоритъ не поѣду. Зачѣмъ я это сдѣлалъ?—А самъ заливается. Не идетъ отъ билліарда, да и шабашъ. Онъ былъ невиненъ, какъ красная дѣвушка.

И это общество, которое отняло у него невинность, дѣлаетъ его въ страшно короткій срокъ страстнымъ, неудержимымъ игрокомъ. Онъ падаетъ до того, что онъ, наслѣдникъ большого состоянія, занимаетъ у маркера, и, наконецъ, до того, что хозяинъ, какъ разъ въ то время, когда онъ пригласилъ кого-то поужинать, отказываетъ въ заказанной бутылкѣ Редерера. Это доводитъ его до крайности. И онъ убиваетъ себя въ билліардной въ то время, какъ искусно удаляетъ оттуда маркера.

Уже одно введеніе въ эту повѣсть Нехлюдова ясно указываетъ намъ, что въ „Записки маркера" внесены впечатлѣнія, лично пережитыя авторомъ. Толстой слѣдуетъ примѣру многихъ великихъ писателей, стараясь путемъ осужденія опасной слабости, самому отъ нея избавиться.

Въ отношеніи литературнаго достоинства „Записки маркера" стоятъ выше „Двухъ гусаровъ" и „Альберта", хотя и эти произведенія имѣютъ тотъ же нравственный характеръ.

Повѣсть „Два гусара" есть сопоставленіе двухъ періодовъ времени и нравственной порчи людей. Графъ Турбинъ отецъ— драчунъ, игрокъ и авантюристъ плохого сорта, и его способности и красивая внѣшность служатъ только къ достиженію низкихъ цѣлей. Онъ пріѣзжаетъ въ городъ К., приводитъ въ восторгъ общество, забавляется съ цыганами и цыганками, празд-

нуетъ свой успѣхъ на балу у предводителя и влюбляется въ Анну Өедоровну, хорошенькую вдовушку, сестру одного недалекаго человѣка, который считалъ себя кавалеристомъ только потому, что намѣревался служить въ кавалеріи...

Прошло лѣтъ 20. Сынъ графа Турбина командуетъ эскадрономъ гусаръ, который, проходя походомъ К. губернію, располагается на ночевку въ Морозовкѣ, деревнѣ Анны Өедоровны. 23-хъ-лѣтній молодой человѣкъ какъ двѣ капли воды походитъ на отца. Но характеръ у него другой: въ немъ не было и тѣни тѣхъ буйныхъ, страстныхъ наклонностей отца. Вмѣстѣ съ умомъ, образованіемъ и наслѣдственною даровитостью натуры, любовь къ приличію и удобствамъ жизни, практическій взглядъ на людей и обстоятельства, благоразуміе и предусмотрительность были его отличительными качествами. Анна Өедоровна гостепріимно предлагаетъ молодому гусару и его товарищу, корнету, помѣщеніе у себя, а братъ, который давно уже поселился у нея, является воплощенной любезностью. 22-хъ-лѣтняя дочка Анны Өедоровны, добрая и привлекательная въ своей невинности, кажется, чувствуетъ больше симпатіи къ робкому корнету, нежели къ блестящему графу. Совершенно наивно она разсказываетъ, что она будетъ сегодня ночью сидѣть у окна и смотрѣть на прудъ, освѣщенный луной. Графъ понялъ

такъ, что она назначаетъ этимъ ему свиданіе, и ночью приближается къ ея окну, влѣзаетъ на низкій подоконникъ и крѣпко схватываетъ руку дремавшей молодой дѣвушки. Та съ крикомъ вскакиваетъ и убѣгаетъ въ комнату своей матери. Графъ съ трудомъ ускользаетъ отъ вниманія сторожа и, наконецъ, благополучно возвращается въ свою комнату и разсказываетъ корнету Полозову свое происшествіе.

— Графъ Турбинъ! вы подлецъ! крикнулъ ему Полозовъ и вскочилъ съ постели...

На другой день эскадронъ выступилъ. По приходѣ на первую дневку предположено было драться... Но ротмистръ Шульцъ такъ успѣлъ уладить это дѣло, что они не только не дрались, но никто въ полку не зналъ объ этомъ обстоятельствѣ.

Два гусара, отецъ и сынъ—два различныхъ представителя одного и того же міросозерцанія и образа жизни, какими они вообще являются за немногими исключеніями среди русской молодежи.

Старое время, по мнѣнію автора, еще не знало никакихъ исключеній; въ позднѣйшее время (1848 г.) встрѣчаются люди уже благородно мыслящіе. Такимъ является Полозовъ, въ душѣ котораго развиты лучшія стремленія и отвращеніе ко всѣмъ некрасивымъ сторонамъ жизни.

Графъ, напримѣръ, радуется выигрышу 10 рублей съ гостепріимно-принявшей его хозяйки.

— Уморительная госпожа! какъ она обидѣлась! и онъ опять принялся хохотать такъ весело, что даже Іоганнъ, стоявшій передъ нимъ, потупился и слегка улыбнулся въ сторону.

— Вотъ-те и сынъ друга семейства!.. ха, ха, ха! продолжалъ смѣяться графъ.

— Нѣтъ, это, право, не хорошо. Мнѣ ее жалко даже стало, — сказалъ корнетъ.

— Вотъ вздоръ! какъ ты еще молодъ! Что же ты хотѣлъ, чтобы я проигралъ? Зачѣмъ-бы я проигралъ? И я проигрывалъ, когда не умѣлъ. Десять рублей, братецъ, пригодятся. Надо смотрѣть практически на жизнь; а то всегда въ дуракахъ будешь. Полозовъ замолчалъ. Ему хотѣлось одному думать о Лизѣ, которая казалась ему необыкновенно чистымъ, прекраснымъ созданіемъ. Онъ раздѣлся и легъ въ мягкую и чистую постель, приготовленную для него.—„Что за вздоръ эти почести и слава военная! думалъ онъ. Вотъ счастье—жить въ тихомъ уголкѣ съ милою, умною, простою женою! вотъ это прочное, истинное счастье!“

Въ этомъ то контрастѣ характеровъ, а черезъ нихъ выведенныхъ воззрѣній на жизнь и заключается суть повѣсти. Она не имѣетъ того художественнаго достоинства, свойственнаго всѣмъ произведеніямъ Толстого, а скорѣе отрывочностью разсказа теряетъ то ясное впечатлѣніе, на которое разсчитывалъ авторъ. Тѣсная связь

повѣсти съ мыслями, постоянно лелѣянными авторомъ, заключается въ воззрѣніяхъ Толстого на военную славу и на тихое счастье семейнаго очага.

„Метель" есть описаніе поѣздки, предпринятой разсказчикомъ съ одной станціи Земли Войска Донского, около Новочеркасска, до другой. Это описаніе покажется главной темой повѣсти, если не принимать во вниманіе введеніе въ нее различныхъ типовъ ямщиковъ, которые въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, составляютъ особенный классъ людей. Описаніе ѣзды отличается поразительной пластичностью и, подобно тому, какъ Тургеневъ однажды высказался о 43-й главѣ „Войны и мира": „Ни въ одной изъ европейскихъ литературъ я не знаю описанія, которое можно было бы сравнить съ этимъ",—можно то же самое сказать и о „Метели". Исполнить простое описаніе ночной поѣздки съ такимъ привлекательнымъ совершенствомъ, какъ удалось здѣсь Толстому, есть уже признакъ несравненнаго наблюдательнаго дара и безпримѣрнаго реальнаго изображенія дѣйствительности.

Весь сюжетъ разсказа „Альбертъ" (1857 г.) построенъ на лично пережитомъ самимъ авторомъ. Герой этого разсказа есть никто иной, какъ музыкантъ Рудольфъ, котораго молодой помѣщикъ взялъ съ собой изъ Петербурга въ Ясную Поляну, чтобы силой вырвать его изъ его плачевнаго поло-

женія. Разсказанная исторія про Альберта есть исторія Рудольфа — исторія одного несчастнаго человѣка, одареннаго въ высокой степени талантомъ, но погибавшаго отъ слабости своего характера. Альбертъ и по наружности неряшливое существо, человѣкъ средняго роста, съ узкой, согнутой спиной и длинными, всклокоченными волосами. На немъ было короткое пальто и прорванныя узкія панталоны надъ шершавыми, нечищенными сапогами. Скрутившійся веревкой галстукъ повязывалъ длинную бѣлую шею. Грязная рубаха высовывалась изъ рукавовъ надъ худыми руками. Лицо его было нѣжно, бѣло, и даже свѣжій румянецъ игралъ на щекахъ. Онъ съ удовольствіемъ вмѣшался въ толпу посѣтителей и посѣтительницъ и забавлялъ ихъ своей чудной игрой на скрипкѣ. Делисовъ принимаетъ въ немъ участіе. Онъ хочетъ этотъ благословенный Богомъ талантъ снова вернуть къ человѣческому достоинству. Но натура Альберта уже до того испорчена, что заботы о немъ его благодѣтеля кажутся ему мученіемъ, а жизнь въ уютной, комфортабельно-устроенной холостой квартирѣ, въ которой музыканту ни въ чемъ не отказываютъ, кромѣ привычной ему пьяной жизни, — кажется ему тюрьмой. Послѣ трехъ дней, проведенныхъ такимъ образомъ, Альбертъ исчезаетъ. Скоро его находятъ замерзшимъ у двери дома Анны Ивановны. Страстная

любовь къ одной аристократической дѣвушкѣ служитъ причиной его умственнаго разстройства и его жалкой жизни.

Этотъ разсказъ по своей формѣ болѣе чѣмъ „Два гусара" подходитъ къ новеллѣ, и все-таки, какъ будто авторъ съ предвзятымъ намѣреніемъ обрываетъ разсказъ на серединѣ и позволяетъ намъ узнать о судьбѣ человѣка столько, сколько нужно для того, чтобы понять обстоятельства, которыя такъ страшно разрушали существованіе, которое могло бы при благопріятныхъ обстоятельствахъ сдѣлать Альберта великимъ человѣкомъ.

— —

VI.

ВЪ РОССІИ и ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

Поѣздка за - границу.—Люцернъ.—Москва.—Петербургъ и Ясная Поляна.—Вторая поѣздка за-границу.—Германія.—Италія.—Смерть брата.—Франція.—Англія.—Бельгія.—Возвращеніе черезъ Германію.—Планы, занятія и событія.

Ни опытъ, пріобрѣтенный въ войнѣ и мирѣ, ни жизнь въ Азіи и Европѣ, ни общеніе съ народомъ и цвѣтомъ общества

не дали удовлетворительнаго отвѣта безпокойному уму мыслителя. Гдѣ бы и въ какомъ бы обществѣ онъ ни вращался, вездѣ лозунгомъ онъ слышалъ слово „прогрессъ", и тѣ, кто произносилъ его, не казались ему ни добрыми, ни счастливыми. Неужели это плоды просвѣщенія, этотъ успѣхъ — результатъ цивилизаціи, который не можетъ сдѣлать человѣка ни нравственно чище, ни счастливѣе,—значитъ, вся цивилизація есть заблужденіе!

Но, можетъ быть, она кажется только въ Россіи въ такихъ мрачныхъ чертахъ среди этой рано начинающей жизнь и скоро старѣющей молодежи? Можетъ быть, по ту сторону границы результаты ея иные? Западъ въ продолженіе 15-ти столѣтій постепенно усовершенствовалъ формы и воззрѣнія, борьбы и труда, то медленно двигаясь впередъ, то отступая назадъ. Подобно тому, какъ дерево съ каждымъ годомъ пріобрѣтаетъ по кругу, такъ и Романцы и Германцы клали камень на камень для строящагося зданія, которому не суждено когда либо быть вполнѣ законченнымъ и которому имя—„цивилизація". Россія хотѣла усвоить себѣ въ одно столѣтіе труды тысячелѣтій, ея народъ хотѣлъ пріобрѣсти себѣ самые благородные плоды цивилизаціи,—нравственное совершенство и человѣческое счастье.

Но увеличила ли цивилизація на Западѣ эти блага, примирила ли и тамъ образо-

ваніе съ счастьемъ и нравственнымъ благородствомъ? Толстой долженъ былъ лично, своими глазами увидѣть все, прежде чѣмъ судить о томъ. И онъ отправился на Западъ.

Въ январѣ 1857 г. онъ объявляетъ своимъ друзьямъ въ Парижѣ о рѣшеніи пріѣхать туда. Но проходитъ еще мѣсяцъ, прежде чѣмъ кругъ русскихъ литераторовъ, группировавшихся около Тургенева въ столицѣ Франціи, могъ привѣтствовать Толстого въ своей средѣ.

Толстой, хотя и на короткій срокъ, остановился въ Германіи. Все, что онъ здѣсь увидѣлъ, сильнѣе возбудило его и придало ему новыя силы. „Германія его очень заинтересовала, и у него явилось желаніе въ другой разъ поближе съ ней познакомиться“—такъ передаетъ Боткинъ въ своемъ письмѣ Дружинину отъ 8-го марта 1857 г., резюмируя этими словами содержаніе письма Толстого, которое онъ находитъ полнымъ свѣжести и бодрости.

17-го февраля (какъ это видно изъ письма Тургенева) Толстой пріѣхалъ въ Парижъ, гдѣ онъ пробылъ 6 или 7 недѣль. Понятно, что онъ находился тутъ въ тѣсной, дружеской связи съ своимъ петербургскимъ другомъ Тургеневымъ и ихъ общимъ другомъ Некрасовымъ, который какъ разъ въ это время жилъ тамъ. И въ Парижѣ, какъ и въ Германіи, былъ замѣтенъ тотъ же подъемъ духа у Толстого:

Тургеневъ находилъ его „любезнѣе и прилежнѣе къ работѣ“, и это значитъ—т. е. если это личное мнѣніе Тургенева высказать другими словами — Толстой теперь освободился отъ своихъ мрачныхъ мыслей и сталъ охотнѣе работать. Онъ хотѣлъ познакомиться съ жизнью стараго культурнаго города во всѣхъ ея проявленіяхъ. Онъ посѣщалъ лекціи Сорбонскаго университета и не побоялся присутствовать при смертной казни преступника чрезъ гильотинированіе. „Когда я увидѣлъ, — говоритъ Толстой, какъ голова отдѣлилась отъ туловища, и услышалъ, какъ сперва голова, а потомъ и туловище пали въ ящикъ, я понялъ—не умомъ, но всѣмъ моимъ существомъ,—что никакая теорія о раціонализмѣ и прогрессѣ не можетъ оправдать этого дѣянія“.

Такъ же скоро, какъ и по Германіи, проѣхалъ онъ въ апрѣлѣ и маѣ по городамъ Италіи. Ни въ одномъ произведеніи писателя нельзя встрѣтить указанія на полученныя имъ впечатлѣнія отъ Вѣчнаго города или другихъ мѣстностей Италіи, которыя бы своей исторіей или славными памятниками искусства вызвали бы участіе въ умѣ такого человѣка, какъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Болѣе сильное впечатлѣніе произвела на него Швейцарія своимъ международнымъ характеромъ. Онъ посѣтилъ всѣ значительные города маленькой республи-

ки. 6-го іюня выѣзжаетъ онъ изъ Берна, 7-го онъ уже въ Люцернѣ и останавливается въ лучшей гостиницѣ „Швейцергофѣ". Какъ неутомимый пѣшеходъ, онъ идетъ знакомиться съ вызывающими благоговѣніе природными красотами Альпъ. Но и здѣсь, какъ и вездѣ, главный предметъ его наблюденій — человѣкъ съ его страданіями. Когда онъ покинулъ Швейцарію, чтобы вернуться на родину, то везъ съ собою рукопись новаго произведенія „Изъ записокъ князя Д. Нехлюдова: Люцернъ."

„Люцернъ", какъ и всѣ произведенія Толстого есть сплетеніе вымысла съ дѣйствительностью. Изъ этихъ записокъ мы узнаемъ, что авторъ находился въ томъ духѣ сомнѣнія и его мучило отчаяніе, которое нѣсколько лѣтъ тому назадъ разъединило его съ друзьями, разочарованіе во всемъ, что только слыло подъ именемъ цивилизаціи и лицемѣрно носило названіе прогрессивнаго развитія человѣчества.

Въ большомъ, великолѣпномъ отелѣ „Швейцергофѣ" живутъ только изящныя, богатыя, образованныя дамы и господа, преимущественно англичане. И эти люди, обладающіе всѣмъ, что только можетъ дать европейское образованіе и культура, эти люди—варвары, лишенные всякаго благороднаго чувства. „Въ ихъ движеніяхъ и лицахъ выражалось **равнодушіе ко всякой чужой жизни**, и такая увѣренность въ томъ,

что швейцаръ имъ посторонится и поклонится, и что, воротясь, они найдутъ чистую, покойную постель и комнату, и что все это должно быть, и что на все это имѣютъ право"... Однимъ словомъ, они, казалось, такъ были убѣждены въ томъ, что весь свѣтъ созданъ только для нихъ и что у нихъ въ сердцѣ нѣтъ ни капли любви къ чужой жизни и въ кошелькѣ ни геллера *) для бѣдныхъ.

Это жестокое мнѣніе автора вызвано, повидимому, ничтожнымъ, но ярко освѣтившимъ великій вопросъ о человѣческомъ счастьѣ, событіемъ.

Одинъ странствующій тиролецъ пропѣлъ нѣсколько пѣсенъ, аккомпанируя на гитарѣ, передъ окнами великолѣпнаго отеля. Мужчины и элегантныя дамы молча и внимательно слушали пѣвца, но никто не бросилъ ему ни копейки. Толпа безжалостно хохотала надъ его комичной фигурой; и когда онъ въ третій разъ, скромно, умоляюще, снявъ фуражку, съ полуитальянскимъ, полунѣмецкимъ акцентомъ обратился къ господамъ: „Messieurs et mesdames, si vous croyez, que je gagne quelque chose, vous vous trompez; je ne suis qu' un pauvre tiaple"—тоже ничего не получилъ; онъ, несмотря на это, раскланялся передъ публикой и, прощаясь, произнесъ:

*) Полушка.

„Je vous remercie et je vous souhaite une bonne nuit.“ Толпа неудержимо хохотала.

Авторъ принимаетъ живое участіе въ обиженномъ пѣвцѣ. Онъ даетъ ему денегъ, приглашаетъ его выпить бутылку вина и располагается съ нимъ въ залѣ этой же гостиницы, на зло напыщеннымъ франтамъ, которые въ бѣдномъ, но честномъ человѣкѣ видятъ не брата, а существо, стоящее много ниже ихъ, потому что онъ плохо одѣтъ, и которые за чистую радость, доставленную имъ несчастнымъ собратомъ, отплатили ему презрительной холодностью!

Что „въ Люцернѣ, предъ отелемъ Швейцергофомъ, въ которомъ останавливаются самые богатые люди, странствующій нищій пѣвецъ въ продолженіе получаса пѣлъ пѣсни и игралъ на гитарѣ. Около ста человѣкъ слушали его. Пѣвецъ три раза просилъ всѣхъ дать ему что-нибудь. Ни одинъ человѣкъ не далъ ему ничего, и многіе смѣялись надъ нимъ“.

„Это не выдумка, а фактъ положительный, который могутъ изслѣдовать тѣ, которые хотятъ, у постоянныхъ жителей Швейцергофа, справившись по газетамъ, кто были иностранцы, занимавшіе Швейцергофъ 7-го іюля.“

„Вотъ событіе,—говоритъ Толстой,—которое историки нашего времени должны записать огненными неизгладимыми буквами. Это событіе значительнѣе, серьезнѣе и

имѣетъ глубочайшій смыслъ, чѣмъ факты, записываемые въ газетахъ и исторіяхъ. Что англичане убили еще тысячу китайцевъ за то, что китайцы ничего не покупаютъ на деньги, а ихъ край поглощаетъ звонкую монету, что французы убили еще тысячу кабиловъ за то, что хлѣбъ хорошо родится въ Африкѣ и что постоянная война полезна для формированія войскъ, что турецкій посланникъ въ Неаполѣ не можетъ быть жидъ, и что императоръ Наполеонъ гуляетъ пѣшкомъ въ Plombieres и печатно увѣряетъ народъ, что онъ царствуетъ только по волѣ своего народа,— это все слова, скрывающія или показывающія давно извѣстное; но событіе, происшедшее въ Люцернѣ 7-го іюля, мнѣ кажется совершенно ново, странно, и относится не къ вѣчнымъ дурнымъ сторонамъ человѣческой природы, но къ извѣстной эпохѣ развитія общества. Это фактъ не для исторіи дѣяній людскихъ, но для исторіи прогресса и цивилизаціи."

Отчего этотъ безчеловѣчный фактъ, невозможный въ деревнѣ ни въ нѣмецкой, ни во французской, ни въ итальянской, возможенъ здѣсь, гдѣ цивилизація, свобода и равенство доведены до высшей степени, гдѣ собираются путешествующіе самые цивилизованные люди самыхъ цивилизованныхъ націй?

Отвѣтъ на это онъ находитъ въ безсвязной рѣчи пѣвца:

— „Они этого не хотятъ разсудить, что надо, чтобы и бѣднякъ жилъ какъ-нибудь. Ежели-бы я былъ не калѣка, я бы работалъ. А что я пою, такъ развѣ я кому-нибудь вредъ этимъ дѣлаю? Что-жъ это такое? богатымъ жить можно, какъ хотятъ, а un pauvre tiaple, какъ я, ужъ и жить не можетъ. Что-жъ это за законы республики? Коли такъ, то мы не хотимъ республики, не такъ ли, милостивый государь? мы не хотимъ республики, а мы хотимъ... мы хотимъ просто... мы хотимъ... онъ замялся немного:—мы хотимъ **натуральные** законы".

Вотъ эти-то натуральные законы и подавила цивилизація; она воодушевляется на общее благо человѣчества и черезъ это теряетъ истинное гуманное чувство къ хорошимъ личнымъ поступкамъ. Европейскій христіанинъ заботится и о китайцѣ въ Индіи, и о распространеніи христіанства и европейской культуры между африканскимъ населеніемъ, и не знаетъ болѣе простого, первобытнаго чувства, которое долженъ осуществить въ себѣ неиспорченный человѣкъ къ человѣку.

Онъ создаетъ новый, свободный образъ правленія и велитъ посадить въ тюрьму гражданина, потому что тотъ „никому не вредя, никому не мѣшая, дѣлаетъ одно, что можетъ, для того, чтобы не умереть съ голода".

Въ каждомъ проявленіи цивилизаціи

такъ много противорѣчій, вопросовъ и неудовлетворительныхъ отвѣтовъ. Разгадка этой загадки заключается въ непогрѣшимомъ руководителѣ „Всемірномъ Духѣ“. „Одинъ только есть у насъ непогрѣшимый руководитель, Всемірный Духъ, проникающій насъ всѣхъ вмѣстѣ и каждаго, какъ единицу, влагающій въ каждаго стремленіе къ тому, что должно; тотъ самый Духъ, который въ деревѣ велитъ ему расти къ солнцу, въ цвѣткѣ велитъ ему бросить сѣмя къ осени и въ насъ велитъ намъ безсознательно жаться другъ къ другу. И этотъ-то одинъ непогрѣшимый, блаженный голосъ заглушаетъ шумное, торопливое развитіе цивилизаціи. Онъ же влагаетъ въ душу несчастныхъ приниженныхъ довольство, такъ что у нихъ нѣтъ ни упрека, ни злобы, ни раскаянія. А кто знаетъ, что дѣлается теперь въ душѣ всѣхъ этихъ людей за этими богатыми, высокими стѣнами? Кто знаетъ, есть ли въ нихъ всѣхъ столько беззаботной, кроткой радости жизни и согласія съ міромъ, сколько ея живетъ въ душѣ этого маленькаго человѣка?“ — Но этотъ гармоническій отзвукъ, который авторъ придаетъ своему разсказу, есть, очевидно, требованіе тонкаго, художественнаго чутья,—потому что это событіе и тысяча другихъ, родственныхъ ему, которымъ онъ, обливаясь кровью, былъ свидѣтелемъ на Западѣ, только увеличили въ душѣ мыслителя раздвоенность, разочарованіе и разожг-

ли стремленіе къ рѣшенію мучившихъ его вопросовъ. „Жизнь въ Европѣ и общеніе мое съ выдающимися и образованными европейцами еще болѣе укрѣпили меня въ вѣрѣ въ постоянное совершенствованіе человѣчества, такъ какъ они были проникнуты этой же вѣрой. Вѣра эта и у меня вылилась въ ту же форму, въ которой она живетъ въ душѣ большинства образованныхъ людей нашего времени. Она можетъ быть формулирована словомъ „прогрессъ". Тогда я думалъ, что это означаетъ что-то очень важное, тогда я не понималъ еще, что всякій живой человѣкъ, удручаемый тысячью вопросовъ, можетъ жить лучшею жизнью, что когда я говорилъ себѣ: живи въ гармоніи съ прогрессомъ—я поступалъ подобно человѣку, котораго застигла буря на водѣ и который вмѣсто того, чтобы отвѣтить на единственно важный для него вопросъ: какое направленіе избрать мнѣ?—говоритъ, не отвѣчая на вопросъ: мы плывемъ въ такомъ-то направленіи. Тогда я не замѣчалъ этого и только изрѣдка возмущался—не умомъ, а чувствомъ противъ этого общаго современнаго предразсудка, при помощи котораго люди скрываютъ отъ себя, что они не понимаютъ жизни".

Такимъ образомъ и Западъ не далъ ему отвѣта на тѣ вопросы, рѣшеніе которыхъ онъ думалъ тамъ найти.

* *
*

Въ концѣ лѣта Толстой снова былъ въ своей родной Ясной Полянѣ. Онъ провелъ только три мѣсяца въ Россіи, частью у себя въ деревнѣ, частью въ обѣихъ столицахъ, занятый своими личными и литературными дѣлами.

Въ половинѣ октября Толстой переселяется съ своимъ старшимъ братомъ, Николаемъ, и единственной сестрой, Маріей, въ Москву. Его дневникъ доказываетъ намъ, что онъ уже 18-го числа былъ въ Москвѣ. 22-го онъ на нѣсколько дней уѣзжаетъ въ Петербургъ, а 1-го ноября онъ снова съ сестрой и братомъ. Они остановились въ меблированныхъ комнатахъ Варина, на Пятницкой улицѣ. Они часто видѣлись съ лирикомъ Фетомъ, а страстное влеченіе къ охотѣ сблизило его въ это время еще съ Громекой.

Фетъ былъ женатъ на *Боткиной, сестрѣ извѣстнаго писателя*, большой любительницѣ музыки. Молодая графиня Марія, сестра Льва Николаевича, также отличная пьянистка и восторженная поклонница музыкальнаго искусства, была частой гостьей гостепріимной четы. Левъ Николаевичъ Толстой чувствовалъ тоже страстное влеченіе къ музыкѣ. Въ своей ранней молодости Толстой, какъ любитель, много занимался музыкой. Горячее участіе, которое онъ принялъ въ бытность свою въ

Петербургѣ въ нѣмцѣ-музыкантѣ, Рудольфѣ, снова вернуло его къ когда-то любимому имъ искусству. Подъ его руководствомъ Толстой познакомился съ серьезной нѣмецкой школой и сталъ поклонникомъ Гайдна, Моцарта, Бетховена и романсовъ нѣмецкой композиціи. Онъ обладалъ особеннымъ искусствомъ аккомпанировать пѣнію. Конечно, случалось, что Левъ Николаевичъ иногда манкировалъ на этихъ музыкальныхъ вечерахъ, и, когда объ его отсутствіи спрашивали сестру и брата, они обыкновенно отвѣчали: бѣдный Левъ сегодня опять принужденъ былъ облечься во фракъ и бѣлый галстукъ и отправиться на балъ. Въ то время, когда братъ, сестра и друзья занимались музыкой, или слушали чтеніе Фета его стиховъ и перевода Шекспировскихъ драмъ, Левъ Николаевичъ проводилъ время или на балахъ въ аристократическихъ салонахъ, или за игрой въ карты и пилъ шампанское въ обществѣ веселыхъ и легкомысленныхъ товарищей и цыганокъ.

Львомъ Николаевичемъ въ это время овладѣла еще одна страсть. Золотая московская молодежь, жадная до всякихъ новинокъ, занималась въ это время съ безпримѣрнымъ соревнованіемъ гимнастическими упражненіями. Левъ Николаевичъ ежедневно посѣщалъ гимнастическій залъ, помѣщавшійся на Большой Дмитровкѣ. Если кому нужно было видѣть его въ по-

луденный часъ, тому стоило только придти на Дмитровку. Здѣсь можно было видѣть, какъ Толстой, одѣтый съ ногъ до головы въ трико, старался перепрыгнуть черезъ лошадь; онъ былъ настолько же искуснымъ, насколько и страстнымъ гимнастомъ.

Окончивъ часъ гимнастики и снявъ трико, Толстой облекался въ свой изящный, сшитый изъ тонкаго сукна зимній костюмъ, въ ватное пальто съ бобровымъ воротникомъ, надѣвалъ на бокъ свою щегольскую шапку и отправлялся гулять по Тверскому бульвару, — короче говоря, знаменитый творецъ „Дѣтства", „Отрочества", „Севастопольскихъ разсказовъ", являлся образцомъ моднаго юноши.

Пребываніе Толстого въ Москвѣ было прервано короткой поѣздкой за границу. Въ ноябрѣ Толстой уѣхалъ, только на этотъ разъ не черезъ Петербургъ, а по новой, только что открывшейся желѣзной дорогѣ на Варшаву, въ Парижъ. Изъ Парижа онъ проѣхалъ въ Дижонъ. Здѣсь Толстой быстро набрасываетъ на бумагѣ по лично пережитымъ воспоминаніямъ свой разсказъ „Альбертъ". Въ Москвѣ, благодаря бурно проведенной жизни, онъ не нашелъ для этого свободнаго времени.

Къ Рождеству Толстой опять въ Москвѣ и празднуетъ въ кругу сестры и брата встрѣчу Новаго года, въ который его жизни грозила большая опасность.

Громека письмомъ отъ 15 января 1858 г.

пригласилъ друзей на медвѣжью облаву, которая должна была состояться 18-го или 20-го числа. „Сообщите Толстому,—пишетъ онъ Фету,—что я купилъ медвѣдицу съ двумя годовалыми медвѣжатами. Если онъ хочетъ принять участіе въ нашей охотѣ, то пусть пріѣдетъ 18-го или 19-го прямо ко мнѣ въ Волочекъ, безъ всякихъ церемоній, я жду его съ распростертыми объятіями и приготовлю ему комнату. Въ противномъ же случаѣ, я прошу къ этому времени увѣдомить меня.... Можетъ быть Толстой пожелаетъ отложить охоту до 21-го, то сообщите мнѣ тотчасъ же; далѣе мы никакъ не можемъ ждать".

Въ назначенный день Левъ и Николай Толстые, въ сопровожденіи знаменитаго загонщика Осташкова отправились по Николаевской желѣзной дорогѣ къ назначенному для охоты мѣсту. Впослѣдствіи Толстой въ живыхъ и наглядныхъ краскахъ описалъ этотъ эпизодъ въ видѣ разсказа *подъ заглавіемъ „Охота пуще неволи"* для народа и юношества (Книга для чтенія, часть III).

1858—59 г. г. прошли, какъ описано выше, среди бурной жизни въ обществѣ друзей золотой молодежи и литературныхъ занятій. Озабоченные друзья Толстого часто имѣли поводъ примѣнять къ нему слова, какими гуманный императоръ Александръ I когда то выразился о Крыловѣ: „Мнѣ жаль не тѣхъ денегъ, которыя про-

игрываетъ Крыловъ, но мнѣ было бы жаль таланта, если-бъ онъ его проигралъ". Но особенная крѣпость, которой была одарена натура Толстого, спасла его мощный талантъ отъ гибели. Среди приготовленій къ поѣздкѣ на охоту, Толстой, преодолѣвъ всѣ препятствія, окончилъ послѣднюю часть разсказа „Три смерти" о смерти дерева.

За весь этотъ періодъ времени, намъ извѣстны только нѣкоторыя числа и то благодаря его дневнику, куда онъ, по старой привычкѣ, заносилъ всѣ событія, казавшіяся лично для него важными. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что время съ 1-го января 1858 г. до конца мая 1859 г. Левъ Николаевичъ прожилъ въ Москвѣ, время отъ времени уѣзжая на самый короткій срокъ въ свое имѣніе и Петербургъ. Такихъ поѣздокъ въ имѣніе насчитывается нѣсколько: въ апр. 1858 г., отъ 5-го до 15-го сентября, 3-го мая 1859 г. Въ Петербургѣ пробылъ онъ 10 дней, съ послѣдняго дня марта и до 10 апрѣля 1859 г. 28 мая 1859 г. Толстой на долгое время переселяется въ Ясную Поляну, откуда почти до 9-го октября не выѣзжаетъ ни разу. Но раньше, чѣмъ онъ собрался въ Москву, гдѣ, по примѣру прошлаго года, намѣревался провести большую часть зимы, онъ пожелалъ навѣстить своего друга Тургенева въ его имѣніи Спасскомъ. Какъ разъ въ это время у Толстого явилось непріятное отно-

шеніе къ читающей публикѣ. Это было начало тѣхъ сомнѣній, которыя впослѣдствіи послужили исходной точкой его новаго міровоззрѣнія. Подобное состояніе духа можно описать только вполнѣ подходящими словами Фауста:

Но и радость за то у меня отнята,
И отрадная душу не тѣшитъ мечта,
Что я правду святую нашелъ для людей,
Что могу ихъ исправить наукой своей *).

„Не поэтическими нашими произведеніями можемъ мы сдѣлаться учителями людей, — говоритъ Толстой, — но нашимъ вліяніемъ на нижніе слои общества можно принести пользу будущему поколѣнію". „Не учиться мы должны, но научить Марфушку и Тараску тому немногому, что мы сами знаемъ",—пишетъ онъ отъ 23-го февраля 1860 г. своему другу Фету.

Отъ этого мрачнаго настроенія духа пострадала, правда, не много творческая дѣятельность Толстого, но оно ни на минуту не прервало его не знающую устали наблюдательность и воспріимчивость чужихъ мыслей. Къ этому присоединился еще и проснувшійся интересъ къ дѣятельности помѣщика, который когда-то воодушевлялъ Толстого-юношу, и гдѣ онъ нашелъ тогда одно разочарованіе. Снова принялся онъ

*) Фаустъ. Трагедія Гете. Переводъ Н. Павлова.

ревностно изучать все, что необходимо было для усовершенствованія сельскаго хозяйства, и снова мыслитель чувствовалъ себя хорошо среди разнообразной работы въ полѣ и въ лѣсу. Да и въ Ясной Полянѣ жилось такъ свободно и привольно. Любимые тетушка и братъ Николай въ это время были тоже въ деревнѣ, не было недостатка и въ гостяхъ.

Къ сожалѣнію, въ это время, семья Толстыхъ была озабочена здоровьемъ графа Николая. Старшій братъ, Николай, слылъ не только въ семьѣ, но и среди ихъ обширнаго знакомства за отличнаго человѣка. Тургеневъ называлъ его „мудрецомъ" и цѣнилъ въ немъ его спокойный образъ мыслей и его замѣчательную сердечную доброту: „Это былъ золотой человѣкъ, умный, непритязательный, любезный...." писалъ о немъ Тургеневъ послѣ его смерти. Левъ Николаевичъ любилъ его съ юныхъ лѣтъ самой нѣжной братской любовью, называлъ его „Фирдуси" и придавалъ большое значеніе его сужденію, и Николай, съ своей стороны, боготворилъ младшаго брата, какъ только можетъ отецъ боготворить сына въ своей слѣпой любви къ нему. Графъ Николай уже давно чувствовалъ себя слабымъ: ему, исколесившему почти весь Кавказъ, теперь угрожалъ злѣйшій врагъ — чахотка. Кашель, часто угрожавшій удушьемъ, необыкновенная раздражительность, общій упадокъ силъ и все

увеличивающаяся худоба заставляли родныхъ и друзей серьезно задумываться. Графиня Марія и братья наконецъ уговорили его полѣчиться за-границей. Одинъ изъ братьевъ долженъ былъ провожать его.

Весной Тургеневъ поѣхалъ для лѣченія въ Соденъ, и такъ какъ онъ еще въ концѣ апрѣля узналъ, что графиня Марія думаетъ съ своимъ братомъ поѣхать за-границу, то написалъ своимъ друзьямъ, чтобы они пріѣхали къ нему, въ этотъ красиво расположенный, спокойный, замѣчательно здоровый и дешевый курортъ.

Наконецъ Николай собрался за-границу вмѣстѣ съ братомъ Сергѣемъ. Въ Петербургѣ онъ совѣтовался съ извѣстнымъ врачемъ Здекауэромъ, и тотъ одобрилъ его намѣреніе полѣчиться въ Соденѣ. Это было пріятно для обѣихъ сторонъ. Семейство Толстыхъ было покойно за брата, зная, что его сопровождаетъ Сергѣй, а въ Соденѣ онъ будетъ находиться подъ дружескимъ присмотромъ Тургенева; а равнымъ образомъ радовался и Тургеневъ провести весь лѣчебный курсъ въ обществѣ Николая Николаевича Толстого и получить непосредственно отъ него извѣстія о ихъ кружкѣ.

Братъ и сестра остались дома, но не надолго; страшно безпокоясь о здоровьѣ брата, они скоро послѣдовали за нимъ, за-границу. Марья Николаевна выѣхала съ дѣ-

тьми около 20-го іюня. Къ этому времени Левъ Николаевичъ твердо рѣшился запастись заграничнымъ паспортомъ и, покинувъ свое сельское хозяйство въ Ясной Полянѣ, отправиться въ Германію. Ко всѣмъ заботамъ о здоровьѣ брата, который до сихъ поръ еще ничего не писалъ о себѣ, къ хлопотамъ, причиняемымъ ему людьми въ его съ каждымъ днемъ возраставшемъ хозяйствѣ, присоединилось еще грустное чувство одиночества: „Холостая жизнь, т. е. отсутствіе женщины, и чувство, что скоро будетъ поздно, мучаетъ меня".

Наконецъ онъ былъ готовъ къ поѣздкѣ въ послѣднихъ числахъ іюня. Оставивъ у жены Фета свои экипажи, Толстой черезъ Петербургъ поѣхалъ за-границу. 2-го іюля онъ былъ уже въ Петербургѣ, а 3-го сѣлъ на пароходъ, совершавшій рейсы между русской Сѣверной столицей и Германіей. Онъ давно уже лелѣялъ планъ совершить большое путешествіе по Европѣ— путешествіе съ научной цѣлью въ полномъ смыслѣ этого слова. Изучить на мѣстѣ народную жизнь и методу народнаго образованія,—вотъ главная задача его путешествія. Онъ читалъ много произведеній иностранныхъ авторитетовъ о народномъ образованіи. Его особенное вниманіе привлекъ къ себѣ Бертольдъ Ауэрбахъ. Еще изъ первой своей заграничной поѣздки Толстой вывезъ съ собой его произведенія и очень ревностно изучалъ ихъ. Его тянуло къ

шварцвальдскому поэту то духовное родство ,,Wahlverwandtschaft", въ основаніе котораго главнымъ образомъ были положены матеріалы народнаго быта, ихъ особенности и поучительная тенденція его произведеній.

Составляя подобные планы, онъ и не предчувствовалъ, что забота о больномъ братѣ приведетъ ихъ къ скорѣйшему выполненію. 5-го іюля онъ высадился въ Штетинѣ. Здѣсь онъ не остановился, но въ этотъ-же день проѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ его уже ожидала сестра Марія въ лучшей гостиницѣ подъ Липами. Берлинъ того времени не отличался тою жизнью міроваго города, блескомъ и внѣшней красотой, которыми теперь онъ возбуждаетъ удивленіе всѣхъ иностранцевъ. Онъ тогда только намѣревался сдѣлаться столицею государства, и для своей высокой задачи, которая должна была осуществиться въ недалекомъ будущемъ, почерпалъ силы въ непрестанномъ трудѣ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія. Германія считалась всѣми страной мыслителей и въ этой-то Германіи Берлинъ былъ первымъ городомъ, раньше чѣмъ политическія событія сдѣлали его резиденціей германскихъ императоровъ.

Первые три дня пребыванія Толстого въ Берлинѣ были отравлены зубною болью, которую онъ, вѣроятно, получилъ отъ простуды во время морского путешествія.

Остальные же 4 дня, оставшіеся до недѣли, назначенной имъ для Берлина, онъ употребилъ съ большою для себя пользой. Сестра же, между тѣмъ, уѣхала въ Соденъ.

Первый день пребыванія въ Берлинѣ былъ посвященъ посѣщенію университета и собранія художественныхъ произведеній. Толстой посѣщалъ лекціи двухъ знаменитыхъ профессоровъ берлинскаго университета, Дройзена и Дю-Буа-Реймона. Дройзенъ профессорствовалъ первый годъ въ Берлинѣ, а Дю-Буа-Реймонъ, который былъ много моложе его, уже года два, какъ получилъ каѳедру ординарнаго профессора, освободившуюся послѣ покойнаго его учителя Іоганна Мюллера. Дройзенъ читалъ лѣтомъ 1860 г. древнюю исторію и новѣйшую съ 1815 г., Дю-Буа-Реймонъ экспериментальную физіологію и диффузію. Въ аудиторіи физіологовъ Толстой познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который вовремя его короткаго пребыванія въ Берлинѣ принесъ ему большую пользу. Кандидатъ медицины Френкель сдѣлался руководителемъ молодого русскаго путешественника. Понятно, что онъ нашелъ въ иностранцѣ-графѣ человѣка всесторонняго образованія, необыкновенныхъ способностей и ненасытимой любознательности.

Френкель вводитъ любознательнаго графа въ собраніе ремесленниковъ. Лекція, читанная однимъ изъ выдающихся ученыхъ передъ представителями всѣхъ слоевъ на-

рода, особенно же открытіе „вопроснаго ящика"—форма народнаго обученія, которая до сихъ поръ Толстому была совсѣмъ незнакома, — были для него утѣшительными доказательствами общаго образованія, отъ котораго его отечество было еще такъ далеко. Ему такъ понравилось это собраніе, что, несмотря на краткость своего пребыванія въ Берлинѣ, онъ посѣтилъ его и въ слѣдующій вечеръ, 13-го іюля. День же онъ посвятилъ осмотру Моабитской тюрьмы. Система одиночнаго заключенія, которая здѣсь была введена, противорѣчила его чувству гуманности. Подъ наплывомъ новыхъ, разнообразныхъ впечатлѣній Толстой покинулъ Берлинъ 14-го числа.

Въ Лейпцигѣ онъ провелъ только одинъ день. Онъ едва выбралъ время, чтобы осмотрѣть нѣкоторыя школы. Саксонскія школы по справедливости могли считаться лучшими школами Германіи. Русское правительство, по инціативѣ анатома и хирурга Пирогова, попечителя Кіевскаго учебнаго округа, сочиненіе котораго „Вопросы жизни" возбудило такой интересъ въ общественномъ мнѣніи, — рѣшило выработать новый проектъ школьной системы. Когда этотъ проектъ былъ готовъ, то рѣшили предложить его на одобреніе нѣмецкихъ, французскихъ и бельгійскихъ педагоговъ и писателей, и для этой миссіи выбрали С. Танѣева, человѣка, долгіе годы посвя-

тившаго на изученіе въ Пруссіи и Саксоніи дѣла народнаго образованія. Изъ этого можно заключить, что уже въ то время школьный вопросъ въ Россіи разрабатывался довольно серьезно и что для его изученія преимущественно прибѣгали къ Германіи. Вопросъ о народныхъ школахъ былъ простымъ слѣдствіемъ крупнаго переворота, происшедшаго въ соціальной жизни Россіи, послѣ отмѣны крѣпостного права.

Толстой близко познакомился съ этимъ вопросомъ. Онъ все испытывалъ лично, чтобы потомъ быть въ состояніи дѣйствовать самостоятельно и чтобы въ своемъ маленькомъ царствѣ, въ Ясной Полянѣ, даровать крестьянамъ, одновременно съ личной свободой, и драгоцѣнное благо—образованіе.

16-го іюля Толстой былъ въ Дрезденѣ.

Первымъ дѣломъ онъ навѣстилъ Бертольда Ауэрбаха, потому что онъ былъ всегда поклонникомъ его литературныхъ дарованій и чувствовалъ, что многимъ ему обязанъ. „Этому писателю я обязанъ тѣмъ,— говорилъ впослѣдствіи (осенью 1867 г.) Толстой,—что открылъ школу для моихъ крестьянъ и началъ интересоваться народнымъ образованіемъ". Его произведенія Толстой зналъ лучше, чѣмъ кого либо изъ современниковъ.

Онъ навѣстилъ его, при чемъ сначала не назвалъ настоящей своей фамиліи.

Ауэрбахъ не заставилъ его долго ждать. Когда онъ вошелъ въ комнату, Толстой сказалъ: ,,Фамилія моя Евгеній Бауманъ". Ауэрбахъ немного испугался при видѣ ,,этого страннаго на видъ господина", называвшаго себя Бауманомъ; онъ боялся, что этотъ гость начнетъ грозить ему пасквилемъ или клеветой. Толстой, замѣтивъ смущеніе Ауэрбаха, быстро добавилъ: ,,если не по имени, то по характеру". Уже потомъ Толстой объяснилъ ему, кто онъ, и какъ его произведенія возбуждали въ немъ мысль и благотворно на него подѣйствовали. Ауэрбахъ тоже принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ русское правительство отмѣтило, какъ авторитетовъ по вопросамъ о народномъ образованіи. Да, онъ былъ тѣмъ авторитетомъ, который самымъ подробнымъ образомъ изложилъ свой взглядъ по этому вопросу. Далѣе, нужно припомнить, что ,,Деревенскіе разсказы" Ауэрбаха есть ничто иное, какъ статьи, облеченныя въ поэтическую форму, гдѣ сквозитъ пристрастіе къ низшему классу народа, протестъ противъ опеки духовныхъ и свѣтскихъ властей и предпочтеніе сельской жизни городской. Толстому доставляло большое удовольствіе посѣщать дрезденскія школы въ обществѣ этого родственнаго ему по духу человѣка, обмѣниваться съ нимъ мнѣніями о нецѣлесообразности методы и о вредномъ вліяніи тѣсныхъ школь-

ныхъ помѣщеній на физическое развитіе молодого поколѣнія.

19-го іюля Толстой покинулъ Дрезденъ. Хваленыя саксонскія школы ему не понравились. Его чемоданъ былъ полонъ книгъ, имѣвшихъ тѣсную связь съ новыми планами его жизни, съ маленькой библіотекой о системѣ воспитанія и исторіи педагогики. Онъ посвятилъ теперь всего себя школьному вопросу съ тѣмъ же юношескимъ жаромъ, съ какимъ обыкновенно отдавался извѣстной задачѣ.

20-го іюля Толстой былъ уже въ Киссингенѣ.

За три недѣли до него на этотъ знаменитый курортъ пріѣхалъ Германъ фонъ Ауэрбахъ, русскій лейтенантъ, съ женой и дочерью, а наканунѣ—Юлій Фребель. Съ этими обоими людьми Толстой вошелъ въ дружескія сношенія; онъ всегда съ большимъ участіемъ относился къ военному дѣлу, и даже въ листкѣ для пріѣзжающихъ онъ (подъ 28-мъ іюля) подписался офицеромъ императорской русской службы, изъ Москвы. Съ Фребелемъ, племянникомъ учредителя дѣтскихъ садовъ, его связывали не только обоюдный вопросъ о школахъ и народномъ образованіи, но, болѣе того, и общія соціалистическія идеи, которыя у германскаго политика являлись результатомъ историческихъ воззрѣній, а у русскаго писателя плодомъ лично пережитаго.

Фребель уже въ первые дни обратилъ

вниманіе на серьезнаго молодого человѣка, который зорко подмѣчалъ все, что происходило вокругъ него, и часто читалъ англійскія книги. Такъ какъ Толстой выразилъ желаніе познакомиться съ Фребелемъ, то русскій графъ и нѣмецкій агитаторъ очень скоро сблизились. По мнѣнію Фребеля, Толстой въ разговорахъ выражалъ странныя воззрѣнія: „Прогрессъ въ Россіи,—говорилъ Толстой,—долженъ исходить изъ народнаго образованія, которое дастъ лучшіе результаты, чѣмъ въ Германіи, потому что русскій народъ еще неиспорченъ, тогда какъ нѣмцы походятъ на ребенка, который въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ подвергался неправильному воспитанію.“ Онъ уже тогда разсказывалъ всѣмъ о школѣ, устроенной имъ въ его имѣніи, гдѣ онъ принималъ личное участіе въ преподаваніи. Въ лѣтніе мѣсяцы ученики отпускались на каникулы. Народное образованіе, по его мнѣнію, не должно быть обязательнымъ; если оно благо, — говорилъ онъ,—то его потребность должна вызываться сама собой, какъ голодъ. Народъ казался ему какимъ то мистическимъ существомъ, изъ таинственной глубины котораго должны возникнуть непредвидѣнные теперь порядокъ и новый строй жизни. Онъ принималъ живое участіе во взглядѣ на общее крестьянское землевладѣніе и видѣлъ въ „артели“ будущность соціальнаго строя.

Фребель часто улыбался, слушая подоб-

ныя мнѣнія Толстого о германскомъ народѣ. Толстой удивлялся, что ни въ одномъ нѣмецкомъ крестьянскомъ домѣ не нашелъ онъ ни „Деревенскихъ разсказовъ“ Ауэрбаха, ни произведеній Гебеля. Русскіе крестьяне,—говорилъ онъ,—проливали бы слезы надъ подобными книгами.

Впечатлѣнія, полученныя имъ отъ Бертольда Ауэрбаха въ Дрезденѣ и отъ Фребеля во время ихъ совмѣстныхъ прогулокъ, укрѣпили его въ той задачѣ, планъ которой только еще носился предъ его умственнымъ взоромъ. Авторъ „Системы соціальной политики“ указалъ ему на родственныя этому сочиненія Риля, и Толстой, со всѣмъ пыломъ юности, накинулся на „Естественную исторію народа, какъ основаніе нѣмецкой соціальной политики“. Первая часть этого произведенія, какъ извѣстно, трактуетъ о различныхъ классахъ „бюргерскаго общества“: крестьянахъ, аристократахъ, бюргерахъ и пролетаріяхъ, т. е. о предметѣ, который не только занималъ Толстого съ юныхъ лѣтъ, но и затрогивалъ его до глубины души.

Племянникъ Фридриха Фребеля былъ по своему внутреннему призванію тоже педагогъ. Онъ познакомилъ Толстого съ мыслями учредителя дѣтскихъ садовъ и нашелъ въ немъ любознательнаго и способнаго ученика.

Въ Киссингенѣ Толстой посѣтилъ всѣ окрестности, богатыя красотами природы

и историческими воспоминаніями. Онъ прошелъ Гарцъ, побывалъ въ тюрингенскихъ городахъ и изъ Эйзенаха проѣхалъ въ Вартбургъ.

Личность нѣмецкаго реформатора, чью тяжелую борьбу напоминаетъ собой Вартбургъ, была русскому писателю особенно дорога и близка. Разрывъ съ старыми традиціями, религіозная преданность къ слову Евангелія, сила слова, обращеннаго къ народу, которое проникало въ самую глубину его сердца, забота о школѣ, — однимъ словомъ, всѣ идеи, воплощеніемъ которыхъ былъ Лютеръ, были также сердечнымъ дѣломъ самого Толстого, и онъ, обходя ту комнату, гдѣ были написаны первыя слова Библіи, восторженно записалъ въ свой дневникъ эту короткую фразу: „Лютеръ великъ“.

Такимъ образомъ, для неутомимаго изслѣдователя различныхъ преданій пребываніе въ Киссингенѣ принесло пользу болѣе въ нравственномъ, нежели въ физическомъ отношеніи. Въ Германіи онъ ближе познакомился съ нѣмецкой философіей, теоріей культуры и новыми педагогическими воззрѣніями, такъ что оставался только одинъ шагъ до изученія Бэкона, „основателя матеріализма“, которое Толстой и предпринялъ подъ вліяніемъ новыхъ возбужденій.

Изъ Содена приходили все неутѣшительныя извѣстія. Николай пріятно про-

велъ нѣсколько недѣль въ красивомъ мѣстечкѣ, въ обществѣ сестры, ея дѣтей и брата Сергѣя, но его здоровье не поправлялось. Врачи совѣтовали ему переѣхать въ Италію.

6-го августа графъ Сергѣй Николаевичъ отправился на родину. Понятно, что онъ воспользовался случаемъ заѣхать въ Киссингенъ, лежавшій въ разстояніи 5-ти-часовъ пути, чтобы навѣстить брата Льва и сообщить ему серьезныя опасенія за здоровье Николая. Три дня спустя, именно въ тотъ день, когда Сергѣй продолжалъ свой путь на родину, пріѣхалъ самъ Николай. Сестра же съ дѣтьми остались въ Соденѣ для окончанія лѣченія.

Безнадежному состоянію любимаго брата не могло уже помочь никакое искусство врачей. Только одно облегченіе они могли сдѣлать для него, а именно посовѣтовали ему для облегченія страданій провести послѣдніе годы жизни въ тепломъ климатѣ Италіи. Но, увы! ему суждено было прожить только нѣсколько недѣль. Небольшой кругъ друзей въ Киссингенѣ понемногу распался: Фребель могъ пробыть здѣсь только три недѣли, Ауэрбахъ уѣхалъ 8-го августа, и графъ Николай вернулся обратно въ Соденъ, а Левъ Николаевичъ пробылъ еще нѣкоторое время въ Гарцѣ, наслаждаясь природой и посвящая свободное время чтенію книгъ.

Наконецъ, 26-го августа, Левъ Николае-

вичъ пріѣхалъ въ Соденъ. Тамъ все было приготовлено къ отъѣзду, и 29-го августа Левъ Николаевичъ съ братомъ Николаемъ отправились во Франкфуртъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Толстой уже въ это время былъ хорошо знакомъ съ философіей Шопенгауэра. Серьезное же изученіе его произведеній и полная преданность этому геніальному уму, въ которомъ онъ видитъ также и великаго стилиста, относится однако къ позднѣйшему времени, когда онъ предлагалъ Фету издать въ русскомъ переводѣ произведенія этого „геніальнѣйшаго изъ людей".

За пріятными мѣсяцами путешествія по Германіи, богатаго созерцаніемъ красивой природы, чтеніемъ полезныхъ книгъ, общеніемъ съ умнѣйшими людьми иного образованія и иныхъ міровоззрѣній, — послѣдовали тяжелыя недѣли въ жизни Толстого: любимый братъ оканчивалъ свое земное поприще съ ужасающей скоростью. Не прошло и мѣсяца, какъ Николай въ Гіерѣ, близъ Ниццы, умеръ на рукахъ своего брата.

„Я думаю, что вы уже знаете, что случилось,—писалъ Толстой Фету отъ 17-го октября 1860 г.,—онъ умеръ 20-го сентября буквально на моихъ рукахъ. Ничего въ жизни не производило на меня такого потрясающаго впечатлѣнія. Онъ былъ правъ, говоря, что нѣтъ ничего ужаснѣе смерти; и, если хорошенько вду-

маться, что смерть есть исходный конецъ всего живущаго, то придешь къ тому заключенію, что нѣтъ ничего хуже жизни. Къ чему всѣ заботы, старанія, если отъ всего, что называлось графомъ Николаемъ Николаевичемъ Толстымъ, ничего не осталось? Онъ никогда не говорилъ, что чувствовалъ приближеніе смерти, но я знаю, что онъ слѣдилъ за ней шагъ за шагомъ и зналъ навѣрное, сколько предстояло ему прожить. За нѣсколько минутъ до смерти онъ задремалъ. Вдругъ, вскочивъ, онъ испуганно прошепталъ: „Что это такое?“ Онъ уразумѣлъ свой переходъ въ ничто, и, если онъ уже не нашелъ, за что удержаться, что-же я могъ найти? Можно сказать рѣшительно, что ни я, ни кто другой, не будетъ такъ бороться до послѣдней минуты за этотъ переходъ, какъ онъ. Еще за два дня я просилъ его: позволить ему прислуживать въ комнатѣ. „Нѣтъ,— отвѣтилъ онъ,—я слабъ, но не настолько, чтобы не сдѣлать необходимаго безъ посторонней помощи.“

Онъ не сдавался до послѣдней минуты; былъ постоянно въ движеніи, искалъ вездѣ себѣ занятія, то писалъ, то освѣдомлялся о моихъ работахъ и часто помогалъ мнѣ совѣтомъ. Но все это, думаю я, дѣлалось не ради внутренней потребности, а изъ принципа. Вечеромъ, наканунѣ смерти, онъ пошелъ въ свою спальню и отъ слабости упалъ на свою постель, стоявшую у

открытаго окна. Я вошелъ къ нему; со слезами на глазахъ онъ тихо проговорилъ: Сколько наслажденія пережилъ я въ этотъ часъ!

Изъ земли взятъ и въ землю изыдеши! Одно только осталось, неопредѣленная надежда, что тамъ, въ природѣ, частицу которой ты составишь, останется что-нибудь вѣчнымъ. Всѣ, кто присутствовалъ при его послѣднихъ минутахъ, говорятъ, какъ онъ замѣчательно мирно и тихо угасъ. Но я знаю, что внутренно онъ страшно страдалъ, потому что отъ моего зоркаго наблюденія не ускользнуло его малѣйшее ощущеніе. Тысячу разъ говорю я себѣ: погребайте мертвецовъ; но нужно же какъ нибудь употребить силы, которыя еще есть. Нельзя велѣть камню падать вверхъ, а не внизъ, куда его тянетъ; нельзя смѣяться на шутку, которая уже пріѣлась, нельзя ѣсть, если не чувствуешь голода. Къ чему все, если завтра начнутся страданія смерти со всѣмъ ужасомъ, ложью, самообманомъ и если это все закончится уничтоженіемъ, нулемъ. Веселая будущность! Будь полезенъ, добродѣтеленъ, счастливъ, пока ты живъ, говоритъ одинъ человѣкъ другому... но ты самъ, и счастье, и добродѣтель, и польза—все заключается въ истинѣ. Истина же, какъ я ее понялъ въ эти 32 года, есть та, что положеніе, въ которое мы поставлены, ужасно. „Бери жизнь, какъ она есть, ты самъ создалъ

себѣ это положеніе." Но какъ же, я беру жизнь такой, какая она есть. Какъ только человѣкъ достигаетъ высшей степени развитія, то онъ постигаетъ, что все это суета и обманъ, и что истина, которую онъ все-таки любитъ, вопреки всему, ужасна. Когда ты все это ясно увидишь, то ты испугаешься и вскрикнешь, подобно брату: Да что-же это? Понятно, пока живо желаніе знать и желать истину, люди стараются искать и говорить о ней. Это единственное, что мнѣ осталось изъ міра моральнаго. Выше я не могу подняться, и это единственное я буду исполнять, только не въ формѣ вашего искусства. Искусство—ложь, и я болѣе не могу любить ложь, хотя и красивую. Я пробуду здѣсь всю зиму, потому что все равно, гдѣ не живешь".

И, дѣйствительно, Толстой остался въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ нанесенъ ему тяжелый ударъ, и старался новой дѣятельностью преодолѣть свое горе. Когда онъ немного успокоился, то въ началѣ ноября отправился черезъ Марсель въ Женеву, куда переѣхала сестра съ своими дѣтьми, чтобы переговорить съ ней о домашнихъ дѣлахъ, перемѣнившихся послѣ печальнаго событія въ семьѣ, и сообща обсудить дальнѣйшіе планы путешествія. Только къ концу года къ нему вернулась его обычная бодрость.

Еще 6 мѣсяцевъ продолжалъ Толстой

свои наблюденія и научныя занятія въ городахъ Западной Европы, устремляя свой опытный взоръ на то, что соприкасалось съ его завѣтной цѣлью. Прежде всего онъ вернулся въ Италію. Ницца, Ливорно, Флоренція, Римъ, Неаполь—вотъ главные пункты этого путешествія, продолжавшагося съ средины декабря 1860 г. до начала января 1861 г. Намъ ничего достовѣрно неизвѣстно ни о впечатлѣніяхъ, полученныхъ имъ въ сердцѣ классической Италіи, ни о литературныхъ планахъ, возникновеніе которыхъ было бы обязано этимъ впечатлѣніямъ. Намъ извѣстно только одно указаніе Тургенева, относящееся къ этому времени. Тургеневъ сообщаетъ изъ Парижа, отъ 10-го января, что Толстой писалъ ему изъ Ливорно, что, побывавъ въ Неаполѣ, онъ въ февралѣ пріѣдетъ къ нему въ Парижъ,— что и было имъ исполнено.

Въ Парижъ Толстой снова поѣхалъ черезъ Марсель. Въ этомъ большомъ торговомъ и фабричномъ городѣ его особенно привлекали спеціальныя школы для рабочихъ. Его удивило, что почти всѣ дѣти посѣщаютъ школу въ продолженіе 3, 4, 5 и даже 6 лѣтъ. Въ числѣ преподаваемыхъ предметовъ въ этихъ народныхъ школахъ стояли рядомъ съ катехизисомъ библейская и всеобщая исторіи, четыре правила ариѳметики, чистописаніе и бухгалтерія. „Я никакъ не могъ понять, какимъ обра-

зомъ бухгалтерія попала въ курсъ начальнаго преподаванія, и ни одинъ учитель не могъ мнѣ этого объяснить". Да и вообще, эти школы не удовлетворили Толстого. Послѣ народныхъ школъ онъ посѣтилъ монастырскія и еще одно высшее свѣтское заведеніе, и пришелъ къ тому заключенію, что учебный отдѣлъ города Марселя поставленъ очень плохо. Самый же народъ, который онъ наблюдалъ на улицахъ, въ мастерскихъ, въ cafes chantants, въ музеяхъ и книжныхъ лавкахъ, поразилъ его своею смышленостью, обходительностью, здравой разсудительностью и настоящей культурностью. Онъ объяснилъ себѣ несоотвѣтственность между неудовлетворительнымъ школьнымъ образованіемъ и высокимъ развитіемъ взрослыхъ живой и крайне воспріимчивой къ умственному развитію натурой французовъ.

Въ Марсели онъ нашелъ 28 ежедневныхъ изданій, которыя расходились въ народѣ въ количествѣ 30,000 экземпляровъ. Музеи, общественныя библіотеки, театры, кофейни, гдѣ давались небольшія комедіи и читались стихи,—вотъ образовательныя заведенія для взрослыхъ г. Марселя. По бѣглому разсчету, пятая часть всѣхъ обывателей продолжала такимъ образомъ свое образованіе, подобно тому, какъ дѣлали это греки и римляне въ своихъ амфитеатрахъ.

15-го февраля Толстой былъ уже въ

Парижѣ. Здѣсь, такъ же, какъ и вездѣ, продолжалъ онъ свои наблюденія. Половину дня проводилъ онъ въ омнибусѣ, разъѣзжая по всѣмъ улицамъ, потому что интеллигентное населеніе Парижа доставляло ему интересный предметъ для наблюденія. Личности, которыя онъ зналъ только по книгамъ, теперь представлялись ему живыми. Онъ сдѣлалъ странное открытіе, что люди, которыхъ онъ встрѣчалъ въ омнибусахъ, походили на героевъ Поль-де-Кокскихъ романовъ.

Парижскіе друзья Толстого находили его хотя и не безъ странностей, но примиреннымъ и кроткимъ. Онъ читалъ Тургеневу свои новыя произведенія и встрѣчалъ съ его стороны восторженное одобреніе.

Въ концѣ февраля Толстой задумалъ проѣхаться въ Лондонъ. И здѣсь на первомъ планѣ были школы и народная жизнь, которую онъ наблюдалъ на улицахъ. Онъ посѣтилъ и парламентъ и такъ удачно, что слышалъ рѣчь лорда Пальмерстона, говорившаго въ продолженіе трехъ часовъ.

Возвратный путь его лежалъ не на Парижъ, а на Брюссель. Здѣсь онъ познакомился съ двумя выдающимися людьми, которые оба были изгнаны изъ своего отечества: Прудономъ, борцомъ демократической республики и Лелевелемъ, бывшимъ преподавателемъ Виленскаго университета.

Подобнаго впечатлѣнія, какъ Германія, кажется не произвели на Толстого ни Италія, ни Францiя, ни Англія, потому что онъ, возвращаясь 13 апрѣля 1861 г. изъ Брюсселя и переступивъ на нѣмецкую границу, рѣшается ѣхать на родину тѣмъ же путемъ, какимъ ѣхалъ на Западъ. Онъ пробылъ нѣсколько дней въ Веймарѣ, какъ гость русскаго посланника фонъ-Мальтица. Этотъ послѣдній, самъ въ душѣ поэтъ, знакомитъ Толстого съ гофмаршаломъ Болье - Марконэ, и такимъ образомъ графъ Толстой былъ приглашенъ къ великогерцогскому двору. Гофмаршалъ Болье и русскій посолъ Мальтицъ старались самымъ любезнымъ образомъ сдѣлать пребываніе Толстого въ Веймарѣ пріятнымъ и полезнымъ. 16-го апрѣля Толстой осматривалъ домъ, въ которомъ жилъ Гете. Но самое цѣнное, что онъ вынесъ изъ Веймара и другихъ тюрингенскихъ городовъ: Готты, Эйзенаха, Іены и др.,—было близкое знакомство съ фребелевскими дѣтскими садами.

Готта и Веймаръ были главными разсадниками дѣтскихъ садовъ. Теорія и практика новыхъ учрежденій имѣли выдающихся представителей въ лицѣ педагоговъ: Августа Келера, Франца Шмидта, Зейделя и непосредственной ученицы Фребеля—Минны Шелльгорнъ. Также супруга русскаго посла фонъ-Мальтица принимала живое участіе въ воспитаніи дѣтей

въ дѣтскихъ садахъ и посѣщала ихъ, чтобы лично познакомиться съ фребелевской методой. Августа Келера призывали даже въ Петербургъ и Москву для учрежденія и тамъ дѣтскихъ садовъ. Великая княгиня Марія Николаевна оказывала имъ особое покровительство.

Гофмаршалъ Болье отдалъ своего маленькаго сына въ дѣтскій садъ, руководимый госпожей Шелльгорнъ, а потому онъ повелъ своего любознательнаго соотечественника именно въ этотъ садъ. Г-жа Шелльгорнъ объяснила графу Льву Николаевичу Толстому и его спутнику все, что могло ихъ интересовать. Она показала имъ нѣкоторыя подвижныя игры, сообщила подробно о занятіяхъ и играхъ и, замѣтивъ напряженное вниманіе, съ какимъ слушалъ ее гость, разсказала ему о самомъ Фребелѣ и его заведеніи въ Маріенталѣ.

Въ Іенѣ Толстой познакомился съ молодымъ студентомъ Келлеромъ, который только что закончилъ свое университетское образованіе по математическому факультету съ правомъ преподавать этотъ предметъ въ высшихъ классахъ заведеній. Русскій графъ предложилъ ему больше, чѣмъ могло ему дать скудное мѣсто гимназическаго учителя, да къ тому же и педагогическую дѣятельность, къ которой молодой учитель такъ горячо стремился.

Изъ Веймара Толстой отправился въ

Дрезденъ, гдѣ сдѣлалъ Бертольду Ауэрбаху короткій визитъ.

22-го апрѣля онъ снова былъ въ Берлинѣ.

Онъ воспользовался своимъ короткимъ пребываніемъ въ столицѣ Пруссіи, чтобы навѣстить директора семинаріи Дистервега, сына великаго педагога. Онъ думалъ найти въ немъ просвѣщеннаго человѣка, свободнаго отъ всякихъ предразсудковъ и вынесшаго изъ своей многолѣтней практики самостоятельные педагогическіе взгляды, а нашелъ, по его собственному выраженію, холоднаго, бездушнаго педанта, который думалъ правилами и предписаніями развивать и руководить дѣтскія души.

Въ этотъ часъ, который они оба употребили на обсужденіе школьныхъ и воспитательныхъ вопросовъ, темой ихъ разговора служило главнымъ образомъ различіе между понятіями: **воспитаніе, образованіе** и **преподаваніе.** Дистервегъ съ горькой иронiей отзывался о людяхъ, которые раздѣляютъ всѣ эти три понятія. Толстой защищалъ свое мнѣніе, что между воспитаніемъ, образованіемъ и преподаваніемъ лежитъ большая разница. „Воспитаніе есть принудительное воздѣйствіе одного человѣка на другого съ цѣлью привить воспитаннику все то, что кажется хорошимъ воспитателю; образованіе есть свободное отношеніе между людьми, основанное на потребности съ одной стороны пріобрѣсти зна-

нія, а съ другой подѣлиться ими. А преподаваніе есть средство, какъ образованія, такъ и воспитанія. Разница между воспитаніемъ и образованіемъ заключается въ силѣ, на которой основываетъ свое право воспитаніе. Воспитаніе есть насильственное образованіе, а образованіе свободно".

Мы позднѣе увидимъ, что Толстой былъ недоволенъ не только воззрѣніями этого педагога, но и всѣми методами, съ которыми онъ познакомился въ западно-европейскихъ школахъ, и что онъ пользовался при своихъ школьныхъ стремленіяхъ въ Ясной Полянѣ опытами, пріобрѣтенными имъ во Франціи, Англіи и Германіи только для того, чтобы итти самостоятельнымъ путемъ. Берлинъ былъ послѣднимъ городомъ за-границей, гдѣ остановился Толстой. 23-го апрѣля, послѣ 9-мѣсячнаго отсутствія, переступилъ онъ русскую границу.

Большое заграничное путешествіе значительно расширило умственный кругозоръ писателя. Видѣнные имъ люди и страны дополнили его познанія, а изученіе предмета, такъ живо интересовавшаго его, и личное знакомство съ многими выдающимися людьми, — подѣйствовали на него глубоко и продолжительно. Нужно, однако, считать пользу, полученную отъ этого путешествія, предпринятаго съ научной цѣлью, негативной. Онъ пріобрѣлъ извѣстную увѣренность въ своемъ отрицаніи и могъ

тѣмъ тверже слѣдовать влеченію своего собственнаго ума.

Изъ всѣхъ народовъ, съ которыми ему удалось познакомиться, ближе всѣхъ стали къ нему нѣмцы, по ихъ природному умственному складу и по характернымъ національнымъ качествамъ. Менѣе подвижный, но болѣе устойчивый умъ нѣмцевъ былъ ему симпатичнѣе, нежели другихъ народовъ. Философія Шопенгауэра удовлетворила его, а новое ученіе Конха показалось ему приведеніемъ въ систему предвзятыхъ мыслей.

Нельзя не замѣтить нѣкоторой связи умственнаго родства Толстого съ нѣмцами въ различной оцѣнкѣ обоихъ воспитателей Николая Иртеньева. Французъ, болѣе образованный, съ лучшими манерами и добросовѣстно исполняющій свою обязанность менѣе симпатиченъ юношѣ своимъ щегольскимъ видомъ. Нѣмецъ въ сущности не обладаетъ никакимъ образованіемъ. Этотъ пасынокъ счастья много странствовалъ по бѣлу-свѣту, попалъ въ этотъ домъ, гдѣ онъ не учитель, а скорѣе, какъ выражается бабушка, „дядька", съ которымъ отпускаютъ дѣтей гулять,—но мальчикъ привязывается къ нему, потому что чувствуетъ, какой богатый источникъ любви въ этомъ нѣмецкомъ бюргерскомъ сынѣ, какъ мало онъ для себя желаетъ и какъ много даетъ другимъ; главной чертой его характера являются сочувствіе и

состраданіе,—добродѣтели, источникъ которыхъ заключается въ гуманности самого Толстого.

Толстой въ разговорѣ съ г. Л. Т. выразился очень благосклонно о нѣмецкомъ народѣ *), когда тотъ пріѣхалъ къ нему въ качествѣ управляющаго сосѣдняго имѣнія Харино и представителя своего патрона генерала К.

„Русскій мужикъ, — говоритъ онъ,—понятливъ, внимателенъ, терпѣливъ и невзыскателенъ; ярмо рабства, тяготѣвшее надъ нимъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, не смогло уничтожить въ немъ эти хорошія качества. Во время моей боевой жизни, мнѣ не разъ представлялся случай изучить нашего мужика, какъ солдата, и я долженъ признаться, что русскіе солдаты представляютъ собой матеріалъ для лучшей арміи цѣлаго свѣта.... Но чего, къ своему прискорбію, я не вижу въ моемъ народѣ, это—сознательной, энергичной выдержки, не простого пассивнаго терпѣнія, а неутомимой, неуклонной твердости рѣшенія, которая не успокоится до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнута цѣль,— вотъ это именно высокое качество характера и сообщаетъ нѣмецкому народу моральное превосходство, котораго не достаетъ намъ. Мы многому научились отъ на-

*) См. Düna Zeitung, 1888, № 76.

шего сосѣда нѣмца, но, все-таки, намъ остается еще достаточно чему учиться".

Но когда Толстой сталъ выводить заключенія для направленія своего образа жизни изъ опыта всего пережитаго въ своей боевой и странствующей жизни, то первый, кому онъ повѣрилъ спутанность своихъ плановъ, былъ молодой нѣмецъ, который началъ съ того, что вооружилъ графа тѣмъ оружіемъ, съ которымъ онъ могъ требовать своего права—знаніемъ.

25-го апрѣля друзья Толстого радостно привѣтствовали его въ Петербургѣ. Въ продолженіе короткаго пребыванія въ Сѣверной столицѣ Толстой имѣлъ близкое общеніе главнымъ образомъ съ Дружининымъ и Анненковымъ. По устройствѣ своихъ литературныхъ дѣлъ онъ поѣхалъ черезъ Москву, куда и прибылъ 5-го мая.

10-го мая мы видимъ его уже въ Ясной Полянѣ и съ тою ревностью, которая всегда воодушевляла его на новые планы, онъ поспѣшилъ (12 мая) подать правительству прошеніе о разрѣшеніи ему устроить у себя школу.

Вскорѣ послѣ этого онъ навѣстилъ Тургенева. Тургеневъ пригласилъ его къ себѣ въ Спасское на 19-ое мая, откуда они должны были вмѣстѣ отправиться къ ихъ общему другу, Фету, имѣніе котораго, Степановка, расположено было недалеко, въ Орловской губерніи. Тургеневъ предупредилъ Фета о предстоящемъ визитѣ и къ

своему письму присоединилъ и письмо Толстого, исполненное дружескихъ изліяній. Въ іюнѣ они пріѣхали въ Степановку. Но свиданіе друзей окончилось крайне непріятно для всѣхъ троихъ, особенно грустно для Толстого и Тургенева.

ГЛАВА VII.

ТОЛСТОЙ И ТУРГЕНЕВЪ.

Прежнія отношенія.—Толстой и Тургеневъ въ гостяхъ у Фета.—Ссора и поединокъ.—Примиреніе.—Тургеневъ о Толстомъ.—Толстой о Тургеневѣ.

Толстой и Тургеневъ, несмотря на свои почти безпрерывныя сношенія, никогда не жили въ полномъ согласіи. Уже въ тѣ дни юношескаго воодушевленія, которое они оба провели въ петербургскомъ литературномъ кружкѣ, Толстой, какъ мы видѣли, шелъ своей самостоятельной дорогой. Въ то время, какъ его друзья и товарищи съ юношескимъ жаромъ отдавались влеченіямъ своей натуры, Толстой оставался внѣ этихъ влеченій, тѣмъ философствующимъ мыслителемъ, который старается всякій, даже самый ничтожный поступокъ въ своей жизни привести въ связь съ цѣлымъ своимъ міровоззрѣніемъ.

Вотъ потому-то между Толстымъ и петербургскимъ кружкомъ не могло возникнуть болѣе тѣсной дружбы, ни того обмѣна чувствъ, какъ это можно было ожидать между выдающимися въ умственномъ отношеніи натурами. Единственный человѣкъ, къ кому Толстой чувствовалъ живѣйшую симпатію, былъ Дружининъ; Анненковъ на всю жизнь остался ему чуждъ, а съ Тургеневымъ, несмотря на неоднократныя взаимныя попытки, такъ и не удалось ему завязать сердечныхъ отношеній. Оба великихъ писателя Россіи внутренно оставались другъ другу чуждыми. Они не могли сойтись, какъ люди, несмотря на то, что каждый изъ нихъ высоко цѣнилъ другого, какъ общественнаго дѣятеля. Легко себѣ представить, какъ великъ ущербъ отъ этихъ несогласій, если вспомнить о дружбѣ двухъ великихъ нѣмецкихъ писателей, которая для обоихъ, какъ писателей и какъ людей, была такъ счастлива и плодотворна.

Личное отношеніе Тургенева къ Толстому, такъ же, какъ и его сужденіе о его литературныхъ произведеніяхъ, имѣютъ типическое значеніе; они даютъ намъ понятіе о воззрѣніяхъ того, кто болѣе всего способенъ былъ признать значеніе Толстого для литературы вообще и для своей націи въ частности, и можемъ смѣло считать это сужденіе и мнѣніемъ всего литературнаго кружка, который обыкновенно

называютъ либеральнымъ и отъ котораго Толстого отдѣляло все болѣе и болѣе его позднѣйшее направленіе.

Тургеневъ видѣлъ въ Толстомъ не только великаго, но величайшаго писателя Россіи; уже лежа на своемъ смертномъ одрѣ, онъ писалъ ему трогательное письмо, которое служитъ яснымъ доказательствомъ того, какъ высоко цѣнилъ онъ этого писателя-мыслителя и того глубокаго горя, какое испытывалъ онъ по поводу направленія его ума, которое онъ считалъ заблужденіемъ.

„Милый и дорогой Левъ Николаевичъ! такъ звучитъ текстъ его письма отъ 27 или 28 іюня 1883 г., написаннаго карандашомъ уже ослабѣвшею рукой.—Я давно уже не писалъ вамъ, потому что я лежалъ въ постели и лежу теперь, говоря правду, на смертномъ одрѣ. Выздоровѣть я не могу, нечего объ этомъ и думать. Я пишу вамъ съ тою цѣлью, чтобы высказать вамъ, какъ я радъ быть вашимъ современникомъ, и чтобы передать вамъ мою послѣднюю сердечную просьбу. Мой другъ, вернитесь къ литературной дѣятельности! вѣдь вашъ талантъ происходитъ все оттуда же, откуда и другое остальное. Ахъ, какъ былъ бы я счастливъ, если-бъ могъ знать, что моя просьба будетъ вами исполнена. Но я человѣкъ, отходящій въ вѣчность.... Мой другъ, великій писатель земли русской, обратите вниманіе на мою просьбу, увѣ-

домьте меня, когда вы получите это письмо, и позвольте мнѣ еще разъ васъ, вашу жену и всѣхъ вашихъ сердечно, крѣпко обнять.... Больше я не могу.... усталъ".

Это настроеніе умирающаго и честная оцѣнка такого значительнаго соперника, какъ Толстой, наполняютъ въ одинаковыхъ размѣрахъ письмо, которое служитъ полнымъ предсмертнымъ примиреніемъ.

Потому то Толстой и Тургеневъ жили въ постоянномъ обмѣнѣ отношеній, то сходясь, то отдаляясь. Отношеніе между ними поддерживалось искусственно, и эта слабая связь часто грозила порваться; да, былъ моментъ, когда оба величайшіе писатели Россіи хотѣли съ оружіемъ въ рукахъ выступить одинъ противъ другого. Зловѣщій рокъ, издавна тяготѣющій надъ русскими талантами, жертвой котораго пали Пушкинъ и Лермонтовъ, висѣлъ теперь надъ головами Тургенева и Толстого. Вся эта исторія, имѣющая потрясающе-трагическій характеръ, вызвана ими одними, никто посторонній не былъ къ ней причастенъ. Еще зимою 1855 г., когда Толстой въ первой разъ явился въ Петербургъ въ качествѣ гостя Тургенева, послѣдній замѣтилъ, что его гость идетъ своимъ самостоятельнымъ путемъ, въ разрѣзъ съ ними, и что между ними нѣтъ ни одной точки соприкосновенія. Молодой офицеръ отвергалъ всѣ традиціи, не признавалъ ни историческихъ, ни общественныхъ правъ

и стремился на чисто логическомъ основанiи прiобрѣсти себѣ почву для жизни и мысли, что для него составляло одно, нераздѣльное.

Напротивъ того, Тургеневъ былъ радикаломъ. Шекспировская трагедiя ,,Король Лиръ", которую Тургеневъ цѣнилъ выше всего и въ подраженiе которой написалъ разсказъ ,,Степной король Лиръ", не понравилась Толстому невѣроятностью фабулы, послужившей причиной такой ужасной катастрофы; а пропоица, погубившiй своей безнравственной жизнью великiй музыкальный талантъ, возбудилъ его сочувствiе.

Мы уже имѣли случай видѣть, какъ рѣзко относился Толстой къ друзьямъ, когда дѣло доходило до убѣжденiй. Тургеневъ въ особенности умѣлъ вызывать эту бурю. Весельчакъ Григоровичъ, съ которымъ мы уже познакомились, какъ съ товарищемъ и членомъ литературнаго кружка въ Петербургѣ, рисуетъ намъ съ свойственнымъ ему юморомъ одно изъ столкновенiй обоихъ друзей: ,,Вы себѣ не можете представить, какiя происходили тутъ сцены. Великiй Боже! Тургеневъ визжитъ, визжитъ, потомъ схватитъ себя за горло рукой и прошепчетъ, мутно поводя глазами умирающей газели: ,,Не могу больше, у меня бронхитъ!" и крупными шагами начнетъ измѣрять всѣ три комнаты.

— Бронхитъ,—ворчитъ ему вслѣдъ Тол-

стой,—бронхитъ это воображаемая болѣзнь. Бронхитъ—металлъ.

Нашъ гостепріимный хозяинъ Некрасовъ отъ волненія не знаетъ, что и дѣлать: ему не хочется потерять ни Тургенева, ни Толстого, тѣмъ болѣе, что онъ ясно сознавалъ, что послѣдній составляетъ могущественную поддержку „Современника", а потому принужденъ былъ постоянно лавировать. Мы всѣ въ волненіи также не знаемъ что дѣлать. Толстой лежитъ въ средней проходной комнатѣ на сафьянномъ диванѣ и дуется; Тургеневъ, приподнявъ полы своего короткаго пиджака, бѣгаетъ взадъ и впередъ по всѣмъ тремъ комнатамъ, заложивъ руки въ карманы. Чтобы предотвратить подвигающуюся катастрофу, я подхожу къ дивану и говорю:—Милый Толстой, успокойтесь! Вы не знаете, какъ онъ васъ любитъ и цѣнитъ!

— Я не позволю ему,—говоритъ Толстой съ раздувающимися ноздрями, ничего дѣлать мнѣ на зло. Вотъ теперь онъ нарочно взадъ и впередъ мимо меня бѣгаетъ и помахиваетъ полами своего демократическаго пиджачка".

Толстой, съ своей стороны, признавалъ многостороннее образованіе Тургенева, но упрекалъ его въ аффектаціи, въ этомъ порокѣ, который покажется лично знавшему Тургенева не совсѣмъ справедливымъ.

Смѣлый тонъ и хладнокровіе, съ какими Толстой высказывалъ свои сужденія,

уже тогда непріятно дѣйствовали на Тургенева; но до разрыва дѣло еще не доходило, хотя они оба чувствовали, что ихъ отношенія вовсе не тѣ, какими должны бы быть.

Толстой написалъ Тургеневу отъ 15-го октября 1856 г. большое письмо, въ которомъ, очевидно, должны были выясниться между ними отношенія, на что Тургеневъ даетъ ему вполнѣ дружескій и благопріятный отвѣтъ отъ 26 ноября.

„Я серьезно обдумалъ все, что вы мнѣ написали, и мнѣ, все-таки, кажется, что вы не правы. Вѣдь передъ вами я долженъ быть откровененъ, потому что мы съ вами познакомились не въ добрую минуту, и, когда мы сново увидимся, я надѣюсь, дѣло пойдетъ глаже и легче. Я чувствую, что я люблю васъ, какъ человѣка, но что касается писателя, тутъ и говорить лишнее. Но многое мнѣ въ васъ не нравится, и я пришелъ, наконецъ, къ тому убѣжденію, что мнѣ лучше держаться отъ васъ подальше. При свиданіи, постараемся еще разъ пройтись рука объ руку, можетъ, на этотъ разъ и удастся. Но вдали, какъ это ни странно звучитъ, сердце мое лежитъ къ вамъ, какъ къ брату, что я къ вамъ чувствую нѣжность—короче говоря, я люблю васъ, и это несомнѣнно. Можетъ быть, изъ этого выйдетъ впослѣдствіи что-нибудь хорошее. Я слышалъ о вашей болѣзни и былъ очень ей

опечаленъ, теперь же прошу выкинуть изъ головы всякое о ней воспоминаніе. Вы мнительны, и думаете навѣрно, что у васъ чахотка, но, ей - Богу, у васъ нѣтъ ея и признака". Въ этомъ письмѣ Тургеневъ говоритъ и о семейныхъ дѣлахъ Толстого. Онъ упоминаетъ и о сестрѣ, и о братѣ. „Какое онъ находитъ удовольствіе жить на Кавказѣ? Можетъ, онъ хочетъ сдѣлаться великимъ воиномъ?"

Въ декабрѣ Тургеневъ получаетъ отъ Толстого письмо, которое заключаетъ въ себѣ его мнѣніе о „Фаустѣ". Оно выражало откровенную похвалу, и весь тонъ письма былъ „кротокъ и свѣтелъ" и „дружески миренъ". И снова недоразумѣніе прошлаго года, къ которому возвращается миролюбивый и кроткій, несмотря на свою упрямую натуру, Толстой, и Тургеневъ съ сердечной радостью протягиваетъ ему руку „чрезъ пропасть, которая уже давно превратилась въ едва замѣтную трещину. И объ этой-то не будемъ вспоминать, потому что она этого не стоитъ". Въ февралѣ и мартѣ слѣдующаго года (1857-го) мы видимъ Толстого въ Парижѣ въ тѣсномъ общеніи съ Тургеневымъ. „Въ немъ произошло значительное измѣненіе къ лучшему; этотъ человѣкъ пойдетъ очень далеко и оставитъ по себѣ неизгладимые слѣды",— пишетъ Тургеневъ отъ 17-го февраля своему другу Полонскому; а въ письмѣ отъ 3-го марта онъ говоритъ: „Толстой

любезенъ и прилеженъ"; нѣсколько дней спустя выражается онъ такъ своему другу Колбасину: „Я бы и не хотѣлъ сойтись съ Толстымъ, уже слишкомъ большая разница лежитъ между нами". Почти тоже самое выражаетъ Тургеневъ и въ письмѣ своемъ Фету, послѣ того какъ Толстой посѣтилъ его въ первый разъ въ селѣ Спасскомъ, въ первыхъ числахъ октября 1859 г. „Съ Толстымъ мы говорили довольно мирно и разстались друзьями. Недоразумѣній между нами быть не можетъ, потому что мы отлично понимаемъ другъ друга, понимаемъ и то, что вмѣстѣ намъ быть невозможно, слишкомъ различны наши натуры". Двѣ недѣли спустя Тургеневъ пишетъ Анненкову почти въ томъ же духѣ и тѣ же слова: „Мы не можемъ сблизиться съ нимъ, слишкомъ рѣзкая разница лежитъ между нами!" и это выраженіе повторяется съ различными варіаціями и въ слѣдующемъ году, въ которомъ снова съ обѣихъ сторонъ ищутъ сближенія, но ничего не достигаютъ, кромѣ все глубже вкоренявшагося убѣжденія о **непримиримости ихъ натуры**.

Только единственный разъ — графъ Толстой только что вернулся изъ Италіи, гдѣ онъ похоронилъ своего нѣжно-любимаго брата, и пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы повидаться съ Тургеневымъ, —только въ этотъ единственный разъ, сужденіе Тургенева о Толстомъ звучитъ мягче. Онъ на-

ходитъ Толстого „не безъ странностей“, но добръ и милъ. Смерть брата сильно на него подѣйствовала. „Онъ прочиталъ мнѣ отрывки своихъ новыхъ литературныхъ произведеній, и можно уже теперь вывести заключеніе, что талантъ его растетъ; и что у него впереди великая будущность.“ Этими послѣдними словами Тургеневъ повторяетъ свое мнѣніе, которые онъ 5 лѣтъ тому назадъ высказалъ въ письмѣ къ Дружинину (5-го декабря 1856 г.). „Когда это молодое вино перебродитъ, то получится божественный напитокъ.“

Наконецъ, дѣло дошло и до разрыва, разъединившаго обоихъ писателей на цѣлый десятокъ лѣтъ.

Это произошло въ 1861 г. въ половинѣ іюня. Толстой и Тургеневъ были, по соглашенію упомянутому выше, въ гостяхъ у Фета, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отпраздновать день рожденія его жены, такъ какъ и она была дружна съ обоими писателями. „Пѣвецъ природы“ купилъ себѣ (какъ въ шутку выражался Тургеневъ) среди голой степи клочекъ земли, гдѣ вмѣсто природы было только пустое пространство, на которомъ хорошо родится хлѣбъ и гдѣ онъ владѣетъ уютнымъ домикомъ, доставляющимъ ему много радости.

Вотъ именно въ этомъ-то имѣніи, Степановкѣ, и произошелъ ожесточенный споръ. Гости собрались въ столовой въ 8 час. утра. Хозяйка уже сидѣла за

столомъ на своемъ мѣстѣ, и передъ ней стоялъ самоваръ. Хозяинъ сидѣлъ напротивъ нея, оба знаменитые гостя сидѣли около хозяйки: Тургеневъ по правую, а Толстой по лѣвую руку.

Жена Фета, зная, какъ серьезно Тургеневъ слѣдилъ за воспитаніемъ своей дочери (незаконной), спросила его, доволенъ ли онъ своей англичанкой-гувернанткой? Тургеневъ разсыпался въ похвалахъ по адресу гувернантки и между прочимъ разсказалъ, что она просила его съ свойственной всѣмъ англичанамъ аккуратностью назначить сумму, какую его дочь могла бы употреблять на дѣла благотворительности.

— Теперь она требуетъ, чтобы дочь моя брала себѣ на домъ рваную одежду бѣдныхъ людей и, починивъ ее, возвращала по принадлежности.

— И по вашему, это хорошо? спросилъ Толстой.

— Конечно, это ближе знакомитъ благотворительницу съ настоящей нуждой.

— А по моему, когда изнѣженная барышня держитъ у себя на колѣняхъ грязныя и зловонныя тряпки, то она играетъ комедію.

— Я прошу васъ такъ не выражаться,— закричалъ Тургеневъ, и ноздри его раздулись.

— Почему я не могу высказать своего

убѣжденія? спросилъ въ свою очередь Толстой.

Хозяинъ не успѣлъ еще вставить своего слова, какъ Тургеневъ, блѣдный отъ злости, приподнялся и закричалъ на Толстого:—Такъ я принужденъ буду посредствомъ оскорбленія заставить васъ молчать!

Потомъ, схвативъ себя обѣими руками за голову, онъ, взволнованный, выбѣжалъ въ другую комнату. Онъ вернулся только на одну минуту въ столовую, чтобы извиниться передъ своими друзьями-хозяевами, и въ этотъ же день выѣхалъ изъ Степановки.

А вслѣдъ за нимъ уѣхалъ и Толстой и тотчасъ же написалъ Тургеневу вызывающее письмо. Тургеневъ не замедлилъ отвѣтомъ. „Я могу только,—писалъ онъ,—повторить вамъ, что считалъ своей обязанностью высказать вамъ у Фета. Я оскорбилъ васъ подъ вліяніемъ безсознательнаго враждебнаго чувства, о причинахъ котораго здѣсь не мѣсто распространяться, и безъ всякаго положительнаго повода, и просилъ уже у васъ извиненія. Сегодняшнее происшествіе показало мнѣ ясно, что всѣ попытки сближенія между такими противоположными натурами, какъ наши, не приведутъ ни къ чему доброму; а потому я тѣмъ охотнѣе исполняю свой долгъ по отношенію къ вамъ, что это письмо, должно быть, будетъ послѣднимъ выраженіемъ какихъ-либо обязательныхъ отноше-

ній между нами. Я желаю всей душой, чтобы оно васъ удовлетворило, и объявляю вамъ заранѣе мое согласіе на все, что вы соблаговолите съ нимъ сдѣлать.“

Это письмо Тургеневъ заканчиваетъ особенно вѣжливыми и почтительными выраженіями и короткой подписью съ точнымъ обозначеніемъ часа: $10^{1}/_{2}$ час. ночи. Въ этой припискѣ сообщалось еще, что посланный по своей глупости доставилъ письмо по ложному адресу, и что онъ, Тургеневъ, очень жалѣетъ о такомъ замедленіи.

Толстой имѣлъ намѣреніе, не вскрывая письма Тургенева, передать его Фету; но не могъ преодолѣть своего любопытства и распечаталъ. Движимый въ первую минуту гнѣвомъ, онъ отослалъ это письмо Фету съ слѣдующими словами: „Я желаю вамъ всякаго счастья въ обществѣ этого человѣка; но я его презираю. Я ему это написалъ и тѣмъ оборвалъ всѣ отношенія, пусть онъ требуетъ удовлетворенія. Несмотря на мое наружное спокойствіе, внутренно я былъ разстроенъ. Я чувствовалъ себя такъ, какъ будто долженъ былъ требовать отъ г. Тургенева болѣе положительнаго извиненія,—и я это высказалъ ему въ письмѣ изъ Новосельска. Вотъ его отвѣтъ. Я остался имъ доволенъ, но возразилъ ему, что причина, ради которой я его извиняю, лежитъ не въ противоположности нашихъ натуръ, но въ чемъ-то другомъ, что онъ самъ, конечно, пойметъ.

Кромѣ того, послѣ нѣкотораго колебанія, я написалъ ему довольно рѣзкое письмо съ вызовомъ, на которое я еще не получалъ отвѣта. Если я его получу, то пошлю назадъ нераспечатаннымъ.“

Тургеневъ и на этотъ разъ не замедлилъ отвѣтомъ.

„Вашъ посланный говоритъ, что вы ждете отвѣта, но я не вижу надобности прибавлять что либо къ тому, что уже раньше написалъ вамъ. Развѣ только то, что признаю за вами право требовать отъ меня удовлетворенія съ оружіемъ въ рукахъ. Вы предпочли удовлетвориться извиненіемъ, которое я вамъ написалъ и повторялъ неоднократно; это зависѣло отъ вашего усмотрѣнія. Говоря безъ фразъ, я охотно сталъ бы подъ вашъ выстрѣлъ, чтобы уничтожить мое по истинѣ необдуманное слово. То, что я вообще выразился такъ, такъ далеко отъ привычекъ моей жизни, что я могу это приписать только моему сильному возбужденію, вызванному постояннымъ антагонизмомъ нашихъ воззрѣній. Это не извиненіе, я хочу сказать не извиненіе, но объясненіе, а потому считаю своей обязанностью, прежде, чѣмъ я навсегда съ вами разстанусь—потому что подобныя событія неизгладимы и неотмѣнимы,—еще разъ повторить вамъ, что вы въ этомъ случаѣ были правы, а я виновенъ. Добавлю еще, что здѣсь дѣло не идетъ о храбрости, которую я хочу, или

не хочу показать, но о сознанiи того, что вы имѣете тоже право вызвать меня на дуэль, понятно, какъ обыкновенно, съ секундантами, какъ и извинить меня. Вы выбрали по своему усмотрѣнiю, и мнѣ только остается принять ваше рѣшенiе."

Все еще разгоряченный Толстой послалъ Фету коротенькую записку, въ которой въ жесткихъ словахъ выражался о Тургеневѣ. „Я прошу васъ,—писалъ онъ общему другу,—сообщить ему это такъ же точно, какъ вы передаете мнѣ его любезныя выраженiя, вопреки моей неоднократно выраженной просьбѣ, ничего мнѣ о немъ не говорить".

Возбужденiе Толстого, должно быть, было очень сильно, потому что онъ не щадилъ и самого Фета: „Я прошу васъ больше не писать мнѣ, потому что я ваши письма такъ же, какъ и Тургенева, буду отсылать нераспечатанными."

Само собой разумѣется, что вслѣдствiе этого произошла нѣкоторая натянутость отношенiй между Фетомъ и Толстымъ. Такъ какъ къ этой размолвкѣ не было настоящаго повода, то оба писателя, въ глубинѣ души вполнѣ согласные другъ съ другомъ, очень скоро помирились.

О всемъ случившемся Тургеневъ сообщилъ своему другу Анненкову письмомъ отъ 7-го iюля 1861 г.

„Я окончательно разошелся съ Толстымъ. Мы были на волосъ отъ дуэли (и до сихъ

поръ этотъ волосъ еще не порвался), вина была моя, но причиной разрыва, говоря научно, послужила наша старинная непріязнь и антипатія нашихъ натуръ. Я чувствовалъ, что онъ меня презираетъ и не понималъ, зачѣмъ онъ ко мнѣ возвращался. Я долженъ былъ бы, какъ и прежде, держать себя подальше отъ него, а я пытался сблизиться съ нимъ—и такимъ путемъ я чуть не встрѣтился съ нимъ на мѣстѣ поединка. Я никогда его не любилъ. Отчего я не понялъ этого раньше?"

Къ счастью, Толстой написалъ ему, что не желаетъ теперь драться съ нимъ, чтобы не быть предметомъ сплетенъ для русской публики. У него нѣтъ ни охоты, ни причины забавлять свѣтъ скандальными исторіями.

Но этому несчастному раздору между великими писателями суждено было однако еще продолжаться. Тургеневъ былъ уже снова на пути въ Парижъ, какъ въ Петербургѣ до него дошелъ слухъ, что Толстой распространяетъ въ Москвѣ копію одного изъ своихъ писемъ, адресованныхъ на имя Тургенева. Это письмо заключало въ себѣ грубыя оскорбленія по адресу Тургенева, и послѣднему ничего не оставалось, какъ послать Толстому вызовъ. Онъ это исполнилъ послѣ тяжелой борьбы съ самимъ собой. „Я сдѣлалъ все, — пишетъ Тургеневъ изъ Парижа отъ 1-го октября 1861 г., откуда былъ посланъ вы-

зовъ,—въ этомъ случаѣ, кромѣ начала, въ которомъ я виноватъ, чтобы избѣжать этой глупой развязки,—Толстому же хотѣлось, во что бы то ни стало, принудить меня къ этому; конечно, поступить иначе я не могъ. Весной мы встрѣтимся въ Тулѣ".

Толстому же было послано письмо слѣдующаго содержанія:

„Милостивый Государь!

Передъ моимъ выѣздомъ изъ Петербурга я узналъ, что вы въ Москвѣ распространяете копію съ вашего послѣдняго письма, адресованнаго на мое имя, въ которомъ вы называете меня трусомъ, который не пожелалъ съ вами драться и т. д. Вернуться въ Тульскую губернію мнѣ было невозможно, и я продолжалъ мою поѣздку. Но такъ какъ **вашъ образъ дѣйствій, послѣ того. что я сдѣлалъ, чтобы вернуть вырвавшееся у меня слово**— я нахожу оскорбительнымъ и нечестнымъ, то объявляю вамъ, что я этотъ разъ не оставлю его безнаказаннымъ и требую отъ васъ, когда я на слѣдующую весну вернусь въ Россію, удовлетворенія. Я считаю моей обязанностью сообщить вамъ, что я предупредилъ уже объ этомъ всѣхъ моихъ московскихъ друзей, чтобы они могли протестовать противъ вами распространяемыхъ ложныхъ слуховъ". И, смѣясь самъ надъ собой, Тургеневъ прибавляетъ: „Такъ должно было случиться; я самъ осмѣивалъ страсть

дворянъ къ дракѣ (въ лицѣ Павла Петровича Кирсанова), а теперь поступаю не лучше его. Такъ, очевидно, было предначертано въ книгѣ судебъ“.

Но и во второй разъ все окончилось благополучно, потому что Толстой имѣлъ возможность убѣдить Тургенева въ полной неосновательности его обвиненій. Онъ написалъ ему, что слухъ о распространеніи копіи съ оскорбительнаго для Тургенева письма, была одна выдумка, а потому и вызовъ неоснователенъ. „Мы не будемъ драться“, — сообщаетъ Тургеневъ Анненкову письмомъ отъ 26-го октября 1861 г., —„понятно, я этому очень радъ“. Самъ Тургеневъ былъ готовъ до того времени, какъ дошелъ до него изъ Москвы ложный слухъ, предать забвенію всю ссору съ Толстымъ. „Мои глупыя отношенія къ Толстому наконецъ кончились, т. е. мы навсегда разошлись, но драться не будемъ. Это была бы страшная глупость. Но я повторяю: виновникомъ всего случившагося былъ я“. Такъ свидѣтельствуетъ письмо отъ 10-го іюля 1861 г., а мѣсяцемъ позже онъ пишетъ: „О моей глупой исторіи съ Т. я не хочу и говорить; она давно уже канула въ Лету и оставила во мнѣ только чувство стыда и смущенія, которое овладѣваетъ мною, когда я вспоминаю эту глупую исторію“. Тѣмъ понятнѣе становится, что объясненіе Толстого о ложномъ распространеніи слуховъ вполнѣ удовлетворило

Тургенева и его радуетъ несостоявшаяся дуэль.

Эта ссора съ Толстымъ еще долгое время дѣйствовала на Тургенева. Еще 14-го января 1862 г. письмомъ изъ Парижа онъ высказываетъ свое сожалѣніе по этому поводу: „Единственно, что меня немного радуетъ, это то, что я никакъ не предполагалъ подобнаго гнѣва со стороны Толстого, а, напротивъ, думалъ, что все устроится къ лучшему. Но, впрочемъ, это такая рана, которую лучше не трогать".

Послѣдній поводъ къ этой крупной ссорѣ, все - таки, далеко для насъ не выясненъ. Конечно, Тургеневъ правъ, когда говоритъ о себѣ и о графѣ Толстомъ, что ихъ натуры совершенно противоположны, но онъ уже преувеличиваетъ, говоря о ихъ старинной враждѣ и вкоренившейся антипатіи. Ни одинъ человѣкъ не былъ еще такъ далекъ отъ зависти, какъ Тургеневъ; никто еще такъ охотно не помогалъ таланту, какъ онъ, и это, конечно, ложное предположеніе со стороны Николая Толстого, который любилъ говорить въ шутку: „Тургеневъ не можетъ примириться съ мыслью, что маленькій Левъ идетъ совершенно самостоятельно и обходится безъ его опеки".

Къ настоящей враждѣ они оба были неспособны: Тургеневъ, благодаря своему гуманному образованію, этой руководящей нити всей его жизни; еще менѣе Толстой съ своимъ постояннымъ стремленіемъ къ

нравственному совершенству и съ его религіозно - мирной натурой. Тургеневъ съ своимъ широкимъ міровоззрѣніемъ на свой народъ, былъ въ сущности современный человѣкъ, европеецъ, „западникъ“, какъ выражаются славянофилы, а прежде всего русскій. Толстой былъ тоже русскимъ человѣкомъ, и общее образованіе, полученное имъ въ той же степени, служило ему только основаніемъ образа жизни, которая была вся посвящена народу. Тургеневъ, нисколько не сомнѣваясь и не анализируя, присоединился къ большому обществу европейскихъ культурныхъ людей и усвоилъ себѣ ихъ нравы и обычаи. Толстой тщательно разсматривалъ право всякаго явленія, происходившаго вокругъ него, и дошелъ наконецъ до точки зрѣнія Декарта, который отрицалъ все, чтобы самому создать себѣ свободный отъ предубѣжденій образъ мыслей и личные жизненные принципы. Тургеневъ бралъ людей такими, какими они ему встрѣчались, и разсматривалъ каждую личность въ отдѣльности съ замѣчательнымъ терпѣніемъ. Толстой подходилъ къ своимъ ближнимъ уже съ заранѣе составленнымъ масштабомъ и раздѣлялъ ихъ по тѣмъ степенямъ ихъ нравственнаго совершенства, которыхъ они достигли на его взглядъ. Въ этомъ смыслѣ воззрѣніе Толстого было менѣе свободно, чѣмъ Тургенева; и такъ какъ оба писателя были раздражительны,—одинъ, благо-

даря упорству своихъ, съ такимъ трудомъ пріобрѣтенныхъ убѣжденій, а другой, благодаря своей терпимости, не выносившей нетерпимости другого; такимъ образомъ легко объясняются недоразумѣнія и столкновенія между обоими русскими писателями.

Тѣ понятія, съ которыми Толстой отдавался дѣлу воспитанія, шли въ разрѣзъ со всѣми уже установившимися на это дѣло взглядами, а потому въ описанномъ случаѣ такъ и взволновали Тургенева, тѣмъ болѣе, что вопросъ о воспитаніи его дочери былъ однимъ изъ самыхъ щекотливыхъ вопросовъ его жизни. Сознаніе имъ своей вины дѣлаетъ ему честь, если оно не было только простымъ исполненіемъ долга человѣка обуздывать свой языкъ и по возможности брать назадъ слова, такъ необдуманно и легкомысленно имъ выраженныя.

Не менѣе достойны похвалы поступки и Льва Толстого по отношенію къ Тургеневу десятью годами позже. Преклоненіе Толстого передъ талантомъ на десять лѣтъ старшаго писателя осталось неизмѣннымъ, потому что его религіозная философія научила его, что одна изъ главныхъ заповѣдей Христа гласитъ: „Не гнѣвайся!“—поэтому онъ безъ малѣйшаго чувства стыда протянулъ Тургеневу руку примиренія, которая съ радостью была принята. Примирительное письмо Толстого было полу-

чено Тургеневымъ въ Парижѣ 8-го мая 1878 г., и онъ тотчасъ же послалъ отвѣтъ человѣку, который когда-то прислалъ ему вызовъ на смертный поединокъ. „Оно меня тронуло и очень порадовало", — говоритъ Тургеневъ о письмѣ Толстого: — „Я также охотно готовъ возобновить нашу прежнюю дружбу, и заочно крѣпко жму вашу протянутую мнѣ руку. Вы совершенно правы, если сомнѣваетесь, что я питаю къ вамъ какія либо непріязненныя чувства; если они когда нибудь и были, то уже давно исчезли, и во мнѣ осталось о васъ только одно воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, котораго я когда-то любилъ, и какъ о писателѣ, первые шаги котораго порадовали меня ранѣе, нежели другихъ, и чьи новыя произведенія вызывали и вызываютъ во мнѣ живѣйшій интересъ. Я отъ души радуюсь, что возникшія между нами недоразумѣнія устранены". Тургеневъ еще прибавляетъ, что онъ надѣется это лѣто побывать въ Орловской губерніи и повидаться съ Толстымъ. Сердечный тонъ, сквозящій въ этомъ письмѣ, продолжается и въ послѣдующей перепискѣ обоихъ писателей, и мнѣніе, высказанное въ этомъ письмѣ о писателѣ, было истиннымъ мнѣніемъ Тургенева и отнюдь не было слѣдствіемъ только что заключеннаго примиренія, потому что въ такомъ духѣ Тургеневъ высказывался и другимъ.

Еще въ 1854 г. Тургеневъ съ востор-

гомъ говорилъ объ „Отрочествѣ". „Далъ бы Богъ только Толстому подольше пожить, онъ, въ чемъ я вполнѣ увѣренъ, еще удивитъ насъ всѣхъ. Это выдающійся талантъ". Странно слышать такое восторженное пророческое сужденіе послѣ первыхъ произведеній. „Юность" Тургеневъ назвалъ „превосходной", но уже и тогда онъ высказывался такъ: „если вы не сойдете съ пути, то вы далеко пойдете; я желаю вамъ здоровья, дѣятельности и духовной свободы", и въ этомъ же письмѣ мы читаемъ и слѣдующее: „Мои произведенія могли вамъ нравиться и имѣть на васъ вліяніе, но только до тѣхъ поръ, пока вы не сдѣлались самостоятельны. Теперь вамъ нечего отъ меня заимствовать, вы видите только разницу манеры, промахи и ошибки; вамъ остается одно — изучить человѣка, свое сердце и дѣйствительно великихъ писателей".

Вотъ именно этой-то духовной свободы и не находилъ Тургеневъ въ произведеніяхъ Толстого. Эстетически онъ могъ быть и вполнѣ ими удовлетвореннымъ, но нравственно онъ оставался ими не доволенъ.

„Я читалъ его „Утро помѣщика",—пишетъ Тургеневъ изъ Парижа отъ 13-го января 1857 г., ихъ общему другу, Дружинину,—которое мнѣ очень понравилось, какъ своей откровенностью, такъ и своимъ почти полнымъ, свободнымъ воззрѣніемъ; я говорю „почти", потому что въ томъ,

какъ онъ поставилъ себѣ задачу, лежитъ (можетъ быть, безсознательно для него самого) предубѣжденіе. Настоящее нравственное впечатлѣніе этого разсказа (я не говорю объ эстетическомъ) заключается въ томъ, что пока крѣпостное право будетъ существовать, нѣтъ никакой возможности сближенія и пониманія обѣихъ сторонъ, несмотря на ихъ безкорыстную и честную готовность сближенія—и это впечатлѣніе истинно и прекрасно. Но въ параллель къ нему можно поставить другое, а именно то, что вообще ни къ чему не ведетъ ни просвѣщеніе крестьянъ, ни улучшеніе ихъ быта, а это впечатлѣніе непріятно. Но образцовый языкъ, весь разсказъ и характеристики—поразительны, художественно - великолѣпны"..

Мы уже упомянули раньше, что Тургеневъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ все болѣе и болѣе цѣнилъ талантъ Толстого и признавалъ его всевозрастающее развитіе. Его мнѣніе объ отдѣльныхъ произведеніяхъ друга укрѣпляло его общее сужденіе. „Казаки"—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „есть лучшая новелла изъ всѣхъ, когда либо появлявшихся въ нашей литературѣ". Въ другой разъ, въ письмѣ изъ Парижа отъ 9 апрѣля 1863 г., Тургеневъ пишетъ Фету: „Я читалъ „Казаковъ" и въ восторгѣ отъ нихъ (Боткинъ тоже). Только Оленинъ нарушаетъ общую величественную гармонію. Чтобы показать

контрастъ между цивилизаціей и первобытной, нетронутой натурой, вовсе не надо было вводить это вѣчно само съ собой борющееся, скучающее и страдающее существо. Неужели Толстой не можетъ освободиться отъ этой причуды?“ Тургеневъ аккуратно сообщалъ Толстому о переводахъ его произведеній, напечатанныхъ въ англійскихъ и французскихъ журналахъ; да, онъ даже имѣлъ намѣреніе вмѣстѣ съ г-жей Віардо осенью 1878 г. перевести „Казаковъ“ и сердится на то, что въ „Journal de St. Pétersbourg“ былъ помѣщенъ, по его мнѣнію, плохой переводъ.

Англійскій переводъ „Казаковъ“ онъ называетъ „точнымъ“, но „сухимъ“ и „matter of fact“. Восторгъ Тургенева произведеніями Толстого доходитъ до того, что онъ ищетъ себѣ издателя для переводовъ, появившихся въ „Journal de St. Pétersbourg“, входитъ въ соглашеніе съ французскимъ литераторомъ Дюраномъ прочитать съ нимъ внимательно переводъ, прежде чѣмъ онъ появится въ печати, чтобы показать французской читающей публикѣ „Казаковъ“ въ томъ именно видѣ, какого они заслуживаютъ.

О своемъ мнѣніи о „Поликушкѣ“ Тургеневъ пишетъ Фету въ письмѣ изъ Петербурга отъ 25 января 1864 г. „Послѣ вашего отъѣзда я прочиталъ „Поликушку“ и былъ удивленъ силой этого геніальнаго таланта. Только уже слишкомъ онъ

щедръ на матеріалъ и безполезно заставляетъ захлебнуться грудного младенца. Это ужасно! Читая его—морозъ по кожѣ пробираетъ, а кожа - то у нашего брата довольно толстая — однимъ словомъ, мастеръ!"

Особенно живое участіе Тургеневъ принимаетъ въ его „Войнѣ и мирѣ". 1805 г. ему не понравился. „Вторая половина 1805 г.",—пишетъ онъ въ заключеніи своего сужденія о 2-ой половинѣ Достоевскаго „Преступленія и наказанія" „точно также слаба. Какъ все здѣсь мелочно, мудрено и какъ не надоѣдятъ Толстому эти вѣчные вопросы, кто трусъ, кто храбръ? И къ чему вся эта патологія сраженія? Гдѣ характеристическія черты времени, гдѣ историческая окраска? Личность Денисова нарисована прекрасно, но она выиграла бы больше на мѣстѣ арабески задняго плана,—но этого задняго плана и нѣтъ".

Тургеневъ часто и много возился и съ оконченнымъ романомъ „Война и миръ". „Романъ Толстого—замѣчательное произведеніе!" — пишетъ онъ снова по поводу критики Анненкова въ „Вѣстникѣ Европы", но самое слабое мѣсто его то, отъ чего публика приходитъ въ восторгъ—историческая и психологическая сторона романа. Вся исторія есть фокусъ, оптическій обманъ, его психологія—капризно-монотонная игра въ одни и тѣ же чувства. Все, что касается изображеній нравовъ, описа-

нiй боевой жизни, не оставляетъ желать ничего лучшаго,—второго такого писателя у насъ нѣтъ". Княгиня П. перевела этотъ романъ на французскiй языкъ и прислала Тургеневу 500 экземпляровъ. 10 изъ нихъ передалъ онъ выдающимся критикамъ, между прочими Тэну и Абу. ,,Будемъ надѣяться,—прибавляетъ онъ,—что они поймутъ всю силу и красоту вашей эпопеи. Переводъ немного слабъ, но сдѣланъ съ старанiемъ и любовью. Въ эти дни я прочелъ 5—6 разъ, все съ новымъ наслажденiемъ, ваше по истинѣ великое творенiе. Весь его складъ далеко отстоитъ отъ того, что французы любятъ и ищутъ въ книгѣ; но правда вездѣ возьметъ верхъ. Я разсчитываю, если не на блестящую побѣду, то, во всякомъ случаѣ, на продолжительное, хотя и медленное завоеванiе".

Флоберъ получилъ одинъ изъ десяти экземпляровъ, и его мнѣнiе, которое онъ выражаетъ въ письмѣ своемъ къ Тургеневу, послѣднiй передаетъ Толстому съ „дипломатической точностью". Французскiй романистъ пишетъ:

„Merçi de m'avoir fait lire, le Roman de Tolstoi. C'est de premier ordre! Quel peintre et quel psychologue! Les deux premiers volumes sont sumblimes, mais le troisiéme dêgringole affreusēment. Il se repèle et il philosophise!! Enfin on voit le monsieur, l'auteur, et le Russe, tandis que la Nature et l'Humanite. Il me semble qu'il u a par-

fois des choses à la Shakespeare! je poussais des cris d'admiration pendant cette lecture... et elle est longue! Oui, c'est fort, dien fort!"

Тургеневъ самъ часто и охотно читалъ вслухъ своимъ гостямъ отрывки изъ этого романа. Онъ прекрасно декламировалъ. Самое сильное впечатлѣніе дѣлала на него 43-я глава, изображающая сраженіе между двумя батальонами 6-го егерскаго полка и французами. „Я ничего не знаю ни въ одной изъ европейскихъ литературъ, что могъ бы я поставить выше этого описанія". Этими словами онъ закончилъ однажды свое чтеніе. Его общее сужденіе объ эпопеѣ Толстого (въ „Воспоминаніяхъ") заключало въ себѣ и существенное порицаніе. „Самый печальный примѣръ отсутствія настоящей свободы, происходящій отъ отсутствія настоящаго знанія, представляетъ намъ послѣднее произведеніе графа Льва Николаевича Толстого, которое въ то же время по силѣ творческаго, поэтическаго дара, стоитъ, конечно, во главѣ всего, что появилось въ нашей литературѣ съ 1840 г. И, однако, безъ образованія, безъ свободы въ широкомъ смыслѣ этого слова,—и безъ отношенія къ своей собственной личности, къ предвзятымъ идеямъ и системамъ, даже къ своему народу и къ своей исторіи—немыслимъ настоящій художникъ, безъ этого воздуха онъ не можетъ дышать". Въ этомъ сужденіи ясно заключается

столько же честнаго стремленія къ свободной отъ всякихъ предразсудковъ оцѣнкѣ, сколько и существенной разницы натуръ обоихъ писателей. Поэтому-то, ставя произведеніе Толстого „Войну и миръ" выше всего, что появлялось въ русской литературѣ съ 1840 г., Тургеневъ тѣмъ самымъ скромно ставилъ своего соперника выше себя и своихъ произведеній.

Почти всѣ вышеприведенныя мнѣнія о „Войнѣ и мирѣ" Тургеневъ передаетъ и въ двухъ письмахъ Фету. „Романъ Толстого",—гласитъ одно письмо отъ 27 іюня 1866 г. изъ Баденъ-Бадена, — „плохъ не потому, что зараженъ „рефлексіей"—этого ему нечего бояться; но плохъ потому, что авторъ ничему не учился, ничего не знаетъ, и подъ именами Кутузова и Багратіона выводитъ намъ первыхъ попавшихся ему славянскихъ скопированныхъ дюжинныхъ генераловъ того времени".

„Я только что кончилъ четвертую часть „Войны и мира",—пишетъ онъ 12 апрѣля 1868 г. Она содержитъ въ себѣ невозможныя и достойныя удивленія сцены. И эти достойныя удивленія сцены такъ величественно-прекрасны, что у насъ еще никто и никогда лучшаго не создавалъ! Первая и четвертая части слабѣе второй, особенно же третьей. Третья часть есть настоящій chef d'oeuvre"!

Въ „Аннѣ Карениной" Тургеневу не понравилась фигура главнаго героя, кото-

рый, такъ сказать, есть любимецъ Толстого, созданный имъ по своему образу. Левинъ былъ Тургеневу просто непріятенъ.

Не отсутствіе творческой силы въ Толстомъ вызвало это порицаніе Тургенева, но пристрастное отношеніе автора къ человѣку, который, по мнѣнію Тургенева, былъ хуже, чѣмъ Вронскій и Оболонскій, эгоистичнымъ и корыстолюбивымъ человѣкомъ.

„Могъ ли бы ты, хотя на минуту, повѣрить, говоритъ Тургеневъ ихъ общ му другу, Полонскому, что Левинъ влюбится, или полюбитъ Кити, что Левинъ способенъ любить кого? Нѣтъ, любовь есть одна изъ тѣхъ страстей, которыя уничтожаютъ наше личное „я", заставляютъ забывать нашу особу и наши личныя дѣла. Но Левинъ, сознавая, что онъ любимъ и счастливъ, не перестаетъ заниматься своимъ собственнымъ я и ухаживать за своей особой. Онъ думаетъ, что даже кучера служатъ ему съ особеннымъ усердіемъ, расположеніемъ и уваженіемъ. Онъ сердится, когда кланяются ему люди, близко стоящіе къ Кити. Онъ ни на минуту не перестаетъ быть эгоистичнымъ, и такъ занятъ собой, что считаетъ себя чѣмъ-то особенно выдающимся. Психологически все это и вѣрно (хотя я врагъ психологическихъ подробностей и тонкостей въ романѣ), но всѣ эти подробности доказываютъ, что Левинъ эгоистъ до мозга костей,

и становится ясно, почему онъ смотритъ на женщинъ, какъ на существа, способныя только къ хозяйственнымъ и домашнимъ работамъ, да къ сплетнямъ. Увѣряютъ, что Левинъ похожъ на автора,—что-то не вѣрится. Самое большее, если въ характерѣ Левина художественно изображена одна его сторона. Но не понимаю, какъ можно симпатизировать ему?“

„И не только любовь, продолжаетъ Тургеневъ,—но всякая сильная страсть,—религіозная, политическая, соціальная, даже любознательность уничтожаетъ нашъ эгоизмъ. Фанатики всякой идеи, даже подчасъ самой глупой, ставятъ свою жизнь на карту,—тѣмъ болѣе фанатики любви“.

Да и въ общемъ весь романъ казался Тургеневу лишеннымъ духа свободы и пропитанъ враждою къ образованію, что особенно непріятно на него дѣйствовало. „Романъ „Анна Каренина“ мнѣ не нравится, хотя имѣетъ по истинѣ высоко-художественныя мѣста, (скачки, косьба, охота). Но все это перевкашено, пахнетъ Москвой, ладономъ, старыми дѣвами, славянофильствомъ, юнкерствомъ и т. под.“ Почти то же Тургеневъ высказываетъ и критику Суворину, намѣревавшемуся издать свой критическій этюдъ о Толстомъ. „Онъ необыкновенный талантъ, но въ „Аннѣ Карениной“, какъ говорятъ здѣсь, въ Парижѣ, a fait fausse route,—вліяніе Москвы, славянофильства, юнкерства, ста-

рыхъ дѣвъ, личнаго отчужденія и отсутствія настоящей творческой свободы! Вторая часть просто скучна и однообразна,— вотъ въ чемъ горе!“

Тургеневъ такъ внимательно слѣдитъ за литературнымъ развитіемъ Толстого, что читаетъ даже его „Азбуку“, но ничего не находитъ въ ней интереснаго, за исключеніемъ его прекраснаго разсказа „Кавказскій плѣнникъ“.

Въ томъ же самомъ духѣ отнессяа онъ и къ его „Исповѣди“. „По своей сердечности, правдѣ и силѣ убѣжденія,—это замѣчательное произведеніе, но все построено на первыхъ ложныхъ посылкахъ и ведетъ его въ концѣ-концовъ къ мрачному отрицанію всей человѣческой жизни... Это тоже своего рода нигилизмъ. Я удивляюсь, почему Толстой, который, между прочимъ, отвергаетъ искусство, окружаетъ себя художниками,—и что могутъ они вынести для себя изъ разговоровъ съ нимъ?—и, вопреки всему, Толстой все-таки самый замѣчательный человѣкъ современной Россіи“.

Толстой придавалъ большое значеніе сужденію Тургенева даже тогда, когда они находились въ самыхъ враждебныхъ отношеніяхъ. „Ваше мнѣніе,—пишетъ онъ Фету 23 января 1865 г.—мнѣ дорого и еще другого человѣка, котораго я тѣмъ менѣе люблю, чѣмъ больше самъ возрастаю: Тургенева“.

Сужденія Толстого о Тургеневѣ не всѣ извѣстны намъ. Въ первый разъ Толстой высказываетъ свое сужденіе по выходѣ въ свѣтъ романа „Накануне" (Елена): „Я прочелъ „Накануне", и вотъ мое о немъ мнѣніе: писать романы есть вообще напрасный трудъ, особенно для людей, съ мрачнымъ настроеніемъ, и которые сами хорошенько не знаютъ, чего они желаютъ отъ жизни. Вообще же „Накануне" значительно превосходитъ „Дворянское гнѣздо",— въ немъ есть прекрасные отрицательные типы: художника и отца. Остальные же не типы, ихъ отношенія не типичны, и они вообще не стоятъ ничего. Впрочемъ эта ошибка присуща Тургеневу. Его Елена положительно никуда не годится: „Ахъ, какъ я васъ люблю!.. у ней были длинныя рѣсницы". Меня всегда удивляло въ Тургеневѣ, какъ онъ, при своемъ умѣ, поэтическомъ чутьѣ, не можетъ отдѣлаться отъ банальностей; величайшая банальность заключается въ отрицательномъ пріемѣ, напоминающемъ намъ Гоголя. Въ нихъ отсутствуетъ человѣческое участіе къ личностямъ; при описаніи дурного, авторъ порицаетъ его, но не сожалѣетъ о немъ, и это-то не подходитъ ни къ тону, ни къ требованіямъ либерализма и всего цѣлаго. Все это хорошо было при царѣ Горохѣ и Гоголѣ. (Нужно еще замѣтить, если даже не чувствуешь сожалѣнія къ его несущественнымъ типамъ, то можно

только упрекнуть себя въ томъ, а не дѣлать такъ, какъ Тургеневъ). Вообще нужно сказать, что ни одинъ человѣкъ не напишетъ теперь такого разсказа, если онъ даже и не будетъ имѣть успѣха".

Сужденіе Толстого о „Довольно" очень коротко. Онъ выражаетъ его общимъ эстетическимъ правиломъ." „Довольно" мнѣ не нравится. Личное, субъективное только тогда хорошо, когда оно полно жизни и страсти. У насъ же передъ глазами субъективность, гдѣ отсутствуетъ страсть".

„Дымъ", по его мнѣнію, положительное истощеніе Тургеневскаго таланта." О „Дымѣ" я давно хотѣлъ вамъ написать, пишетъ Толстой Фету 27 іюня 1867 г.—и, конечно, написалъ бы то же, что вы мнѣ пишете. Вотъ потому-то мы и любимъ такъ другъ друга, что мы думаемъ съ вами одинаково, какъ вы выражаетесь, „разсудкомъ сердца"... Я думаю, что въ „Дымѣ" вся сила поэзіи заключается въ любви. Направленіе этой силы зависитъ отъ характера; безъ силы любви нѣтъ поэзіи; если этой силѣ придадутъ ложное направленіе, то непріятный, слабый характеръ автора подѣйствуетъ отталкивающимъ образомъ. Въ „Дымѣ" почти вездѣ отсутствуетъ любовь и поэзія, развѣ мѣстами и попадается легкая, фривольная любовь, но она-то и дѣлаетъ поэзію этого романа противной. Я боюсь только высказывать это мнѣніе, потому что не могу

безпристрастно относиться къ писателю, личность котораго мнѣ не нравится, но я думаю, что мое впечатлѣніе будетъ общимъ. Итакъ, одинъ уже достигъ конца".

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что Тургеневская высокая оцѣнка соперника свободнѣе, нежели рѣзкая критика Толстого. У обоихъ господствуетъ одинаковое стараніе отдѣлить человѣка, къ которому не лежитъ сердце, отъ писателя, у обоихъ замѣтно одинаковое преклоненіе предъ геніальностью таланта. Толстой, талантъ котораго направленъ на этическое, не находитъ его въ Тургеневѣ, тогда какъ послѣдній относится къ Толстому безъ предвзятыхъ мыслей, и мѣрило для своихъ сужденій заимствуетъ прямо изъ его произведеній. Личность Толстого *сильнѣе*, а потому менѣе уступчива, какъ къ себѣ, такъ и къ другимъ, чей талантъ онъ превозноситъ, предъявляя къ нему слишкомъ большія требованія. У Тургенева болѣе мягкая и кроткая натура.

Тургеневъ зналъ, какого строгаго судью имѣетъ онъ въ лицѣ Толстого. Полушутя, полусерьезно воскликнулъ онъ какъ-то разъ: „Единственный человѣкъ, котораго мнѣ никакъ не удается удовлетворить— это Левъ Толстой. Но что же мнѣ дѣлать? Очевидно, это уже мнѣ такъ суждено!"

Литературныя отношенія обоихъ писателей, обоюдный, горячій интересъ которыхъ къ произведеніямъ другъ-друга не

имѣлъ ничего общаго съ личнымъ нерасположеніемъ, и честная предупредительность съ обѣихъ сторонъ послужили къ счастливому примиренію, такъ что они даже посѣщали другъ друга въ имѣніяхъ Спасскомъ и Ясной Полянѣ, какъ въ юные годы своей дружбы.

То, что Тургеневъ обѣщалъ Толстому въ письмѣ изъ Парижа 8-го мая 1878 г., онъ исполнилъ тремя мѣсяцами позднѣе. 4-го августа онъ сообщилъ ему изъ Москвы, что въ воскресенье вечеромъ онъ выѣзжаетъ, въ понедѣльникъ будетъ въ Тулѣ, гдѣ душевно будетъ радъ видѣть его. Къ тому же у него есть порученія къ графу. „Выбирайте, что для васъ будетъ лучше—вы ли пріѣдете ко мнѣ въ Тулу, я ли къ вамъ, въ Ясную Поляну“. Толстой пригласилъ его къ себѣ въ имѣніе. Они говорили объ изданіи полнаго собранія сочиненій Толстого съ біографическимъ очеркомъ, который онъ долженъ былъ написать самъ, объ условіяхъ, о портретахъ графа, написанныхъ петербургскимъ художникомъ Крамскимъ, съ которыхъ легко было снять фотографіи. Тургеневъ не упустилъ случая высказать еще разъ гостепріимному хозяину, какое пріятное впечатлѣніе произвелъ на него визитъ въ Ясную Поляну, и какъ онъ радъ, что прежнія ихъ недоразумѣнія исчезли безслѣдно, будто ихъ никогда и не существовало. „Я ясно чувствую, что жизнь,

посеребрившая наши волосы, прошла для насъ не безъ пользы, и что мы оба выглядимъ сегодня лучше, чѣмъ 16 лѣтъ тому назадъ". На возвратномъ пути Тургеневъ снова заѣзжаетъ къ нему. 1-го сентября онъ пріѣзжаетъ въ Ясную Поляну къ обѣду. „Что между нами существуетъ та связь, о которой вы говорите, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и я очень тому радуюсь". Въ этотъ разъ въ Ясной Полянѣ господствовало мрачное настроеніе. Толстой находился въ отчаяніи, отчетъ о которомъ онъ съ трудомъ могъ дать самому себѣ и другимъ. Это были минуты наплыва его новыхъ, давно имъ искомыхъ убѣжденій, которыя привели его, наконецъ, къ рѣшенію порвать совсѣмъ своимъ прошлымъ и обратиться къ соціалистическому христіанству первыхъ временъ, систематически имъ разработанному. Отъ этой нравственной борьбы страдало и его семейство, а его жена была и безъ того въ то время въ болѣзненномъ состояніи, что причиняло ему не мало хлопотъ. Объ этомъ визитѣ Тургенева самъ Толстой говоритъ такъ: „На возвратномъ пути Тургеневъ былъ у насъ... Онъ еще все тотъ же, и мы знаемъ предѣлъ сближенія, далѣе котораго намъ невозможно итти".

Тургеневъ въ письмѣ изъ Парижа къ Толстому (отъ 13-го ноября 1878 г.) возвращается еще разъ къ этому визиту и

внутреннему безпокойству своего гостепріимнаго хозяина. Онъ старается,—если можно такъ выразиться, успокаивая и утѣшая его, объяснить намъ его состояніе: „Я радуюсь, что вы всѣ физически здоровы, и надѣюсь, что и „душевная“ болѣзнь, о которой вы пишете, уже прошла. И я когда-то зналъ ее; временами она являлась мнѣ въ формѣ внутренняго смущенія передъ началомъ какого-нибудь произведенія; я подозрѣваю, что подобное броженіе происходитъ теперь и съ вами“...

Въ томъ же духѣ пишетъ онъ и Фету: „Для меня было большимъ удовольствіемъ снова свидѣться съ Толстымъ, и я провелъ у него три пріятныхъ дня. Онъ сдѣлался спокойнѣе, и подъемъ его духа сталъ замѣтнѣе. Его имя начинаетъ пріобрѣтать европейскую славу; мы, русскіе, давно знаемъ, что онъ не имѣетъ у насъ соперника“.

Годъ спустя Толстой имѣлъ случай оказать Тургеневу большую дружескую услугу. Такимъ образомъ, снова возстановились дружескія отношенія между обоими русскими писателями. Даже домосѣдъ Толстой, который теперь отсталъ отъ того свѣта, къ которому принадлежалъ по рожденію и образованію, пріѣзжалъ нѣсколько разъ навѣщать Тургенева въ Спасскомъ. Графъ Толстой въ іюнѣ 1881 г. предполагалъ проѣхаться въ свои имѣнія въ Самарской губерніи и сообщилъ Тур-

геневу о своемъ намѣреніи навѣстить его. Тургеневъ тотчасъ же отвѣтилъ ему: „Вчера получилъ я ваше письмо и радуюсь вашему скорому ко мнѣ пріѣзду, такъ же, какъ и тѣмъ чувствамъ, которыя вы мнѣ выражаете. Хорошо, что они обоюдны и въ одинаковой степени, какъ во мнѣ, такъ и въ васъ.“ 8-го Толстой сообщалъ Тургеневу телеграммой, что 9-го, въ четвергъ, въ 10 часовъ, онъ будетъ въ Мценскѣ, куда просилъ выслать лошадей. Понятно, что Тургеневъ отдалъ приказъ выслать экипажъ на слѣдующій день на станцію. Въ это время въ Спасскомъ было много гостей и, когда уже всѣ были въ постеляхъ, въ полночь послышался шумъ колесъ,—Толстой ошибся въ недѣльномъ расписаніи и пріѣхалъ на станцію въ среду; не найдя экипажа, онъ нанялъ перваго попавшагося извозчика и неожиданно явился въ Спасское. Тургеневъ еще не спалъ, сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и работалъ. Онъ вышелъ навстрѣчу графу, обнялъ и поцѣловалъ его. Полонскій, въ это время гостившій въ Спасскомъ, тоже немедленно всталъ, и бесѣда трехъ друзей затянулась до разсвѣта.

Графъ Толстой разсказывалъ друзьямъ о своихъ путешествіяхъ, которыя онъ совершалъ въ простомъ крестьянскомъ платьѣ и обыкновенныхъ валенкахъ, о сектантахъ, исполнявшихъ самые различные и странные обряды,—со всѣмъ этимъ онъ

познакомился лично. Друзья слушали съ интересомъ, хотя и не безъ удивленія его новыя христіанскія воззрѣнія. Преслѣдованіе сектантовъ было, по мнѣнію графа, противорѣчіемъ національнаго духа, потому что въ ихъ поискахъ онъ видѣлъ стремленіе къ кратчайшему пути къ христіанству первыхъ временъ. Онъ также свободно развивалъ свои сельскохозяйственныя воззрѣнія, съ спокойствіемъ человѣка, который убѣжденъ, что въ скоромъ времени его воззрѣнія сдѣлаются всеобщимъ достояніемъ.

Тургеневъ умеръ 22-го августа 1883 г. Въ своихъ ежегодныхъ поѣздкахъ въ Россію онъ часто видался въ Толстымъ: то Толстой пріѣзжалъ къ нему въ Спасское, то онъ къ Толстому, въ Ясную Поляну; кромѣ того, эти установившіяся хорошія отношенія поддерживались и дружеской перепиской.

Тургеневъ душой скорбѣлъ объ умственномъ направленіи Толстого, на которое онъ смотрѣлъ не иначе, какъ на заблужденіе. Эта скорбь о гибели величайшаго творческаго таланта Россіи, какъ онъ его называлъ, продиктовала ему тѣ слова, которыя онъ послалъ, какъ свое предсмертное завѣщаніе Толстому.

Толстой глубоко сожалѣлъ о смерти Тургенева: „Это былъ до конца своихъ дней независимый, неутомимо пытливый умъ“,—говорилъ онъ Данилевскому:—,,Я

всегда его цѣнилъ высоко и сердечно любилъ, несмотря на нашу ссору, которую я уже давно забылъ. Это былъ настоящій самостоятельный художникъ, который никогда до того не унижался, чтобы служить потребностямъ минуты; онъ могъ заблуждаться, но его заблужденія были откровенны, какъ и онъ самъ". Толстой охотно и часто говорилъ о нѣжномъ и полномъ любви характерѣ Тургенева и сожалѣлъ, что писатель, который былъ такимъ высокимъ художникомъ, такимъ преданнымъ Россіи, прожилъ свои лучшіе годы, годы зрѣлости, за границей, далеко отъ вѣрныхъ друзей и своей семьи.

Толстому, конечно, было суждено „годы зрѣлости" прожить въ сердцѣ своего отечества и въ кругу своего семейства, которое давало ему счастье, и которому онъ, въ свою очередь, доставилъ много радости.

VIII.

НАРОДНОЕ БЛАГОСОСТОЯНІЕ И ОБРАЗОВАНІЕ.

Толстой, какъ мировой посредникъ.—Школы.—Ясно-Полянская школа.—Планъ преподаванія.—Преподавательская дѣятельность.—Отчетъ.

Когда Толстой вернулся въ свое отечество, онъ засталъ въ немъ уже завершившимся великое дѣло освобожденія крестьянъ императорскимъ указомъ 19 февраля 1861 года. Дворянству и крестьянамъ предстояла трудная задача свыкнуться съ новымъ положеніемъ и условіями жизни, которыя предоставилъ въ ихъ распоряженіе законъ, при переходѣ ихъ изъ стараго состоянія. Условія освобожденія были не менѣе важны для будущаго, чѣмъ самый актъ освобожденія. Требовалось выработать правила, имѣвшія выраженіе въ идеалахъ времени, и направить корыстолюбивыя потребности и страсти на болѣе мирный путь. Большая часть дворянства не охотно примкнула къ партіи главныхъ сторонниковъ крестьянскаго вопроса: Милютина, Черкасскаго и Самарина. Только небольшое меньшинство помѣщиковъ, къ которымъ принадлежалъ и Левъ Николаевичъ Толстой, предупредивъ законодательство, дали своимъ крестьянамъ свободу.

Надсмотръ за водворенiемъ новаго порядка Сенатъ возложилъ на мировыхъ посредниковъ. Человѣкъ, съ такимъ значенiемъ, какъ Левъ Николаевичъ Толстой, съ его образомъ мыслей, движимымъ любовью къ народу, особенно подходилъ къ занятiю такой должности, руководящая идея которой была примиренiе. Толстой принялъ на себя должность мирового посредника своего уѣзда и отдался ей съ тѣмъ же священнымъ рвенiемъ, съ какимъ его великое сердце относилось всегда ко всѣмъ проявленiямъ гуманности.

Благодаря своему стремленiю оказать возможно больше справедливости народу, Толстой часто обижалъ своихъ благородныхъ сосѣдей; но онъ не особенно много обращалъ вниманiя на мнѣнiя членовъ своего сословiя. Крестьяне обожали его. Если они не всегда понимали справедливый умъ своего мирового посредника, который подъ влiянiемъ любви къ народу, постоянно относился ко всѣмъ безпристрастно, то все-таки они чувствовали первобытнымъ чутьемъ несовершеннолѣтнихъ, какъ онъ ихъ любитъ. Эта любовь подтверждалась и сравненiемъ его ласковаго съ ними обращенiя съ гордой недоступностью большинства другихъ помѣщиковъ, для которыхъ мужикъ былъ только крѣпостной душой, осужденной отбывать для нихъ барщину.

Очевидецъ дѣятельности Толстого въ качествѣ мирового посредника—управляющій одного помѣщика Тульской губерніи, балтійскій нѣмецъ, рисуетъ намъ нагляднымъ образомъ его обхожденіе съ людьми. Г. Т., изъ Риги, въ качествѣ представителя своего патрона, навѣстилъ по дѣлу Льва Николаевича въ его Ясной Полянѣ. Причиной этого визита послужили спорные вопросы о надѣлѣ крестьянъ землей. Этотъ дѣловой вопросъ могъ разрѣшиться только на мѣстѣ; и поэтому мировой посредникъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ отправился въ имѣніе своего сосѣда, въ сопровожденіи 12-ти-лѣтняго крестьянскаго мальчика, его маленькаго землемѣра, какъ называлъ его въ шутку графъ, потому что онъ всюду возилъ за собой межевую цѣпь.

Послѣ обильнаго завтрака графъ Толстой принялъ крестьянскую депутацію, состоявшую изъ 2-хъ волостныхъ старшинъ и одного члена схода. Всѣ они пришли къ мировому посреднику переговорить съ нимъ о крестьянскомъ надѣлѣ землей.

— Ну, ребята, что-же вы хотите? привѣтствовалъ ихъ графъ.

Выборный изложилъ просьбу сельскаго схода. Они хотѣли вмѣсто предназначеннаго для нихъ выгона получить другой клочекъ земли для увеличенія ихъ надѣла.

— Мнѣ очень жалко, что я не могу ис-

полнить вашей просьбы, сказалъ графъ,— если бы я такъ сдѣлалъ, то причинилъ бы большой ущербъ вашему помѣщику— и тутъ началъ онъ ясно излагать имъ сущность дѣла.

— Ну, какъ-нибудь сдѣлайте, батюшка,—сказалъ выборный.

— Нѣтъ, я сдѣлать ничего не могу,— подтверждалъ графъ.

Мужики переглянулись, почесали затылки и упрямо твердили свое: „ужъ какъ-нибудь, батюшка“.

— Если захочешь, батюшка,—снова заговорилъ выборный,—то уже непремѣнно сдѣлаешь!

Остальные депутаты въ знакъ одобренія закивали головами.

Графъ перекрестился и сказалъ: „Какъ Богъ святъ, клянусь вамъ, что я ни въ чемъ вамъ помочь не могу“.

Но когда и послѣ этого мужики твердили свое: „ужъ какъ-нибудь сдѣлай, батюшка, смилуйся!“ графъ гнѣвно обернулся къ управляющему и сказалъ ему:

— „Можно быть Амфіономъ и скорѣе двинуть горы и лѣса, чѣмъ убѣдить въ чемъ-нибудь крестьянъ“.

„Въ продолженіе всей бесѣды, тянувшейся почти часъ, говоритъ разсказчикъ, графъ былъ воплощеніемъ терпѣнія и дружественной ласки. Упорство крестьянъ не вызвало у него ни одного жесткаго слова“. Эмансипація крестьянъ была дѣломъ,

которому Толстой сначала отдался съ самой сердечной симпатіей и неутомимой дѣятельностью; но нѣсколькихъ лѣтъ опыта было довольно, чтобы охладить его. То, что по теоріи казалось такимъ справедливымъ, простымъ, естественнымъ,—въ дѣйствительности выходило иначе. Уже въ 1868 году ему сдѣлалось яснымъ, что великія реформы имѣли и свои худыя стороны, что онѣ проведены были слишкомъ рано, по желанію народниковъ-теоретиковъ, а не такъ, какъ въ Западной Европѣ, по требованію всего народа и народной необходимости.

Толстой считалъ эмансипацію крестьянъ по отношенію къ ихъ матеріальному благосостоянію вредной.

Толстой имѣлъ обыкновеніе опредѣлять благосостояніе сельскихъ обывателей количествомъ имѣвшагося у нихъ скота, и не разъ замѣчалъ при своихъ частыхъ посѣщеніяхъ деревень, что это количество сильно уменьшалось. Его крестьяне имѣли по три десятины на душу и платили въ казну по 3 руб. за десятину. Имъ предоставлялось право пріобрѣсти эту землю въ собственность по 50 руб. за десятину, и даже по 30 руб.; но никто изъ всей округи не воспользовался этимъ правомъ, хотя многіе имѣли на это средства.

Но пока опытъ не привелъ его еще къ такому убѣжденію, Толстой, въ качествѣ мирового посредника перваго призыва, рев-

ностно работалъ три съ половиною года по приведенію въ дѣйствіе царскаго указа.

Его дѣятельность въ этой должности была руководима той идеей, которая побудила его подать прошеніе объ учрежденіи школъ и придти на помощь бѣдному, невѣжественному народу. Чтобы уменьшить это невѣжество, Толстой задумалъ учредить въ своемъ родовомъ имѣніи школу по собственному образцу.

*
* *

Еще въ 1849 г. Толстой основалъ въ своемъ имѣніи школу, какъ онъ впослѣдствіи иронически замѣчаетъ о томъ, что тогда онъ совершенно не зналъ, что школьный законъ 1828 г. не позволялъ частнымъ лицамъ открывать школы. Но съ его отъѣздомъ изъ Ясной Поляны, послѣ разочарованій въ юношескихъ надеждахъ, она, понятно, вскорѣ закрылась.

Послѣ перваго заграничнаго путешествія Толстой снова пробуетъ свои педагогическія силы зимой 1859 г. Онъ уже имѣлъ случай говорить въ Киссингенѣ съ Фребелемъ о своихъ **опытахъ**. Но они-то и вызвали у графа желаніе возобновить свою поѣздку. Мы уже знаемъ, какъ серьезно отдавался графъ изученію этого вопроса въ культурныхъ странахъ Запада, и во сколькихъ мѣстахъ онъ искалъ удовлетворенія своей любознательности.

И вотъ, теперь, подъ вліяніемъ три раза измѣнявшихся обстоятельствъ, Толстой продолжаетъ свои стремленія. Новый законъ о народныхъ школахъ привелъ въ ясность планы правительства въ школьномъ вопросѣ, изданный манифестъ укрѣпилъ за крестьянами свободу и сдѣлалъ коренныя измѣненія въ ихъ экономическомъ быту, а самъ Толстой пріобрѣлъ взгляды, отрицательные всему, что онъ видѣлъ и чему учился.

Въ это время въ Ясной Полянѣ открылись уже двѣ школы, и крестьяне съ радостью посылали туда своихъ дѣтей, потому что юные разсадники образованія народолюбиваго помѣщика уже пользовались славой во всемъ уѣздѣ. Педагоги по призванію и покровители народно-школьнаго образованія часто посѣщали Ясную Поляну, чтобы лично познакомиться съ идеями графа и съ его педагогической практикой.

Когда осенью 1861 г. въ школахъ возобновилось ученіе,—отъ апрѣля до половины октября школы были закрыты,—то явилась необходимость въ открытіи третьей школы. Она была освящена 28 октября въ присутствіи молодого нѣмецкаго учителя, Келлера, и четырехъ помощниковъ, которыхъ Толстой лично избралъ изъ студентовъ Московскаго университета.

Двое изъ нихъ находились уже съ 1859 г. у него на службѣ при Ясно-Полянской школѣ, другіе же двое были призваны гра-

фомъ только этимъ лѣтомъ. Въ декабрѣ этого же года открылась 4-я школа. Толстой, съ свойственной ему страстностью, весь отдался школьному дѣлу; двѣ зимы 1861—62 и 62—63 гг. онъ посвятилъ исключительно этому дѣлу. Онъ открывалъ все новыя и новыя школы, пока число ихъ не возрасло до 12-ти, доискиваясь все новаго пути и метода; преподавая самъ по различнымъ предметамъ и просиживая иногда до глубокой ночи, онъ забывалъ о часахъ отдыха и обѣдѣ.

Даже забота о личномъ здоровьѣ не уменьшала этого пыла. Онъ предполагалъ, какъ и въ юныхъ годахъ, присутствіе у себя чахотки, и его опасенія усилились послѣ смерти брата. Поэтому онъ 20 сентября 1861 г. поѣхалъ въ Москву, посовѣтоваться съ докторами, откуда вернулся успокоенный, чтобы съ новой энергіей приняться за зимнія работы.

Главная школа находилась въ Ясной Полянѣ и помѣщалась въ двухъэтажномъ каменномъ флигелѣ. Двѣ комнаты заняты школой, одна—кабинетомъ, двѣ—учителями. На крыльцѣ, подъ навѣсомъ виситъ колокольчикъ съ привязанною за язычекъ веревочкою, въ сѣняхъ внизу стоятъ бары и рекъ (гимнастика), наверху въ сѣняхъ — верстакъ. Около 8-ми час. утра учитель, на которомъ лежала обязанность слѣдить за внѣшнимъ порядкомъ, посылаетъ мальчика зво-

нить въ этотъ колоколъ,—въ школѣ всегда ночевалъ кто-нибудь изъ мальчиковъ, вслѣдствіе большого разстоянія, въ которомъ находилось его родное село. И черезъ полчаса послѣ звонка дѣти уже собираются въ школѣ. Съ собой никто ничего не несетъ—ни книгъ, ни тетрадокъ. Уроковъ на домъ не задаютъ. Никакого урока, ничего, сдѣланнаго вчера, онъ не обязанъ помнить нынче. Его не мучаетъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспріимчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынче будетъ весело такъ же, какъ вчера. Никогда никому не дѣлаютъ выговоровъ за опаздыванье, и никогда не опаздываютъ, развѣ старшіе, которыхъ отцы иногда задерживаютъ дома какой-нибудь работой. Пока учитель еще не пришелъ, они собираются, кто около крыльца, толкаясь съ ступенекъ или катаясь на ногахъ по ледочку раскатанной дорожки, кто въ школьныхъ комнатахъ. Ученіе происходило въ 2-хъ комнатахъ, но 3-хъ отдѣленіяхъ. Первое, старшее отдѣленіе, собиралось въ одну комнату, два младшіе класса собирались въ другой. На урокъ Закона Божія, который только одинъ бываетъ регулярно, потому что законоучитель живетъ за 2 версты и бываетъ 2 раза въ недѣлю, и на урокъ рисованья—всѣ ученики 3-хъ отдѣленій собираются вмѣстѣ.

Когда учитель входилъ въ классъ, то

дѣтская возня прекращалась, и по мѣрѣ того, какъ онъ вынималъ изъ шкафа книги и раздавалъ ихъ ученикамъ, затихали и голоса учениковъ. Дѣти группировались около шкафа и ждали своей книги; тогда они отправлялись на свои мѣста, кто куда желаетъ; садились на лавки вокругъ стола, на столъ, на подоконникъ, на скамеечки, на стулъ, или стояли, если имъ это нравилось. Дѣвочки большею частью сидѣли вмѣстѣ; сосѣди по домамъ старались сидѣть рядомъ и въ школѣ.

По расписанію до обѣда значилось 4 урока, а послѣ—отъ одного до трехъ. Къ двумъ часамъ дѣти отпускались, при чемъ имъ ставились отмѣтки. Впослѣдствіи это было отмѣнено. Послѣ обѣда обыкновенно читались библейская исторія и русская исторія, на которыхъ тоже присутствовали всѣ три отдѣленія. Здѣсь особенно господствовала полная свобода. Учитель садился или становился среди комнаты, а толпа окружала его амфитеатромъ, маленькіе спереди, а большіе сзади.

Но принятый планъ преподаванія былъ рѣдко соблюдаемъ, такъ какъ главнымъ принципомъ въ дѣлѣ преподаванія была свобода, такъ что о систематической послѣдовательности не могло быть и рѣчи. Часто случалось, что учитель начнетъ ариѳметику и перейдетъ къ геометріи, начнетъ священную исторію, а кончитъ грамматикой. Иногда увлечется учитель и ученики,

и вмѣсто одного часа урокъ продолжается три часа. Бываетъ, что ученики сами кричатъ: „Нѣтъ, еще, еще!“ и кричатъ на тѣхъ, которымъ надоѣло. „Надоѣло, такъ ступай къ маленькимъ“, — говорятъ они презрительно. Въ дни, когда законоучитель не пріѣзжалъ, занимались пѣніемъ, чтеніемъ, разговорами по естественной исторіи, физическими опытами, въ нарочно устроенномъ для этого кабинетѣ, и сочиненіями. Любимыми предметами сельскаго юношества были чтеніе и физическіе опыты. При чтеніи господствовала еще большая свобода; большіе мальчики укладываются на большомъ столѣ, звѣздой— головами вмѣстѣ, ногами врозь. Одинъ изъ нихъ читалъ, другіе разсказывали прочитанное. Иногда читали всѣ хоромъ. Четыре учителя преподавали въ трехъ отдѣленіяхъ двѣнадцать предметовъ. Во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ число учениковъ доходило до 40. Учителя вели аккуратно дневники, которыми они обмѣнивались каждое воскресенье, чтобы по этому составить планъ ученія на будущую недѣлю, который по принципу полной свободы рѣдко выполнялся.

Предметы раздѣлялись по расписанію слѣдующимъ образомъ: 1) Чтеніе механическое и постепенное, 2) Писаніе, 3) Каллиграфія, 4) Грамматика, 5) Священная исторія, 6) Русская исторія, 7) Рисованіе, 8) Черченіе, 9) Пѣніе, 10) Математика, 11)

Бесѣды изъ естественныхъ наукъ и 12) Законъ Божій.

Посѣщали школу, конечно, безплатно. Первые ученики были изъ Ясной Поляны, только уже впослѣдствіи крестьяне отдаленныхъ деревень стали постепенно посылать своихъ дѣтей въ школы помѣщика Ясной Поляны. Нѣкоторые проходили весь курсъ ученія, другіе, не окончивъ его, покидали школу. Когда въ 1862 г., послѣ новаго закона о народныхъ школахъ, въ селахъ были открыты правительственныя школы, то многіе крестьяне за отдаленностью Ясно-Полянской школы стали посылать дѣтей своихъ во вновь организованныя сельскія школы.

Ученики были въ возрастѣ отъ 7 до 13 лѣтъ. Иногда въ ученіи принимали участіе и взрослые. Этимъ послѣднимъ не особенно нравилась свобода, господствующая въ школѣ, уже очень свыклись они въ домашнемъ быту своемъ съ строгимъ порядкомъ. Посѣщеніе школы взрослыми было, впрочемъ, продолженіемъ старой привычки, по которой рабочіе собирались по воскресеньямъ у своего помѣщика для извѣстнаго рода обученія. Однимъ изъ нихъ заботливый помѣщикъ читалъ вслухъ, другимъ преподавалъ искусство чтенія, третьи забавлялись рисунками и картинками, которые онъ имъ показывалъ.

Учебный сезонъ, какъ сказано было вы-

ше, продолжался съ средины октября до начала весны. Лѣтомъ занятій не было.

Тогда помѣщикъ посвящалъ себя своимъ ученикамъ другимъ путемъ. Онъ игралъ съ ними на большой лужайкѣ передъ школой, совершалъ съ ними многоверстныя прогулки по лѣсамъ, ходилъ съ ними купаться на рѣку, гдѣ училъ ихъ плавать, дѣлалъ съ ними гимнастику и не пропускалъ случая какимъ-нибудь разсказомъ изъ своей жизни, или событія дня развивать ихъ умъ. Онъ разсказывалъ имъ свои охотничьи приключенія въ Пятигорскѣ, разсказывалъ имъ о своихъ любимыхъ собакахъ, Булькѣ и Милкѣ, о своемъ плѣнѣ на Кавказѣ, объ убійствѣ своей родственницы, графини Толстой, — находясь постоянно въ свободномъ и дружескомъ общеніи съ „маленькимъ народомъ", („я называю ихъ маленькимъ народомъ — говоритъ Толстой, — потому что нахожу въ нихъ тѣ же черты, то же остроуміе, смѣтливость, веселость, прямоту и непосредственную раннюю зрѣлость, которыя присущи всѣмъ русскимъ крестьянамъ вообще"), руководимый болѣе ихъ желаніемъ и ихъ любознательностью, чѣмъ педагогическими принципами, такъ, какъ они вообще приняты въ дѣлѣ воспитанія.

Также и зимой, когда Левъ Николаевичъ, просидѣвъ нѣсколько часовъ подъ рядъ въ школѣ, чувствовалъ физическую потребность движенія и находилъ необхо-

димымъ его и для дѣтей; онъ забавлялся съ мальчиками на школьномъ лугу, теперь покрытомъ снѣгомъ. Г. Р., который разсказалъ намъ выше о дѣятельности графа Толстого, какъ мирового посредника, засталъ его, однажды, въ толпѣ дѣтей и сначала не хотѣлъ вѣрить, что человѣкъ въ короткомъ пальто, въ мягкой сѣрой широкополой шляпѣ, возившійся съ крестьянскими мальчиками, былъ владѣлецъ Ясной Поляны и извѣстный писатель, къ которому онъ когда-то пріѣзжалъ по дѣламъ своего патрона. „Веселый, восторженный крикъ дѣтскихъ голосовъ донесся до насъ еще издали",—разсказываетъ онъ.— „Когда мы подъѣхали къ главнымъ воротамъ, мы прежде всего увидѣли человѣка, преслѣдуемаго веселой, шумной толпой мальчиковъ. Собравшіяся дѣти, просто, но чисто одѣтыя, держали въ рукахъ снѣжные комки и бомбардировали при громкомъ побѣдномъ крикѣ ловко лавировавшаго графа. Когда онъ насъ увидѣлъ, то, спрятавшись за насъ, началъ изъ своей засады договариваться съ побѣдителями. Дѣти прекратили свои нападенія, и я представился графу, который пригласилъ меня, въ то время какъ онъ стряхивалъ снѣгъ съ своего платья, послѣдовать за нимъ въ домъ". „Воздухъ теперь чистый, шутя замѣтилъ онъ мнѣ".

Подобно тому, какъ полная свобода господствовала во всѣхъ отдѣльныхъ мело-

чахъ, такъ и общій планъ, да, если можно такъ выразиться, общая идея школы была руководима общимъ принципомъ свободы. Здѣсь не было ничего установившагося, все мѣнялось и прогрессировало, если называть прогрессомъ всякое измѣненіе, ради перемѣны убѣжденій руководителя. Постоянно было только наблюденіе и опытъ. Школа Ясной Поляны... видоизмѣнялась иногда за полугодіе, частью по желанію учениковъ и ихъ родителей, частью недостаточностью знаній ихъ учителей, и принимала иногда среди учебнаго сезона совершенно другой характеръ,— говоритъ Толстой въ одномъ отчетѣ за ноябрь и декабрь 1861 г., гдѣ онъ толково и подробно разъясняетъ сущность своей школы.

Этотъ **отчетъ** содержитъ не сухое изображеніе фактическихъ данныхъ, но даетъ намъ возможность хотя немного прослѣдить за умственной работой человѣка, который чувствуетъ необходимость самому все создавать вновь, потому что существующія мнѣнія казались ему шаткими. Онъ даетъ намъ такое живое представленіе о жизни дѣтей и такое глубокое знаніе постепеннаго развитія ихъ духовной жизни, что всякій сразу признаетъ превосходство педагога надъ писателемъ. Никогда жизнь школы, какъ общества развивающихся юныхъ существъ, не была такъ изображена съ такой любовью, такъ поэтически

и въ такихъ живыхъ краскахъ, какъ въ этомъ отчетѣ.

Такое глубокое знаніе дѣтской души выработалъ Толстой не только потому, что былъ руководителемъ, но потому, что лично принималъ участіе въ преподаваніи; съ особенной любовью преподавалъ онъ русскій языкъ, пѣніе и рисованіе, и съ особеннымъ воодушевленіемъ священную исторію, и не только съ желаніемъ способствовать умственному развитію крестьянскихъ мальчиковъ, но и съ сознательнымъ намѣреніемъ пріобрѣсти воспитательные и образовательные принципы. Когда онъ сидѣлъ въ классѣ и разсказывалъ дѣтямъ о дѣяніяхъ славныхъ героевъ древняго міра или о побѣдахъ русскихъ надъ французами, то не упускалъ минуты слѣдить за впечатлѣніемъ, производимымъ его разсказами на умы дѣтей. Ему хотѣлось разрѣшить тогда два вопроса: во-первыхъ, какъ дѣйствуютъ великія событія на юныя сердца, и, во-вторыхъ, насколько вѣрна его манера передачи разсказа.

Такъ какъ Толстой отдавался школьному дѣлу съ полнымъ отсутствіемъ предубѣжденія и съ крайней строгостью къ самому себѣ, то онъ пришелъ къ странному заключенію, что все, что до сихъ поръ считалось въ области педагогіи правильнымъ и непогрѣшимымъ, шло по ложной дорогѣ. Изъ всѣхъ программъ, съ которыми онъ познакомился въ школахъ Гер-

маній, Франціи, Швейцаріи и Англіи, онъ усвоилъ себѣ только два пункта: методу парижскаго учителя пѣнія Chevet и предпочтеніе Ветхаго Завѣта, какъ предмета школьнаго преподаванія.

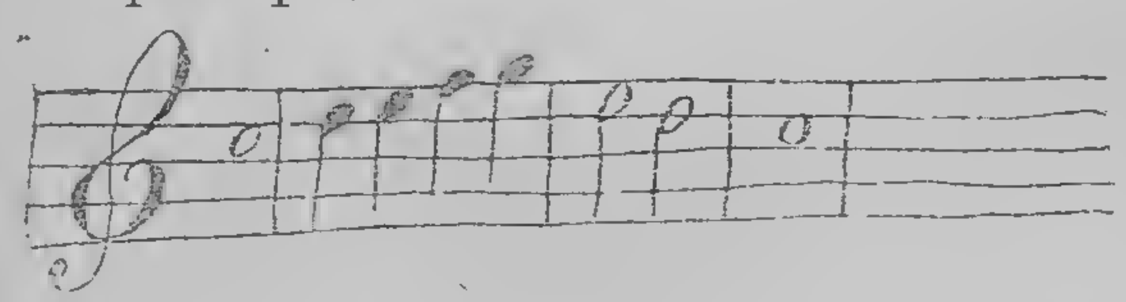
Съ методой Chevet Толстой познакомился въ Парижѣ; ранѣе онъ не принялъ ее, потому что она была методой; но послѣ нѣсколькихъ уроковъ личный опытъ привелъ его постепенно и совершенно незамѣтно къ этой же методѣ.

,,Всѣмъ занимающимся преподаваніемъ пѣнія нельзя достаточно рекомендовать это сочиненіе, на оберточномъ листѣ котораго написано большими буквами ,,Repousse a l'humanite" и теперь расходящееся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ во всей Европѣ. Я видѣлъ въ Парижѣ поразительные примѣры этой методы при преподаваніи самого Chevet. Аудиторія въ 500—600 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, иногда въ 40—50 лѣтъ, поющихъ въ одинъ голосъ à livre ouvert все, что имъ откроетъ учитель. Въ методѣ Chevet есть много правилъ упражненій, предписанныхъ пріемовъ, которые не имѣютъ никакого значенія, и которые каждый умный учитель выдумаетъ сотни и тысячи на полѣ сраженія, т. е. во время класса,... но правила эти не абсолютны и не могутъ составить методу. Изъ этого-то всегда состоитъ источникъ ошибокъ метода. Но у Chevet есть замѣчательныя по своей простотѣ мы-

сли, изъ которыхъ три составляютъ сущность его методы. 1-я, хотя и старая, выраженная еще Ж. Ж. Руссо въ своемъ Dictionaire de musique мысль—выраженія музыкальныхъ знаковъ цифрами. Что бы ни говорили противники этого способа писанія, каждый учитель пѣнія можетъ сдѣлать этотъ опытъ, и всегда убѣдится въ огромномъ преимуществѣ цифръ предъ линейками, какъ при чтеніи, такъ и при писаніи. Я училъ по линейкамъ уроковъ 10 и одинъ разъ только показалъ по цифрамъ, сказавъ что это одно и то же, и ученики всегда просятъ писать цифрами и всегда сами пишутъ цифрами. 2-я замѣчательная мысль, исключительно принадлежащая Chevet, состоитъ въ томъ, чтобы учить звукамъ отдѣльно отъ такта, и наоборотъ. Приложивъ хоть разъ эту методу для обученія, всякій увидитъ, что то, что представлялось неодолимою трудностью, вдругъ становится такъ легко, что только удивляешься какъ прежде никому не пришла такая простая мысль".

Итакъ, Толстой училъ по методѣ Chevet.

Напримѣръ,

Ученикъ сперва поетъ (безъ такта) до—

ре — ми — фа — соль — ми—ре—до; потомъ ученикъ не поетъ, а, ударяя по нотѣ 1-го такта, говоритъ: разъ—два—три—четыре, потомъ по каждой нотѣ второго тона говоритъ: разъ—два—три—четыре; потомъ по 1-ой нотѣ 3-го такта ударяетъ 2 раза и говоритъ: разъ — два, по второй нотѣ третьяго тона и говоритъ: три—четыре и т. д.; а потомъ поетъ то же съ тактомъ и ударяетъ, а другіе ученики вслухъ считаютъ. Это мой способъ, который точно такъ же, какъ и способъ Chevet, нельзя предписывать, который можетъ быть удобенъ, но удобнѣе котораго могутъ быть найдены еще многіе.

Восторженное отношеніе Толстого къ Ветхому Завѣту является непосредственнымъ результатомъ его 3-хъ-лѣтней педагогической дѣятельности. И здѣсь онъ руководится инстинктомъ учениковъ. Ничто такъ не привлекало маленькихъ людей, какъ разсказы изъ Ветхаго Завѣта; то же самое я наблюдалъ въ западныхъ школахъ.

„Я пробовалъ Новый Завѣтъ, пробовалъ русскую исторію и географію, пробовалъ столь любимыя въ наше время объясненія явленій природы, но все это забывалось и слушалось неохотно. Только Ветхій Завѣтъ запоминался и разсказывался страстно, съ восторгомъ, и въ классѣ, и дома, и запоминался такъ, что черезъ два мѣсяца послѣ разсказа дѣти изъ головы

писали священную исторію въ тетрадкахъ съ весьма незначительными пропусками".

„Мнѣ кажется, что книга дѣтства рода человѣческаго всегда будетъ лучшею книгой дѣтства всякаго человѣка. Измѣнять, сокращать Библію, какъ это дѣлаютъ въ учебникахъ Зонтагъ и т. п., мнѣ кажется вреднымъ".

„Ребенокъ, или человѣкъ, вступающій въ школу (я не дѣлаю никакого различія между 10 и 30 или 70-лѣтнимъ человѣкомъ), вноситъ за собой свой извѣстный, вынесенный имъ изъ жизни и любимый имъ взглядъ на вещи. Для того, чтобы человѣкъ какого бы то ни было возраста сталъ учиться, надобно, чтобъ онъ полюбилъ ученье, нужно, чтобы онъ созналъ ложность, недостаточность своего взгляда на вещи и чутьемъ бы предчувствовалъ то новое міросозерцаніе, которое ему откроетъ ученье. Ни одинъ человѣкъ и ребенокъ не былъ бы въ силахъ учиться, если бы будущность его ученья представлялась ему только искусствомъ писать, читать или считать; ни одинъ учитель не могъ бы учить, если-бъ онъ не имѣлъ въ своей власти міросозерцанія выше того, которое имѣютъ ученики. Для того, чтобы ученикъ могъ отдаться весь учителю, нужно открыть ему одну сторону того покрова, который скрывалъ отъ него всю прелесть того міра мысли, знанія и поэзіи, въ который должно ввести его ученье.

Только находясь подъ постояннымъ обаяніемъ этого впереди его блестящаго свѣта, ученикъ въ состояніи такъ работать надъ собой, какъ мы того отъ него требуемъ".

„Какія же средства имѣемъ мы для того, чтобы поднять предъ учениками этотъ край завѣсы?.. Какъ я говорилъ, я думалъ, какъ и многіе думаютъ, что, находясь самъ въ томъ мірѣ, въ который мнѣ надо ввести учениковъ, мнѣ легко будетъ это сдѣлать, и я училъ грамотѣ, я объяснялъ явленія природы, я разсказывалъ, какъ въ азбучкахъ, что плоды ученья сладки, но ученики не вѣрили мнѣ и все чуждались. Я попробовалъ читать имъ Библію и вполнѣ завладѣлъ ими. Край завѣсы былъ поднятъ, и они отдались мнѣ совершенно. Они полюбили и книгу, и ученье, и меня. Мнѣ оставалось только руководить ими дальше. Послѣ Ветхаго Завѣта я разсказалъ имъ Новый Завѣтъ, они все больше любили ученье и меня. Потомъ я разсказывалъ имъ всеобщую, русскую, естественную исторію; послѣ Библіи они все слушали, всему вѣрили, все дальше и дальше просились, и дальше и дальше раскрывались предъ ними перспективы мысли, знанія и поэзіи... Для того, чтобъ открыть ученику новый міръ и безъ знанія заставить его полюбить знанія, нѣтъ книги кромѣ Библіи. Я говорю даже для тѣхъ, которые не смотрятъ на Библію, какъ на от-

кровеніе. Нѣтъ, по крайней мѣрѣ, я не знаю произведенія, которое соединяло бы въ себѣ въ столь сжатой поэтической формѣ всѣ тѣ стороны человѣческой мысли, какъ соединяетъ въ себѣ Библія. Всѣ вопросы изъ явленій природы объяснены этою книгой, всѣ первоначальныя отношенія людей между собой, семьи, государства, религіи, въ первый разъ сознаются по этой книгѣ. Обобщенія мыслей, мудрость въ дѣтски-простой формѣ въ первый разъ захватываетъ своимъ обаяніемъ умъ ученика. Лиризмъ псалмовъ Давида дѣйствуетъ не только на умы взрослыхъ учениковъ, но, сверхъ того, каждый изъ этой книги въ первый разъ узнаетъ всю прелесть эпоса въ неподражаемой простотѣ и силѣ. Кто не плакалъ надъ исторіей Іосифа и встрѣчей его съ братьями, кто съ замираніемъ сердца не разсказывалъ исторію связаннаго и остриженнаго Самсона, который, отмщая врагамъ, самъ гибнетъ, казня враговъ, подъ развалинами разрушеннаго храма, и еще сотни другихъ впечатлѣній, которыми мы воспитаны какъ молокомъ матери?..“

„Я повторяю свое, выведенное, можетъ быть, изъ односторонняго опыта, убѣжденіе. Безъ Библіи не мыслимо въ нашемъ обществѣ, такъ же, какъ не могло быть мыслимо безъ Гомера въ греческомъ обществѣ, развитіе ребенка и человѣка. Библія есть единственная книга для первона-

чальнаго и дѣтскаго чтенія. Библія, какъ по формѣ, такъ и по содержанію должна служить образцомъ всѣхъ дѣтскихъ руководствъ и книгъ для чтенія. Простонародный переводъ Библіи былъ бы лучшая народная книга. Появленіе такого перевода въ наше время составило бы эпоху въ исторіи русскаго народа“.

IX.

ПЕДОГОГИЧЕСКІЯ ТЕОРІИ.

Журналъ „Ясная Поляна“.—О народномъ образованіи.—О методѣ элементарнаго обученія.—Книга для народнаго и дѣтскаго чтенія.—Критическіе отзывы о журналѣ.—Е. Марковъ.—Возраженія Толстого; прогрессъ и отрицаніе образованія.—Воспитаніе и образованіе.—Кто ученикъ и кто учитель?

Педагогическая дѣятельность Толстого вызывала въ немъ потребность педагогической исповѣди. Человѣкъ, внесшій въ школу что-то свое, къ чему еще не привыкли, понятно, долженъ былъ чувствовать желаніе **создать** свою методу, и стремился болѣе, чѣмъ кто другой, высказаться, чтобы дать отчетъ и другимъ о своей дѣятельности.

Метода Толстого состояла въ сущности

въ отрицаніи всякой методы, въ индивидуализаціи преподаванія; онъ руководился только своими отношеніями къ ученикамъ и придерживался того мнѣнія: кто хочетъ учить другихъ, тотъ долженъ прежде всего обладать истиной, достойной ученія; но такъ какъ ученый преподавательскій персоналъ не обладалъ этой истиной, то, слѣдовательно, не могъ быть и руководителемъ низшаго класса. Народъ и ребенокъ при обученіи должны имѣть въ своихъ желаніяхъ болѣе надежныя руководства, чѣмъ тѣ, которыя предоставляли имъ опытъ и изслѣдованіе. Взгляды Толстого такъ же, какъ и его педагогическая дѣятельность рѣзко противорѣчили всему тому, что до тѣхъ поръ считали необходимыми теоретическими принципами, но и онъ самъ не былъ въ нихъ увѣренъ. Они только давали пищу его пытливому уму, и только одинъ публичный обмѣнъ мнѣній могъ выяснить ему сущность этихъ взглядовъ. Да, въ той ревности, съ которой онъ отдался педагогической дѣятельности и въ принципіальномъ отрицаніи права образованныхъ обучать необразованную часть націи, не подлежащей никакому сомнѣнію истинѣ, — лежало неразрѣшимое противорѣчіе. Мысли и сердце расходились,—побѣдителемъ, понятно, оставалось сердце.

Педагогъ Ясной Поляны рѣшился издавать педагогическій журналъ и далъ ему имя своего имѣнія. Въ іюлѣ 1861 г. Тол-

стой объявляетъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ о выходѣ въ свѣтъ своего журнала.

Въ августовской книжкѣ „Современника“ Панаевъ съ радостью привѣтствуетъ „смѣлую и благородную попытку“ Толстого и желаетъ ему „полной свободы на новомъ, трудномъ и до сихъ поръ никому невѣдомомъ поприщѣ“.

Въ январѣ 1862 г. вышелъ въ свѣтъ первый № этого журнала. Программа была ясно намѣчена: педагогическія статьи, отчетъ школы и, какъ дополненіе, разсказы для народа и юношества. Эти разсказы выходили отдѣльными книжечками; въ первые три мѣсяца они не были отмѣчены въ оглавленіи журнала, а впослѣдствіи они числились на оберткѣ журнала, какъ приложенія. Журналъ назывался:

Ясная Поляна.
Школа.
Журналъ педагогическій,
издаваемый
гр. Л. Н. Толстымъ.

На немъ стоялъ нѣмецкій эпиграфъ:

Glaubst zu schieben und wirst geschoben?

Въ своей краткой рѣчи, обращенной къ публикѣ, издатель говоритъ:

„Выступая на новое для меня поприще, мнѣ становится страшно и за себя, и за тѣ мысли, которыя годами вырабатывались во мнѣ и которыя я считаю за истинныя. Я напередъ убѣжденъ, что многія изъ этихъ мыслей окажутся ошибочными. Какъ

бы я ни старался изучать предметъ, я невольно смотрѣлъ на него съ одной стороны. Надѣюсь, что мои мысли вызовутъ противныя мнѣнія. Всѣмъ мнѣніямъ я съ удовольствіемъ дамъ мѣсто въ своемъ журналѣ. Одного я боюсь, чтобы мнѣнія эти не выражались желчно, чтобы обсужденіе столь дорогого и важнаго для всѣхъ предмета, какъ народное образованіе, не перешло въ насмѣшки, въ личности, въ журнальную полемику. Я не скажу, что насмѣшки и личности не могутъ меня затронуть, что я надѣюсь стоять выше ихъ. Напротивъ, я признаюсь, что боюсь за себя одинаково, какъ боюсь и за самое дѣло; боюсь увлеченья полемикой личной, вмѣсто спокойной и упорной работы надъ своимъ дѣломъ.

Поэтому я прошу всѣхъ будущихъ противниковъ моихъ мнѣній выражать свои мысли такъ, чтобы я могъ объясниться и приводить доказательства тамъ, гдѣ несогласіе будетъ зависѣть отъ недоразумѣній, и могъ бы соглашаться тамъ, гдѣ мнѣ будетъ доказана несостоятельность моихъ мнѣній".

Значитъ цѣлью Толстого было предоставить въ своемъ журналѣ свободное мѣсто постороннимъ мнѣніямъ для разъясненія, по мнѣнію Льва Николаевича, совершенно неяснаго вопроса о народномъ образованіи, а не простое развитіе взглядовъ,

хотя и пріобрѣтенныхъ серьезнымъ изученіемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ.

Этому соотвѣтствуетъ и высказанная просьба въ томъ номерѣ (стр. 33), сообщить ему возможно больше фактовъ изъ жизни школъ. Не однимъ обмѣномъ теоретическихъ мнѣній можно было достигнуть педагогическихъ принциповъ, пригодныхъ для народныхъ школъ, но точными знаніями потребностей народа, его вкуса и, прежде всего, тѣмъ, что было создано самимъ народомъ на почвѣ школьнаго дѣла.

Первая книжка журнала содержитъ въ себѣ, кромѣ руководящей статьи „О народномъ образованіи" и коротенькую статью „О значеніи описаній школъ и народныхъ книгъ", и „Отчетъ Ясно-Полянской школы за ноябрь и декабрь мѣсяцы", и три небольшихъ сочиненія трехъ учителей Ясно-Полянской школы того же направленія. Въ одномъ изъ нихъ студентъ М. Б., преподававшій въ школѣ только двѣ недѣли, разсказываетъ о неудачѣ въ своей педагогической дѣятельности; во второмъ—„Житовская школа за два мѣсяца", И. И. Авксентьевъ говоритъ о затрудненіяхъ, возникавшихъ отъ незрѣлости народа, тормазившихъ всѣ старанія поднять школу; въ третьемъ—помощникъ Толстого, А. Т. даетъ намъ только перечень книгъ, находящихся въ Ламинцовской волости.

* *
*

Въ главномъ отдѣлѣ первой книжки издатель трактуетъ свои принципіально отрицательные взгляды на „народное образованіе“.

Народное образованіе представляло для него всегда и вездѣ непонятное явленіе. Народъ хочетъ образованія, и каждая отдѣльная личность безсознательно стремится къ образованію. Болѣе образованный классъ людей—общество, правительство—стремится передать свои знанія и образовать низшій классъ народа. Казалось, такое совпаденіе потребностей должно было бы удовлетворить какъ ту, такъ и другую стороны, но выходитъ наоборотъ: народъ постоянно противодѣйствуетъ тѣмъ усиліямъ, которыя употребляетъ для его образованія общество или правительство, и эти усилія большею частью остаются безуспѣшными. Подобное явленіе наблюдается и въ европейскихъ школахъ со временъ Лютера и до нашего времени.

Такимъ образомъ возникло у насъ школьное принужденіе. Школьное принужденіе было-бы тогда законнымъ, если-бы „образовывающее общество имѣло какія нибудь основанія для того, чтобы знать, что образованіе, которымъ оно владѣло въ извѣстной формѣ, было благо для извѣстнаго народа и въ извѣстную историческую эпоху“.

Въ средніе вѣка, когда метода была одна и вся наука сосредоточивалась въ Библіи, книгахъ Августина и Аристотеля, тогда принудительное ученіе имѣло основаніе. „Но гдѣ же взять въ наше время ту силу вѣры въ несомнѣнность своего знанія, которая бы могла намъ дать право насильно образовывать народъ"?

Только образованіе, имѣющее своей основой религію, т. е. Божественное откровеніе, въ истинѣ и законности котораго никто не можетъ сомнѣваться, неоспоримо должно быть прививаемо народу, и насиліе въ этомъ, но только въ этомъ случаѣ, законно. Такъ до сихъ поръ и дѣлаютъ миссіонеры въ Африкѣ и Китаѣ. Но въ наше время, когда религіозное образованіе составляетъ только малую часть образованія, и вопросъ о томъ, какое основаніе имѣетъ школа принуждать учиться молодое поколѣніе, остается нерѣшеннымъ съ религіозной точки зрѣнія.

Всѣ педагогически-философскія теоріи имѣютъ цѣлью и задачею образованіе добродѣтельныхъ людей. Но упадокъ и процвѣтаніе добродѣтели не зависятъ отъ образованія. Добродѣтель, къ которой стремятся всѣ философскія теоріи педагогики, предполагаетъ еще теорію этики. Платонъ не сомнѣвается въ своей этикѣ и на ея основаніи строитъ свое воспитаніе. Шлеймахеръ говоритъ, что этика—наука еще не оконченная. Но на вопросъ: чему и какъ

должно учить народъ?— ни одна теорія не даетъ положительнаго отвѣта. Являются одновременно различныя теоріи, противоположныя одна другой. „Богословское направленіе борется съ схоластическимъ, схоластическое съ классическимъ, классическое съ реальнымъ". Являются тысячи различныхъ, самыхъ странныхъ, ни на чемъ не основанныхъ теорій, какъ Руссо, Песталоцци, Фребеля и т. д. Гдѣ обманъ, гдѣ истина? Прослѣдивъ ходъ исторіи философіи педагогики, найдемъ въ ней не критеріумъ образованія, но, напротивъ, общую мысль, убѣждающую насъ въ отсутствіи этого критеріума. Всѣ, начиная отъ Платона и до Канта, стремятся къ одному: освободить школу отъ историческихъ узъ, тяготѣющихъ надъ нею, и хотятъ удалить то, что нужно человѣку; и на этихъ, болѣе или менѣе вѣрно угаданныхъ потребностяхъ строятъ свою новую школу. Такъ Лютеръ заставляетъ учить священное писаніе въ подлинникѣ, а не по комментаріямъ святыхъ отцовъ. Бэконъ заставляетъ изучать природу изъ самой природы, а не изъ книгъ Аристотеля. Руссо хочетъ учить жизни изъ самой жизни, какъ онъ ее понимаетъ, а не изъ прежде бывшихъ опытовъ. „Каждый шагъ философіи педагогики состоитъ только въ томъ, чтобы освобождать школу отъ мысли обученія молодыхъ поколѣній тому, что старыя поколѣнія считали наукой, къ мысли обученія тому, что

лежитъ въ потребностяхъ молодыхъ поколѣній. Эта общая, противорѣчащая сама себѣ, мысль чувствуется во всей исторіи педагогики. Потому то прежде всего требуютъ большей свободы школъ и въ то же время создаютъ теорію, стѣсняющую свободу".

Опытъ говоритъ намъ также противъ методы принудительнаго образованія. Въ Германіи, Франціи и Англіи образованіе стоитъ выше, потому что тамъ образовываетъ сама жизнь; но и тамъ школы дѣйствуютъ, какъ мѣтко выразились нѣмцы, „verdummend". Ученики и ихъ родители не выносятъ школъ: отецъ посылаетъ сына противъ своего желанія и считаетъ дни до того времени, какъ сынъ сдѣлается „schulfrei" (т. е. свободнымъ отъ занятій школы). Весьма обыкновенно слышать и читать мнѣніе, что домашнія условія суть главныя помѣхи школьному образованію, но пора убѣдиться, что эти условія главныя основанія всякаго образованія, что въ нихъ только создаются понятія и представленія. Вообще школа должна итти рука объ руку съ жизнью. „Всякое ученье должно быть только отвѣтомъ на вопросъ, возбужденный жизнью". При нашемъ понудительномъ устройствѣ школъ, „не пастырь для стада, а стадо для пастыря". Благодаря вѣчному стремленію педагогики „mécaniser l'instruction", подавляются высшія способности, какъ напримѣръ: воображеніе, твор-

чество, соображеніе, для развитія механическаго чтенія и счета. Эти школы вредны и физически, не говоря уже о вновь изобрѣтенныхъ заведеніяхъ Kleinkinderbewahranstalten, infantschools, salles d'asile! „Не достаетъ только изобрѣтенія паровой машины, которая замѣнила бы мать-кормилицу".

Но, можетъ быть, *исторія* отвѣтитъ намъ: на чемъ основано право принуждать къ образованію и родителей и учениковъ? Потому, чѣмъ далѣе идетъ общее образованіе, тѣмъ больше дѣлается пропасть между школой и современнымъ образованіемъ, тѣмъ богаче образовательными элементами становится сама жизнь.

И если даже **нѣмцы** на основаніи двухсотъ-лѣтняго существованія школы исторически защищаютъ ее, то у насъ нѣтъ никакого на это историческаго права. Европейскіе народы имѣютъ cercle vicieux, состоящій въ томъ, что школа должна была двигать безсознательное образованіе, а безсознательное образованіе двигать школу. Европейскіе народы побѣдили эту трудность, но въ борьбѣ не могли не утратить многаго. Мы же призваны, чтобы съ яснымъ взглядомъ совершить новый путь на этомъ поприщѣ (сравни мнѣніе Толстого, высказанное Фребелю, выше). Общаго разумнаго закона, критеріума, оправдывающаго насиліе, употребляемое школами противъ народа—нѣтъ, потому всякое по-

дражаніе европейской школѣ въ отношеніи принудительности школы „будетъ шагъ не впередъ, но назадъ для нашего народа, будетъ измѣной своему призванію“.

„Что же намъ, русскимъ, дѣлать въ настоящую минуту?.. Перестанемъ же смотрѣть на противодѣйствіе народа нашему образованію, какъ на враждебный элементъ педагогики, а, напротивъ, будемъ видѣть въ немъ выраженіе воли народа, которою одною должна руководиться наша дѣятельность“. Образовывающійся долженъ уклониться отъ того образованія, которое по инстинкту не удовлетворяетъ его, что **критеріумъ педагогики** есть только **одинъ — свобода.**

Основаніемъ нашей дѣятельности служитъ убѣжденіе, что опредѣленіе педагогики и ея цѣли въ философскомъ смыслѣ невозможно, безполезно и вредно.

Единственный методъ образованія есть опытъ, а единственный критеріумъ его есть свобода.

Доказать приложимость и законность нашихъ убѣжденій и составляетъ главную задачу журнала „Ясная Поляна“.

Въ такомъ же духѣ помѣщена въ февральской книжкѣ большая статья „О методахъ обученія грамотѣ“. Въ ней съ такой же, если не съ большей строгостью передаетъ авторъ-издатель свои взгляды, выраженные въ первой статьѣ первой книжки „О народномъ образованіи“.

Въ этой статьѣ первое мѣсто принадлежитъ разработкѣ вопроса, что дѣйствительно ли чтеніе и письмо, какъ вообще предполагаютъ, составляютъ главный элементъ образованія. На этотъ вопросъ графъ Толстой отвѣчаетъ отрицательно и находитъ, что для обученія чтенію и письму есть единственная правильная метода—свобода и опытъ. И успѣхъ этой методы зависитъ исключительно отъ таланта учителя. Левъ Николаевичъ Толстой не вѣритъ въ попытки приготовленія какихъ бы то ни было учителей, какъ въ нашемъ педагогическомъ институтѣ, такъ и въ учительской семинаріи въ Германіи и нормальныхъ школахъ во Франціи и Англіи, и убѣжденъ въ невозможности заготовлять учителей, въ особенности народныхъ, какъ художниковъ и поэтовъ—какъ замѣчаетъ онъ въ своей статьѣ „Проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ". Разсужденія графа Толстого о Золотовской и Лаутиръ методахъ и примѣненія ихъ къ отдѣльнымъ языкамъ говорятъ только о его великомъ умѣ и добросовѣстномъ изученіи, которому графъ Толстой посвятилъ себя на Западѣ; и какъ въ статьѣ „О народномъ образованіи" онъ приходитъ къ конечному результату, что Россія, пользуясь опытомъ культурныхъ народовъ Запада, могла бы избѣжать многихъ ошибокъ и борьбы, неизбѣжныхъ для Запада, такъ и въ этой статьѣ его зоркій взглядъ

признаетъ большимъ преимуществомъ русскаго языка передъ западно-европейскими, когда онъ указываетъ, что въ кириллицѣ всякій звукъ произносится, какъ онъ есть, чего нѣтъ ни въ одномъ языкѣ.

Ходъ мыслей этой богатой идеями статьи слѣдующій:

Всѣми какъ будто признано за несомнѣнную истину, что задача народной школы есть обученіе грамотѣ, что грамотность есть первая ступень образованія и что потому необходимо найти лучшій методъ этого обученія. Составляется общество людей, имѣющее цѣлью народное образованіе—печатаніе хорошихъ и дешевыхъ книгъ для народа, учрежденіе школъ и т. п. Однако такихъ книгъ нѣтъ, не только у насъ, но и въ Европѣ. Нужно ихъ сочинить или выбрать и перевести самое лучшее изъ европейской народной литературы.

Но развѣ дѣйствительно грамотность есть первая ступень къ образованію? Что общаго между грамотностью и образованіемъ? Грамотность есть извѣстное искусство (Fertigkeit), образованіе есть знаніе фактовъ и ихъ соотношеній. Если въ образованіи мы будемъ разумѣть не одно только школьное образованіе, но и жизненное образованіе, то увидимъ, что грамотность не имѣетъ ничего общаго съ образованіемъ. Есть много людей образованныхъ жизнью, не знающихъ грамоты,

и, наоборотъ, мы видимъ людей, знающихъ грамоту и не пріобрѣтшихъ вслѣдствіе этого искусства (Fertigkeit) никакихъ новыхъ знаній. Правда, что для достиженія той степени образованія, внѣ предѣловъ которой мы не можемъ себѣ и представить образованіе, грамотность необходима. Но у насъ существуютъ другія ступени образованія, которыя „не ниже, а совершенно внѣ и независимо отъ нашей школы". Три четверти рода человѣческаго образовываются безъ грамотности. Если уже мы непремѣнно хотимъ образовывать народъ, то должны спросить у него, какъ онъ образовывается и какія его любимыя орудія для этой цѣли. Въ Европѣ уже давно учатъ грамотѣ, а народной литературы нѣтъ, т. е. народъ—классъ людей, исключительно занятый работой—нигдѣ не читаетъ книгъ. Кажется, что это явленіе заслуживало бы вниманія, а между тѣмъ думаютъ помочь дѣлу, только продолжая учить грамотѣ. Можете искать причину отсутствія народной литературы, гдѣ вамъ угодно, но фактъ, что ея нѣтъ, остается фактомъ, также и противодѣйствіе народа образованію посредствомъ грамотности, тѣмъ не менѣе, существуетъ во всей Европѣ; точно также существуетъ во всей Европѣ и взглядъ образовывающаго класса на школу грамотности, какъ на первую ступень образованія.

Но каковъ историческій ходъ образова-

нія? Прежде основались не низшія, а высшія школы: сначала монастырскія, потомъ среднія, потомъ народныя. У насъ, въ Россіи, прежде всего основана академія, потомъ университеты, потомъ гимназіи, потомъ уѣздныя училища, а потомъ уже народныя. Изъ гимназіи только $^1/_5$ не поступаетъ въ университетъ, изъ уѣзднаго училища $^1/_5$ только поступаетъ въ гимназію, изъ народной школы $^1/_{1000}$ поступаетъ въ высшее учебное заведеніе. Слѣдовательно, нѣтъ никакой связи между низшими и высшими школами. А между тѣмъ только этой связью и можетъ объясниться взглядъ на народныя школы, какъ на школы грамотности.

Ежели вопросъ поставить такъ: полезно или нѣтъ для народа первоначальное образованіе? то никто не можетъ отвѣтить отрицательно. Ежели же спросятъ: полезно или нѣтъ выучить народъ читать, когда онъ не умѣетъ читать, и у него нѣтъ книгъ для чтенія, то надѣюсь, говоритъ Левъ Николаевичъ, что всякій безпристрастный человѣкъ отвѣтитъ: не знаю; точно также не знаю, какъ не знаю, полезно ли было бы выучить весь народъ играть на скрипкѣ или шить башмаки. Большинство отвѣтитъ противъ грамотности, принявъ во вниманіе продолжительное принужденіе, несоразмѣрное развитіе памяти, ложное понятіе о законченности науки, отвращеніе къ дальнѣйшему образованію, ложное

самолюбіе и средство къ безсмысленному чтенію, которыя пріобрѣтаются въ этихъ школахъ.

Народная школа должна отвѣчать на потребности народа,—вотъ и все, что мы можемъ сказать положительнаго на вопросъ, въ чемъ состоитъ задача и программа народной школы. Грамотность составляетъ одну малую, незамѣтную часть этихъ потребностей, а потому вопросъ: какъ учить поскорѣе грамотѣ и по какому методу? — является мало интереснымъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Необходимая пропорція грамотности пріобрѣтается самимъ народомъ: пономарь или солдатъ учатъ, по своей, ими созданной методѣ, а мужикъ изъ трехъ сыновей одного отдаетъ на выучку грамотѣ, какъ въ портные, и тѣмъ удовлетворяется законная потребность того и другого. Но главная задача при обученіи грамотѣ состоитъ въ томъ, чтобы выучить понимать читанное, и объ этой самой нужной, трудной и еще не найденной методѣ ничего не слышно.

Разсмотрѣвъ подробно различныя методы, господствующія въ Западной Европѣ, особенно подъ вліяніемъ нѣмецкихъ изслѣдованій, и послѣ рѣзкихъ нападокъ на Лаутиръ методу въ связи съ нагляднымъ обученіемъ (такъ наз. Fischbuch и употребляемая особенно въ Германіи), графъ Левъ Николаевичъ Толстой приходитъ къ слѣдующему заключенію: «Лучшая метода

для извѣстнаго учителя есть та, которая болѣе всѣхъ другихъ знакома учителю. Всякій учитель грамоты долженъ твердо знать и опытомъ своимъ провѣрить одну, выработанную въ народѣ, методу; долженъ стараться узнавать наибольшее число методъ, принимая ихъ, какъ вспомогательныя средства; долженъ, принимая всякое затрудненіе пониманія ученика не за недостатокъ ученика, а за недостатокъ своего ученія, стараться развивать въ себѣ способность изобрѣтать новые пріемы. Наилучшій учитель будетъ тотъ, у кого сейчасъ подъ рукою готово разъясненіе того, что остановило ученика. Разъясненія эти даютъ учителю знаніе наибольшаго числа методъ, способность придумывать новыя методы и главное—не слѣдованіе одной методѣ, а убѣжденіе въ томъ, что всѣ методы односторонни и что наилучшая метода была бы та, которая отвѣчала бы на всѣ возможныя затрудненія, встрѣчаемыя ученикомъ, т.-е. не метода, а искусство и талантъ».

Въ февральской книжкѣ продолжается затѣмъ описаніе школъ въ различныхъ деревняхъ. Такъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ сотрудниковъ графа, какъ педагогическаго дѣятеля, А. Эрленвейнъ, описываетъ „школу въ Бабуринѣ.“ Самъ графъ Толстой помѣщаетъ здѣсь свой разсказъ объ открытіи новыхъ школъ въ томъ

уѣздѣ, гдѣ онъ былъ мировымъ посредникомъ.

Въ мартовской книжкѣ идетъ продолженіе „Отчета Ясно-Полянской школы за ноябрь и декабрь мѣсяцы". Одинъ изъ приглашенныхъ имъ учителей А. Т. описываетъ намъ еще личный опытъ въ своей школѣ, а передовая статья этого журнала составляетъ критику „Проекта общаго плана устройства народныхъ училищъ". Одновременно съ номерами журнала вышли въ свѣтъ (какъ было уже сказано выше), какъ отдѣльное приложеніе, книжки для дѣтскаго чтенія. Эти книжки не были писаны самимъ графомъ. Всѣ въ Ясной Полянѣ, кто только принималъ участіе въ духовныхъ стремленіяхъ молодого помѣщика, всѣ работали надъ ихъ составленіемъ: учителя, дамы, — графиня Марія, а впослѣдствіи и молодая графиня Софья Андреевна,—и, наконецъ, ученики школы. Графъ Толстой давалъ темы и редактировалъ написанное. Но, несмотря на это, все писалось въ его духѣ, потому что вся колонія образованныхъ людей, жившихъ въ его имѣніи, добровольно подчинялась его духу, и слово его имѣло силу и тамъ, гдѣ чьи-нибудь мнѣнія не согласовались съ его мнѣніями и требовали измѣненій.

Въ самыхъ простыхъ выраженіяхъ, доступныхъ для народнаго пониманія, графъ Толстой пытается разсказать своимъ ученикамъ занимательныя исторіи на разно-

образныя темы. Первый разсказъ былъ назначенъ исключительно для его учениковъ. *Сюжетъ заимствованъ изъ франц. разсказа.* Суть этого разсказа заключалась въ приключеніяхъ маленькаго Матвѣя, котораго отецъ, скромный столяръ, не зная самъ грамоты, посылаетъ въ школу, поучиться тамъ чему нибудь. Затѣмъ шла исторія про монаха Ѳедора и т. д.

Въ двухъ тетрадкахъ помѣщалась исторія Робинзона и любимая сказка изъ Тысячи одной ночи, объ Али-Бабѣ и 40 разбойникахъ. Понятно, что арабскія сказки подверглись измѣненію: вмѣсто восточныхъ героевъ на сцену выступили Дуняшка, Евдокимъ, Петръ Ивановичъ и др. Такимъ образомъ здѣсь помѣщались рядомъ и религіозные и свѣтскіе разсказы, непосредственно взятые изъ жизни и поучительные въ культурно-историческомъ отношеніи; реалистическая правда шла рядомъ съ фантастическимъ вымысломъ, къ тому же обмѣнъ мѣстъ дѣйствія, такъ напр., въ повѣсти „Матвѣй“ мѣстомъ дѣйствія является Францiя, и это вызываетъ развитіе географическихъ познаній, представленій о другихъ народахъ и ихъ нравахъ.

Въ третью книжку входитъ новая рубрика: „Работы деревенскихъ дѣтей“. Подъ этимъ заглавіемъ издатель выпускаетъ небольшія повѣсти и описанія, написанныя учениками на тему самого графа, или его

помощниковъ, учителей. Опытъ убѣждалъ его, что этотъ отдѣлъ читается публикой охотно. По мнѣнію графа Толстого, эти повѣсти должны составлять достойный матеріалъ, если, конечно, онъ сумѣетъ отнестись къ нимъ съ правильной точки зрѣнія.

*
* *

Педагогическій журналъ съ подобной программой является для русской читающей публики чѣмъ-то новымъ. Онъ вызвалъ сочувствіе не только со стороны педагоговъ, которымъ вопросъ о народномъ образованіи стоялъ уже по спеціальности близокъ, но привлекъ вниманіе и профановъ, которые въ педагогической дѣятельности графа признавали только одну часть его общаго стремленія къ нравственному поднятію народа. Уже при выходѣ первой книжки онъ могъ сообщить своимъ читателямъ, что одна благотворительница, пожелавшая остаться неизвѣстной, прислала ему 1000 руб. на народныя нужды. Въ письмѣ, къ которому прилагались деньги, стояло, что деньги могутъ быть употреблены по его усмотрѣнію на больницу или на школу.

Въ мартовской книжкѣ онъ могъ уже дать полный отчетъ объ употребленіи этихъ денегъ. Часть ихъ графъ роздалъ бѣднымъ старикамъ, часть употребилъ на

открытіе новой школы, которая уже тогда насчитывала въ своихъ стѣнахъ до 15-ти учениковъ.

Только одно было удивительно и непонятно, что такой замѣчательный беллетристъ-писатель, какъ Левъ Николаевичъ Толстой, стяжавшій себѣ такое громкое имя и славу у читающей публики и ставшій рядомъ съ ея любимцами, какъ Тургеневъ и др., вдругъ посвятилъ себя новой дѣятельности—педагогической. Но больше всего противорѣчій вызвали его радикальныя воззрѣнія. Только тѣ, которые близко къ нему стояли, отлично знали, что графъ Левъ Николаевичъ издавна избѣгалъ проторенныхъ дорожекъ, а употреблялъ всѣ силы на отысканіе новыхъ путей; они знали также, что школа еще съ юныхъ лѣтъ была завѣтной мечтой народолюбиваго помѣщика, что теперь, когда должность мирового посредника продлила его пребываніе въ деревнѣ и снова привела его въ болѣе тѣсное и сердечное общеніе съ народомъ, въ немъ снова ожилъ идеалъ его юности. Но для всѣхъ остальныхъ, стоявшихъ въ сторонѣ отъ графа, было ново и поразительно все, что предлагалъ имъ журналъ „Ясная Поляна“.

„Современникъ“, который уже имѣлъ случай радостно привѣтствовать появленіе педагогическаго журнала, былъ первымъ, посвятившимъ ему подробную замѣтку. Попытка создать органъ для разработки

школьнаго и народо-образовательнаго вопроса казалась „Современнику“ достойной похвалы. Съ должной оцѣнкой относится онъ и къ открытой школѣ въ Ясной Полянѣ, судя о ней по отчетамъ, помѣщеннымъ въ первыхъ двухъ книжкахъ журнала. Но и критикъ „Современника“ тоже указываетъ на противорѣчіе между теоретическими взглядами Льва Николаевича и его дѣятельностью. Если-бъ человѣкъ не зналъ, чему и какъ онъ долженъ учить, если-бъ онъ не зналъ, имѣетъ ли онъ право обучать народъ, то онъ не долженъ бы былъ и лично открывать школу и играть въ ней роль учителя. А если онъ къ тому же и того мнѣнія, что его школа превосходна и что посѣщеніе ея приноситъ ученикамъ пользу, то это уже является полнѣйшимъ противорѣчіемъ.

Въ дѣйствительности практика школы превосходна, но теоріи ея руководителя ложны. Критикъ упрекаетъ издателя журнала въ недостаточности знанія исторіи педагогики. „Прежде чѣмъ учить Россію вашей педагогической мудрости, поучитесь сами, думайте, попытайте пріобрѣсти болѣе опредѣленные общіе взгляды на вопросы о народномъ образованіи. Ваши чувства благородны, стремленія прекрасны, — это уже можетъ удовлетворить вашу личную педагогическую дѣятельность. У васъ дѣтей не сѣкутъ и не бранятъ, наоборотъ, къ нимъ относятся съ отеческой любовью —

и это превосходно; но для установленія общихъ принциповъ какой нибудь науки требуются не одни благородныя чувства. Нужно стоять на высотѣ науки, а не довольствоваться личными наблюденіями и безсистемнымъ чтеніемъ излюбленныхъ статей". Далѣе онъ рисуетъ довольно мастерски картины, чтобы убѣдить издателя-графа въ томъ, что можно быть отличнымъ учителемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и плохимъ педагогомъ-теоретикомъ. „Развѣ не можетъ напр., какой нибудь полуграмотный засѣдатель уѣзднаго суда быть человѣкомъ добрымъ и честнымъ, обращаться съ просителями ласково, стараться по справедливости рѣшать дѣла, попадающія ему въ руки. Если онъ таковъ, онъ очень хорошій засѣдатель уѣзднаго суда, и его практическая дѣятельность очень полезна. Но способенъ ли онъ при всей своей опытности и благонамѣренности быть законодателемъ, если онъ не имѣетъ ни юридическаго образованія, ни знакомства съ общимъ характеромъ современныхъ убѣжденій? Чѣмъ-то очень похожимъ на него являетесь вы: рѣшитесь или перестать писать теоретическія статьи, или учиться, чтобы стать способнымъ писать ихъ".

Книжки для дѣтскаго чтенія критикъ „Современника" хвалитъ только по отношенію къ слогу; во всемъ же остальномъ онъ видитъ отсутствіе системы.

Почти въ томъ же духѣ высказывается

по этому поводу (въ майской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1862 г.) въ статьѣ своей: „Теорія и практика Ясно-Полянской школы“, одинъ изъ первыхъ русскихъ педагоговъ Е. Марковъ. Въ то время Марковъ былъ учителемъ въ тульской гимназіи. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ помѣщикомъ Ясной Поляны, и еще юношеское стремленіе графа къ школѣ заинтересовало и возбудило сочувствіе Маркова. Онъ часто и много говорилъ съ яснополянскимъ мудрецомъ о вопросахъ народнаго образованія и никогда не скрывалъ отъ него, что не раздѣляетъ его воззрѣній; но и онъ питалъ большую симпатію къ практической дѣятельности графа въ его Ясно-Полянской школѣ.

По мнѣнію Маркова, **Ясно-Полянская школа превосходитъ всѣ извѣстныя ему народныя школы.** Но это превосходство видитъ онъ не въ педагогическихъ воззрѣніяхъ ея учредителя и руководителя, а въ счастливомъ, исключительномъ положеніи школы. Эта школа, какъ онъ правильно замѣчаетъ, служитъ предметомъ самой ревностной заботы образованнаго, талантливаго и не имѣющаго нужды заботиться о матеріальномъ благосостояніи человѣка. Поэтому-то Ясно-Полянская школа и не можетъ служить образцомъ для народныхъ школъ. Въ ней все поставлено иначе, чѣмъ это можно требовать отъ настоящей народной школы. Ея

успѣхъ онъ приписывалъ главнымъ образомъ условіямъ, невозможнымъ въ другомъ мѣстѣ. „Главная причина успѣшнаго хода занятій въ Ясно-Полянской школѣ въ томъ, что **она семья, а не школа**, и что глава этой семьи человѣкъ съ очень рѣдкими условіями. Графъ Толстой полюбилъ дѣтей душою артиста, понявъ въ нихъ многое, непонятное прозаическимъ натурамъ. Дѣти поняли его любовь, полюбили его, въ свою очередь; этому много помогъ и психологическій тактъ графа Толстого, его особенное умѣнье правдиво и вмѣстѣ осторожно относиться къ дѣтямъ".

На теоріи графа Толстого, которыя, по мнѣнію Маркова, не сходятся съ развитіемъ Ясно-Полянской школы, Марковъ одного взгляда съ критикомъ „Современника". Но онъ тотчасъ же открылъ внутреннее противорѣчіе въ воззрѣніяхъ графа. Причину этого противорѣчія Марковъ старается отыскать въ его слишкомъ высокомъ мнѣніи о народѣ и въ ложномъ понятіи о „народѣ". Изъ своего личнаго знакомства съ человѣкомъ и его дѣятельностью и основательнаго изученія его журнала Марковъ приходитъ къ слѣдующему заключенію:

„По нашему мнѣнію, графъ Толстой чтитъ народъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ; онъ иногда до такой степени благоговѣетъ передъ нимъ, что признаетъ святость многихъ неосмысленныхъ явленій, если толь-

ко они запечатлѣны народнымъ именемъ; на томъ же основанiи онъ часто отвергаетъ, какъ незаконное, все выросшее на другой почвѣ. Онъ забываетъ родство сословiй и еще болѣе—преимущество высшихъ, образованныхъ классовъ надъ простымъ. Увлекающаяся натура художника довела его въ этомъ случаѣ до несправедливости.

У графа Толстого народъ есть исключительно простой народъ: образованный классъ онъ совершенно отдѣляетъ отъ него; онъ видитъ въ нихъ два существа, постороннiя другъ другу во всѣхъ своихъ склонностяхъ и потребностяхъ; поэтому образованный классъ не долженъ навязывать своего образованiя народу; не оно ему нужно, думаетъ графъ Толстой. Это бы можно еще съ натяжкой утверждать о Россiи, вспоминая Петра. Но онъ говоритъ о Нѣмцахъ и Французахъ. Мнѣ кажется, что вообще вкрались нѣкоторыя иллюзiи въ понятiя о народѣ. Народъ дѣйствительно всегда мнѣ представляется чѣмъ-то очень свѣжимъ, сильнымъ и симпатичнымъ. Но я не хочу обманывать себя на счетъ этого чувства. Я понимаю, что смотрю на него, какъ на возможность многаго хорошаго, какъ на матерiалъ, изъ котораго надежда можетъ себѣ строить все, что угодно".

Далѣе Марковъ упрекаетъ графа Толстого, что онъ не упоминаетъ о тѣхъ образцовыхъ заведенiяхъ Германiи и Швей-

царіи, которыя давно отбросили педагогическія методы, порицаемыя и осмѣиваемыя графомъ, что онъ подписалъ ультиматумъ, не сообщивъ подробнаго устройства школъ, ихъ статистики и выдающихся фактовъ изъ ихъ жизни, чтобы мы могли вывести изъ всего этого вѣрное сужденіе. Марковъ, наконецъ, приходитъ къ такому заключенію: 1) „что **графъ Толстой дѣйствуетъ подъ вліяніемъ старой педагогіи**; 2) что **полная свобода воспитанія**, какъ понимаетъ ее издатель „Ясной Поляны," **вредна и невозможна**".

Несмотря на всѣ эти упреки Марковъ видитъ въ новомъ журналѣ представителя лучшихъ стремленій новой педагогики, стремленій, которыя и выражены въ радикальной формѣ, но въ своемъ великомъ цѣломъ справедливы. Если даже журналъ „Ясная Поляна" и отрицаетъ свою связь съ современной педагогикой, то она все-таки существуетъ, и даже очень тѣсная. Если выдѣлить изъ журнала уже слишкомъ рѣзкія воззрѣнія, то онъ представитъ намъ очень много отрадныхъ явленій: „1) **Стремленіе повести образованіе народа путемъ самостоятельнаго, органическаго развитія**, безъ вредныхъ вмѣшательствъ бюрократіи или регламентовъ. 2) **Стремленіе къ гораздо большей свободѣ преподаванія и школьнаго устройства.** 3) Совершенно **опытное направленіе** школы, т. е. стремленіе ввести въ педагогію истинный **натуральный методъ.** 4) **Уваженіе къ духовнымъ потребностямъ народа** и съ этою цѣлью

основательное изученіе его характера и жизни. Эти основныя правила, полагаетъ авторъ, имѣютъ такое серьезное значеніе, что отъ ихъ большаго или меньшаго успѣха можетъ зависѣть рѣшеніе коренныхъ вопросовъ народнаго счастья". „А графъ Толстой именно такой человѣкъ, который способенъ разработать эти вопросы. Онъ любитъ народъ и любитъ дѣтей, онъ художникъ и психологъ". Отчетъ графа, по мнѣнію Маркова, представляетъ собой живой поэтическій разсказъ, богатый цѣнными психологическими наблюденіями.

„Если бы мы имѣли цѣлью сдѣлать полную характеристику журнала „Ясная Поляна", то мы нашли бы гораздо больше матеріала для самыхъ искреннихъ похвалъ ей. Но мы считаемъ свое одобреніе безполезнымъ для капитальныхъ достоинствъ замѣчательнаго труда графа Толстого, сильнаго своими внутренними средствами. Нашею цѣлью было только указаніе, по нашему крайнему разумѣнію, нѣкоторыхъ ошибокъ и увлеченій „Ясной Поляны". „Ясную Поляну" мы ставимъ вообще очень высоко,—мы считаемъ ее способною породить цѣлую плодотворную школу педагогической литературы".

Главные пункты разногласія Маркова со взглядами графа Толстого формулированы слѣдующимъ образомъ: 1) „Мы признаемъ право одного поколѣнія вмѣшиваться въ воспитаніе другого. 2) Мы признаемъ право

высшихъ классовъ вмѣшиваться въ народное образованіе. 3) Мы не согласны съ яснополянскимъ опредѣленіемъ образованія. 4) Думаемъ, что школы не могутъ и не должны быть изъяты изъ-подъ историческихъ условій. 5) Думаемъ, что современныя школы гораздо ближе отвѣчаютъ современнымъ потребностямъ, чѣмъ средневѣковыя. 6) Считаемъ наше воспитаніе не вреднымъ, а полезнымъ. 7) Думаемъ, что полная свобода воспитанія, какъ ее понимаетъ графъ Толстой, вредна и невозможна. 8) Думаемъ, наконецъ, что устройство Ясно-Полянской школы противорѣчитъ убѣжденіямъ редактора „Ясной Поляны".

* *
*

На каждый изъ этихъ пунктовъ, указанныхъ знакомымъ педагогомъ, графъ Толстой далъ отвѣтъ въ послѣдней книжкѣ своего журнала, въ статьѣ подъ заглавіемъ: **„Прогрессъ и опредѣленіе образованія"**. Въ первый разъ развиваетъ онъ здѣсь передъ нами свое опредѣленное и законченное **міросозерцаніе.**

Разногласіе мнѣній своихъ и Маркова графъ Толстой старается объяснить различіемъ пониманій и опредѣленія самого образованія. Марковъ вѣритъ, какъ большинство современниковъ, въ магическое слово „прогрессъ", но графъ Толстой его

не признаетъ. Въ позднѣйшее время, усвоивъ себѣ знаменитый афоризмъ Гегеля „что исторично, то разумно“, признаетъ такъ называемое историческое воззрѣніе. Онъ всякому явленію исторіи можетъ найти подходящее мѣсто, но вслѣдствіе этого потерялъ потребность понимать общую цѣль жизненнаго проявленія человѣчества. Историческое наблюденіе даетъ надлежащее мѣсто и воззрѣніямъ Руссо, Шиллера, Лютера и умѣетъ опредѣлить ихъ связь съ нашимъ временемъ. Историческое же воззрѣніе на всѣ наши попытки говоритъ намъ, что Руссо и Лютеръ были произведеніями своего времени. „Мы ищемъ то вѣчное начало,—говоритъ Толстой,—которое выразилось въ нихъ, а намъ говорятъ о той формѣ, въ которой оно выразилось, и распредѣляютъ ихъ по классамъ и отрядамъ. Намъ говорятъ, **что критеріумъ только въ томъ, чтобъ учить, сообразно потребностямъ времени,** и говорятъ, что это очень просто. Учить сообразно догматамъ христіанской или магометанской религіи — я понимаю, но учить сообразно потребностямъ времени — я рѣшительно не понимаю ни одного слова изъ этой фразы“... „Выразить и опредѣлить критеріумъ въ педагогіи было моей задачей“.

„Люди съ историческимъ воззрѣніемъ предположили, что отвлеченная мысль, которую они любятъ въ ругательномъ смыслѣ называть метафизикой, безплодна, какъ

скоро она противоположна историческимъ условіямъ, т. е. царствующимъ убѣжденіямъ", и которые вѣрятъ въ законъ, называемый прогрессомъ. Изъ сравненія прошедшихъ временъ народа съ настоящимъ заключаютъ о прогрессѣ, „но меня при этомъ, —говоритъ графъ Толстой,—всегда поражаетъ одно непонятное явленіе: выводятъ общій законъ для всего человѣчества изъ сравненія одной малой части человѣчества". Нами замѣченъ законъ прогресса въ герцогствѣ Гогенцоллернъ-Зигмарингенскомъ, имѣющемъ 3,000 жителей. Намъ извѣстенъ Китай, имѣющій 200 милліоновъ жителей, опровергающій всю нашу теорію прогресса... Да и у насъ только одна небольшая часть общества: образованное дворянство, купечество и чиновничество—классы не занятые, по выраженію Бокля,—видятъ въ измѣненіи отношеній и условій прогрессъ. Занятый же классъ не признаетъ его и противится такъ называемому прогрессу тамъ, гдѣ можетъ; точно также народъ противится и образованію, которое навязываетъ ему господствующій классъ, потому что видитъ въ немъ прогрессъ. Въ этомъ разногласіи взглядовъ графъ Толстой видитъ источникъ различій педагогическихъ мнѣній. Далѣе онъ даетъ возраженія на всѣ 8 пунктовъ, указанныхъ ему Марковымъ, которые всѣ, по его мнѣнію, основываются на этомъ разногласіи. Марковъ признаетъ: 1) право

одного поколѣнія вмѣшиваться въ воспитаніе другого, на томъ основаніи, что это **естественно,** и что каждое поколѣніе кидаетъ свою горсть въ кучу прогресса. Мы не признавали и не признаемъ этого права, потому что, не считая прогрессъ несомнѣннымъ благомъ, ищемъ на такое право другихъ основаній.

2) Марковъ признаетъ право высшихъ классовъ вмѣшиваться въ народное образованіе. Мы полагаемъ, что въ предыдущихъ страницахъ достаточно разъяснено, почему вмѣшательство вѣрующихъ въ прогрессъ въ воспитаніе народа несправедливо, но выгодно для высшихъ классовъ, и почему ихъ несправедливость кажется имъ правомъ, какъ казалось **правомъ** крѣпостное право.

3) Марковъ думаетъ, что школы не могутъ и не должны быть изъяты изъ-подъ историческихъ условій. Мы думаемъ, что эти слова не имѣютъ смысла, во 1-хъ, потому, что изъять изъ-подъ историческихъ условій нельзя ничего, ни на дѣлѣ, ни даже въ мысляхъ. Во 2-хъ, потому, что ежели открытіе законовъ, на которыхъ строилась и должна строиться школа, есть, по мнѣнію г. Маркова, изъятіе изъ-подъ историческихъ условій, то мы полагаемъ, что наша мысль, открывшая извѣстные законы, дѣйствуетъ тоже въ историческихъ условіяхъ, но что нужно опровергнуть, или признать самую мысль путемъ мысли для

того, чтобы разъяснить ее, а не отвѣчать на нее тою истиною, что мы живемъ въ историческихъ условіяхъ.

4) Марковъ думаетъ, что современныя школы ближе отвѣчаютъ потребностямъ времени, чѣмъ средневѣковыя. Мы сожалѣемъ, что подали поводъ г. Маркову доказывать намъ противное, и охотно сознаемъ, что доказывая противное, подчинились общей привычкѣ подводить историческіе факты подъ преждевременную мысль.

5) Марковъ считаетъ наше воспитаніе не вреднымъ, а полезнымъ, только потому, что наше воспитаніе готовитъ людей для прогресса, въ который онъ вѣритъ. Мы же не вѣримъ въ прогрессъ, и потому продолжаемъ считать воспитаніе наше вреднымъ.

6) Марковъ думаетъ, что полная свобода воспитанія вредна и невозможна. Вредна потому, что намъ нужны люди для прогресса, а не просто люди, и невозможна потому, что у насъ есть готовыя программы для воспитанія людей прогресса, а нѣтъ программы для воспитанія просто людей.

7) Авторъ думаетъ, что устройство Ясно-Полянской школы противорѣчитъ убѣжденіямъ редактора. Въ этомъ, какъ въ дѣлѣ личномъ, мы согласны, тѣмъ болѣе, что авторъ самъ знаетъ, какъ сильно вліяніе историческихъ условій, и потому долженъ

знать, что Ясно-Полянская школа принадлежитъ дѣйствію двухъ силъ—убѣжденію совершенно крайнему, по мнѣнію автора, и историческимъ условіямъ, т. е. воспитанію учителей, средствамъ и т. д., и несмотря на то, школа могла достигнуть только весьма малой степени свободы и вслѣдствіе того преимущества предъ другими школами. Что же бы было, если-бъ убѣжденія эти не были крайни, какъ они кажутся автору? Авторъ говоритъ, что успѣхъ школы зависитъ отъ любви. Но любовь не случайна. Любовь можетъ быть только при свободѣ. Во всѣхъ школахъ, основанныхъ съ убѣжденіями Ясной Поляны, повторялось то же явленіе:—учитель влюблялся въ свою школу: а я знаю, что тотъ же учитель, со всевозможною идеализаціей, не могъ-бы влюбиться въ школу, гдѣ сидятъ на лавкахъ, ходятъ по звонкамъ и сѣкутъ по субботамъ;

и 8) наконецъ—авторъ не согласенъ съ ясно-полянскимъ опредѣленіемъ образованія.

Въ этихъ возраженіяхъ графъ Толстой не даетъ подробнаго отвѣта на 3-й пунктъ Маркова, желая поговорить о немъ отдѣльно. Дѣло идетъ объ **опредѣленіи образованія.** Графъ Толстой сознается, что, можетъ быть, онъ выразился не ясно, можетъ быть, о многомъ заставляетъ догадываться читателя, а потому невольно вызываетъ недоразумѣніе. „Мы спрашиваемъ: **зачѣмъ**

одинъ учитъ другого? и отвѣчаемъ, можетъ быть, неправильно, бездоказательно, но вопросъ и отвѣтъ категоричны".

Марковъ и всякій другой, вѣрующій въ прогрессъ, не отвѣтятъ на нашъ вопросъ; для нихъ нѣтъ этого вопроса, а между прочимъ въ „**немъ - то и лежитъ вся сущность того, что я говорилъ, писалъ и думалъ о педагогикѣ**". „Я сказалъ: образованіе есть дѣятельность человѣка, имѣющая своимъ основаніемъ потребность къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Въ каждомъ явленіи образованія мы видимъ двухъ дѣятелей—образовывающаго и образовывающагося, воспитателя и воспитанника. Дѣятельность образовывающагося заключается въ томъ, чтобы уравнять свои знанія съ образовывающимъ. Какъ скоро это уравненіе достигается, такъ дѣятельность образованія прекращается. Эта простая истина отъ того только не признается такъ многими, что она затемняется посторонними обстоятельствами. Человѣкъ учится изъ послушанія, самолюбія, матеріальныхъ выгодъ или изъ честолюбія; и вотъ, на основаніи этихъ мудрыхъ доводовъ, люди и открываютъ педагогическія школы. Протестантскія—на послушаніи, католическія іезуитскія—на основаніи соревнованія и самолюбія; наши россійскія—на основаніи матеріальныхъ выгодъ, гражданскихъ преимуществъ и честолюбія. Точно также и въ дѣятель-

ность образовывающаго входитъ много посторонних обстоятельствъ. Но конечной цѣлью все-таки останется уравненіе знаній. Въ опредѣленіи, сдѣланномъ нами прежде, мы высказали это, только не присовокупивъ, что мы подъ равенствомъ разумѣли равенство знаній. Мы прибавили, однако, стремленіе къ равенству и неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Г. Марковъ не понялъ ни того, ни другого, и очень удивился—къ чему тутъ неизмѣнный законъ движенія впередъ образованія. Законъ движенія впередъ образованія значитъ только то, что такъ какъ образованіе есть стремленіе людей къ равенству знаній, то равенство это не можетъ быть достигнуто на низшей, а можетъ быть достигнуто только на высшей ступени знанія, по той простой причинѣ, что ребенокъ можетъ узнать то, что я знаю; а я не могу забыть того, что я знаю;—и еще потому, что мнѣ можетъ быть извѣстенъ образъ мысли прошедшихъ поколѣній, — а прошедшимъ поколѣніямъ не можетъ быть извѣстенъ мой образъ мысли. Итакъ, на всѣ пункты г. Маркова я отвѣчаю только слѣдующее: нельзя доказать тѣмъ, что все идетъ къ лучшему,—нужно прежде доказать — идетъ ли все къ лучшему".

Графъ Толстой уже много лѣтъ стремился къ тому, чтобы дать точное опредѣленіе слову „образованіе". Его удивляло и раз-

дражало, что онъ не могъ получить разрѣшенія мучившаго его вопроса и у выдающихся представителей западно-европейской педагогики. Во время его заграничнаго путешествія съ научною цѣлью его особенно интересовало рѣзкое ограничиванье педагогическихъ представленій. Визитъ графа къ берлинскому педагогу, Дистервегу, имѣлъ, кажется, единственную цѣль—познакомиться съ понятіями этого ученаго **о воспитаніи, образованіи** и **преподаваніи** и узнать, не страдаетъ ли и онъ также той неопредѣленностью, которая, какъ казалось, была тогда общимъ удѣломъ всѣхъ педагоговъ. Короткое свиданіе съ Дистервегомъ, можетъ быть, и вызвало первую попытку со стороны графа Толстого высказать письменно свои взгляды въ отвѣтъ на критическую статью Маркова, и въ основу развитія которыхъ была положена историко-философская подкладка, потому что эта реплика была не первымъ изложеніемъ такихъ идей. Графъ Толстой еще ранѣе того, въ іюльской книжкѣ своего журнала, разрабатывалъ подобный же вопросъ въ своей статьѣ „**Воспитаніе и образованіе**". И эта статья была отвѣтомъ на критическій разборъ его стремленій, помѣщенный Глѣбовымъ въ журналѣ „Воспитаніе". Но эта статья была написана болѣе въ тонѣ спокойнаго научнаго доказательства, нежели личной полемики. Въ ней нѣтъ также глубокаго и простран-

наго изложенія общаго міросозерцанія, какъ въ возраженіяхъ на критическую статью Маркова, этого типичнаго представителя школы.

Къ словамъ, не имѣющимъ точнаго опредѣленія, принадлежатъ, по мнѣнію графа Толстого, и слова: **воспитаніе, образованіе** и **преподаваніе**; даже сами педагоги не признаютъ точнаго различія между воспитаніемъ и образованіемъ. Можетъ быть, мы инстинктивно не хотимъ употреблять эти понятія въ точномъ и настоящемъ ихъ смыслѣ; но эти понятія существуютъ и имѣютъ право существовать отдѣльно. Въ Германіи существуетъ ясное подраздѣленіе понятій — Erziehung (воспитаніе) и Unterricht (преподаваніе). Признано, что воспитаніе включаетъ въ себя и преподаваніе, что преподаваніе есть одно изъ главныхъ **средствъ** воспитанія, что всякое преподаваніе „носитъ въ себѣ воспитательный элементъ, erziehliches Element“. Понятіе же — образованіе, Bildung, смѣшивается либо съ воспитаніемъ, либо съ преподаваніемъ. Нѣмецкое опредѣленіе, самое общее, будетъ слѣдующее: воспитаніе есть образованіе наилучшихъ людей, сообразно съ выработаннымъ извѣстною эпохой идеаломъ человѣческаго совершенства. Преподаваніе, вносящее нравственное развитіе, есть хотя и не исключительное средство къ достиженію цѣли, но одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ достиженію ея,

въ числѣ которыхъ, кромѣ преподаванія есть постановленіе воспитываемаго въ извѣстныя—выгодныя для цѣли воспитанія, условія,— дисциплина и насиліе, Zucht.

Духъ человѣческій, говорятъ нѣмцы, долженъ быть выломанъ, какъ тѣло гимнастикой. Der Geist muss gezuchtigt werden.

Графъ Толстой для своихъ доказательствъ постоянно пользуется нѣмецкими словами—ясное доказательство того, какъ сильно на него дѣйствовала нѣмецкая педагогика.

Образованіе, Bildung, въ обществѣ, или даже въ педагогической литературѣ, какъ сказано, или смѣшивается съ преподаваніемъ и воспитаніемъ, или признается явленіемъ общественнымъ, до котораго нѣтъ дѣла педагогикѣ. Во французскомъ языкѣ нѣтъ даже слова, соотвѣтствующаго понятію—образованіе: éducation, instruction, civilisation,—совершенно другія понятія. Точно также и въ англійскомъ нѣтъ слова, соотвѣтствующаго этому понятію.

Въ этой статьѣ „Воспитаніе и образованіе" графъ Толстой старается объяснить намъ происхожденіе этихъ понятій, ихъ различіе и причины неясности ихъ пониманія.

Въ понятіи педагоговъ воспитаніе включаетъ въ себя и преподаваніе. „Педагогика занимается только воспитаніемъ и смотритъ на образовывающагося человѣка, какъ на существо совершенно подчинен-

ное воспитателю. Только черезъ его посредство образовывающійся получаетъ образовательныя или воспитательныя впечатлѣнія. Весь внѣшній міръ допускается къ воздѣйствію на ученика только настолько, насколько воспитатель находитъ это удобнымъ. Воспитатель старается окружить своего питомца непроницаемою стѣной отъ вліянія міра, и только сквозь свою научную школьно-воспитательную воронку пропускаетъ то, что считаетъ полезнымъ. Я говорю о томъ, какъ понимается и прилагается воспитаніе у такъ называемыхъ лучшихъ, передовыхъ воспитателей. Вездѣ вліяніе жизни отстранено отъ заботъ педагога, вездѣ школа обстроена кругомъ китайскою стѣной книжной мудрости, сквозь которую пропускается жизненное образовательное вліяніе только настолько, насколько это нравится воспитателямъ. Вліяніе жизни не признается. Такъ смотритъ наука-педагогика, потому что признаетъ за собой право знать, что нужно для образованія наилучшаго человѣка, и считаетъ возможнымъ устранить отъ воспитанника всякое внѣ-воспитательное вліяніе; такъ поступаетъ и практика воспитанія.

На основаніи такого взгляда, естественно, смѣшивается воспитаніе и образованіе, ибо признается, что, не будь воспитанія, не было бы и образованія. Въ послѣднее же время, когда смутно начала сознаваться потребность свободы образованія, лучшіе

педагоги пришли къ убѣжденію, что преподаваніе есть единственное средство воспитанія, но преподаваніе принудительное, обязательное, и потому стали смѣшивать всѣ три понятія — воспитаніе, образованіе и обученіе.

По понятіямъ педагога-теоретика, воспитаніе есть дѣйствіе одного человѣка на другого и включаетъ въ себя три дѣйствія: 1) нравственное или насильственное вліяніе воспитателя,—образъ жизни, наказанія; 2) обученіе и преподаваніе и 3) руководствованіе жизненными вліяніями на воспитываемаго. Ошибка и смѣшеніе понятій, по нашему убѣжденію, происходятъ отъ того, что педагогика принимаетъ своимъ предметомъ воспитаніе, а не образованіе, и не видитъ невозможности для воспитателя предвидѣть, соразмѣрить и опредѣлить всѣ вліянія жизни. Каждый педагогъ соглашается, что жизнь вноситъ свое вліяніе и до школы и послѣ школы, но видитъ въ этомъ только недостаточность развитія науки и искусства педагогики. Я соглашаюсь что Unterricht, ученіе, преподаваніе, есть часть Erziehung, воспитанія, но образованіе включаетъ въ себѣ то и другое".

„Образованіе вообще понимается или какъ послѣдствіе всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя жизнь оказываетъ на человѣка, или какъ самое вліяніе на человѣка всѣхъ жизненныхъ условій. Только съ этимъ послѣднимъ мы имѣемъ дѣло. Воспитаніе есть

воздѣйствіе одного человѣка на другого съ цѣлью заставить воспитываемаго усвоить извѣстныя нравственныя привычки. Преподаваніе есть передача свѣдѣній одного человѣка другому. Ученіе, оттѣнокъ преподаванія, есть воздѣйствіе одного человѣка на другого съ цѣлью заставить ученика усвоить извѣстныя физическія привычки (учить пѣть, плотничать, танцовать, грести веслами, говорить наизусть). Преподаваніе и ученіе суть средства образованія, когда они свободны, и средства воспитанія, когда ученіе насильственно и когда преподаваніе исключительно, т. е. преподаются только тѣ предметы, которые воспитатель считаетъ нужными".

„Воспитаніе есть образованіе насильственное. Образованіе свободно".

Графъ Толстой въ своей первой статьѣ о „Народномъ образованіи", помѣщенной въ журналѣ „Ясная Поляна", старается доказать намъ, что насиліе невозможно.

По его мнѣнію, **„воспитаніе есть возведенное въ принципъ стремленіе къ нравственному деспотизму"**. Оно не можетъ быть „положеннымъ основаніемъ разумной человѣческой дѣятельности—науки".

„Воспитаніе есть стремленіе одного человѣка сдѣлать другого такимъ же, каковъ онъ самъ. Я убѣжденъ, что воспитатель только потому можетъ съ такимъ жаромъ заниматься воспитаніемъ ребенка, что въ основѣ этого стремленія лежитъ зависть

къ чистотѣ ребенка и желаніе сдѣлать его похожимъ на себя, т. е. больше испорченнымъ".

Дѣлая бѣглый обзоръ высшихъ и низшихъ школъ, Левъ Николаевичъ приходитъ къ тому заключенію, что права воспитанія не существуетъ.

„Но не признавая права воспитанія, я не могу, — говоритъ онъ, — не признавать самого явленія, факта воспитанія, и долженъ объяснить его".

„Если существуетъ вѣками такое ненормальное явленіе, какъ насиліе въ образованіи,—воспитаніе, то причины этого явленія должны корениться въ человѣческой природѣ. Причины эти я вижу: 1) въ семействѣ, 2) въ религіи, 3) въ государствѣ и 4) въ обществѣ (въ тѣсномъ смыслѣ,— у насъ въ кругу чиновниковъ и дворянства)".

„Первая причина состоитъ въ томъ, что отецъ и мать, какіе бы они ни были, желаютъ сдѣлать своихъ дѣтей такими же, какъ они сами, или по крайней мѣрѣ такими, какими бы они желали быть сами".

„Вторая причина есть религія. Какъ скоро человѣкъ твердо вѣритъ, что только тотъ можетъ быть спасенъ, кто признаетъ свою вѣру, онъ, понятно, не можетъ не желать хотя насильно обратить и воспитать каждаго ребенка въ своемъ ученіи". „Повторяю еще разъ: религія есть един-

ственное законное и разумное основаніе воспитанія".

„Третья и самая существенная причина воспитанія заключается въ потребности правительствъ воспитать такихъ людей, какіе имъ нужны для извѣстныхъ цѣлей".

„Четвертая, наконецъ, лежитъ въ потребности общества, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но государство и общество воспитываютъ согласно съ своими понятіями и воззрѣніями, но которыя не нравятся народу. И, если бы народъ могъ говорить въ печати и съ каѳедры, то мы услышали бы его могучій голосъ; а теперь надо прислушиваться къ нему. Возьмите въ наше время какое хотите общественное заведеніе, и вездѣ найдете одно непонятное, но никому не бросающееся въ глаза явленіе".

„Всѣ родители, начиная съ крестьянъ, жалуются на то, что ихъ дѣтей воспитываютъ въ чуждыхъ ихъ средѣ понятіяхъ. Этотъ упрекъ относится ко всѣмъ существующимъ заведеніямъ безъ исключенія".

Графъ Толстой въ короткихъ чертахъ даетъ намъ понятіе о всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, существующихъ въ Россіи и особенно подробно останавливается на университетахъ.

„Резюмируя все выше - сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Образованіе и воспитаніе суть два различныя понятія.

2) Образованіе—свободно, и потому за-

конно и справедливо; воспитаніе—насильственно, и потому незаконно и несправедливо,—не можетъ быть оправдываемо разумомъ, и потому не можетъ быть предметомъ педагогики.

3) Воспитаніе, какъ явленіе, имѣетъ свое начало: а) въ семьѣ, в) въ вѣрѣ, е) въ правительствѣ, д) въ обществѣ.

4) Семейныя, религіозныя и правительственныя основанія воспитанія естественны и имѣютъ за себя оправданіе необходимости; общественное же воспитаніе не имѣетъ основаній, кромѣ гордости человѣческаго разума".

„Опредѣливъ границы того и другого, мы можемъ отвѣтить на вопросы, становимые г. Глѣбовымъ въ журналѣ „Воспитаніе", 1862 г., № 5-й, вопросы первые и естественно представляющіеся при серьезномъ вникновеніи въ дѣло образованія.

1) **Чѣмъ должна быть школа, если она не должна вмѣшиваться въ дѣло воспитанія?**

2) **Что значитъ невмѣшательство школы въ дѣло воспитанія?**

и 3) **Возможно ли отдѣлять воспитаніе отъ ученія, особенно первоначальнаго, когда воспитательный элементъ вносится въ молодые умы уже даже и въ высшихъ школахъ?**

„Чтобы отвѣтить на поставленные вопросы, мы только перестановимъ ихъ: 1) Что значитъ невмѣшательство школы въ воспитаніе, 2) возможно ли такое невмѣшательство и 3) чѣмъ, при невмѣшательствѣ въ воспитаніе, должна быть школа? Подъ сло-

вомъ школа я разумѣю въ самомъ общемъ смыслѣ **сознательную дѣятельность образовывающаго на образовывающихся,** т. е. одну часть образованія, все равно, какъ бы ни выражалась эта дѣятельность: ученіе артикулу рекрутовъ есть школа, чтеніе публичныхъ лекцій—школа, собраніе музеума и открытіе его для желающихъ—также школа. Невмѣшательство школы въ дѣло образованія значитъ невмѣшательство школы въ образованіе (формированіе) вѣрованій, убѣжденій и характера образовывающагося. Достигается же это невмѣшательство предоставленіемъ образовывающемуся полной свободы воспринимать то ученіе, которое согласно съ его требованіемъ, которое онъ хочетъ, и воспринимать настолько, насколько ему нужно, насколько онъ хочетъ, и уклоняться отъ того ученія, которое ему не нужно, и котораго онъ не хочетъ".

„Публичныя лекціи, музеумы—суть лучшіе образцы школъ. Для низшей степени знанія и для низшихъ возрастовъ найдемъ много свободно-образовательныхъ вліяній,—таковы выучиваніе грамотѣ отъ товарищей и братьевъ, таковы народныя дѣтскія игры и т. д."

„Отвѣтъ на первый вопросъ даетъ отчасти отвѣтъ и на второй:—возможно ли татое невмѣшательство? Теоретически доказать эту возможность нельзя. Одно, подтверждающее эту возможность, есть наблюденіе, доказывающее, что люди, вовсе не

воспитанные, т. е. подлежавшіе одним свободно-образовательным вліяніемъ, люди народа—свѣжѣе, сильнѣе, могучѣе, самостоятельнѣе, справедливѣе, человѣчнѣе и, главное,—нужнѣе людей, какъ бы то ни было воспитанныхъ".

„Чѣмъ же должна быть школа при невмѣшательствѣ въ дѣло воспитанія? Цѣль ея должна быть одна—наука, а не результаты ея вліянія на человѣческую личность. Я не вѣрю въ возможность теоретически придуманнаго гармоническаго свода наукъ, но вѣрю въ то, что каждая наука, при свободномъ ея преподаваніи, гармонически укладывается въ сводъ знаній каждаго человѣка".

„Мнѣ скажутъ, что образовывающій будетъ желать посредствомъ своего преподаванія произвести извѣстное воспитательное вліяніе? Стремленіе это самое естественное, и отрицать его невозможно; существованіе его только сильнѣе доказываетъ для меня необходимость свободы въ дѣлѣ преподаванія. Говорятъ, наука носитъ въ себѣ воспитательный элементъ (erziehliches Element) — это справедливо и несправедливо, и въ этомъ положеніи лежитъ основная ошибка существующаго парадоксальнаго взгляда на воспитаніе. Наука есть наука, и ничего не носитъ въ себѣ. Воспитательный же элементъ лежитъ въ преподаваніи наукъ, въ любви учителя къ своей наукѣ и въ любовной

передачѣ ея, въ отношенiи учителя къ ученику. **Хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбятъ и тебя, и науку, и ты воспитаешь ихъ, но самъ не любишь ее, то сколько бы ты ни заставлялъ учить, наука не произведетъ воспитательнаго влiянiя**".

„Итакъ, чѣмъ же будетъ школа при невмѣшательствѣ въ воспитанiе?"

„Всестороннею и самою разнообразною сознательною дѣятельностью одного человѣка на другого, съ цѣлью передачи знанiй (instruction), не принуждая учащагося ни прямо насильственно, ни дипломатически воспринимать то, что намъ хочется. Школа не будетъ, можетъ быть, школа, какъ мы ее понимаемъ,—съ досками, лавками, каѳедрами учительскими или профессорскими,—она, можетъ быть, будетъ раекъ, театръ, библiотека, музей, бесѣда,—сводъ наукъ, программы, можетъ быть, вездѣ сложатся совсѣмъ другiя. Я знаю только свой опытъ: Ясно-Полянская школа въ полгода совершенно измѣнилась и приняла другiя формы".

„Мысль, которую я, можетъ быть, неясно, неловко, неубѣдительно выражаю, едва ли еще черезъ сто лѣтъ сдѣлается общимъ достоянiемъ; едва ли черезъ сто лѣтъ отживутъ всѣ готовыя заведенiя — училища, гимназiи, университеты, и вырастутъ свободно сложившiяся заведенiя, имѣющiя своимъ основанiемъ свободу учащагося поколѣнiя".

* *
*

„Мы должны прислушиваться къ голосу народа“. Это основная идея педагогики ясно-полянскаго мыслителя. Это результатъ его,—какъ мѣтко выразился Марковъ,—преувеличеннаго поклоненія всему народному; онъ-то и послужилъ поводомъ къ основанію „свободной школы“ въ Ясной Полянѣ. Оставалось разрѣшить еще одинъ вопросъ: мы ли должны учиться у народа или народъ у насъ?

И графъ Толстой приступалъ къ его рѣшенію. Въ пятой книгѣ своего журнала онъ смѣло ставитъ вопросъ: „Кому у кого учиться писать: крестьянскимъ ребятамъ у насъ, или намъ у крестьянскихъ ребятъ?“ Непрерывно сообщаясь съ юными, подъ его руководствомъ развивающимися дѣтскими душами и прислушиваясь ко всякому ихъ проявленію, графъ Толстой былъ невольно пораженъ непосредственнымъ отношеніемъ между ихъ простымъ образомъ мышленія и простой, незатѣйливой ихъ передачей. Чрезмѣрная любовь, съ которой онъ относился къ дѣтямъ, антипатія его къ людямъ высшаго общества и ихъ нравамъ, которые въ ихъ слѣпой вѣрѣ въ прогрессъ все болѣе и болѣе отдалялись отъ всего естественнаго, заставили графа Толстого восхищаться

простой поэзіей, которая свойственна дѣтству.

Подъ его руководствомъ дѣти писали маленькія повѣсти,—выводъ общихъ наблюденій и разсказовъ изъ ихъ личной жизни. Работы талантливыхъ дѣтей приковывали особенное вниманіе графа Толстого. Онъ слѣдилъ за ними во время ихъ творческой дѣятельности, если можно такъ выразиться, подчасъ наблюдалъ ихъ волненіе, когда кто не могъ совладать съ должнымъ выраженіемъ, ихъ радость, когда желаемое выраженіе удавалось имъ найти, слѣдилъ за ихъ чувствомъ художественной мѣры, прилежаніемъ и терпѣніемъ; и онъ радовался, наблюдая за этой работой, точно съ этого дня для него открылся новый міръ наслажденій и страданій—міръ искусствъ. Ему казалось, что онъ подсмотрѣлъ то, что никто никогда не имѣлъ права видѣть—зарожденіе таинственнаго цвѣта поэзіи. „Мнѣ и страшно и радостно было, какъ искателю клада, который бы увидалъ цвѣтъ папортника,—радостно мнѣ было потому, что вдругъ, совершенно неожиданно открылся мнѣ тотъ философскій камень, котораго я тщетно искалъ два года—искусство учить выраженію мыслей; страшно потому, что это искусство вызывало новыя требованія, цѣлый міръ желаній, несоотвѣтственный средѣ, въ которой жили ученики, какъ мнѣ казалось въ первую минуту. Ошибиться нельзя было. Это

была не случайность, но сознательное творчество".

Тутъ графъ Толстой приводитъ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, разсыпано богатство чертъ истиннаго таланта.

„Чувствуешь, что это превосходно, и что это иначе быть не можетъ. Каждое художественное слово, принадлежитъ ли оно Гете или Ѳедькѣ, тѣмъ-то и отличается отъ нехудожественнаго, что вызываетъ безчисленное множество мыслей, представленій и объясненій". И эти-то признаки художественнаго творчества графъ Толстой видѣлъ въ работахъ маленькихъ крестьянскихъ мальчиковъ.

Это открытіе такъ сильно взволновало его, что онъ долженъ былъ прекратить урокъ, и онъ долго еще не могъ дать себѣ отчета во всѣхъ полученныхъ впечатлѣніяхъ.

„На другой день я еще не вѣрилъ тому, что испыталъ вчера. Мнѣ казалось столь страннымъ, что крестьянскій полуграмотный мальчикъ вдругъ проявляетъ такую сознательную силу художника, какой, на всей своей необъятной высотѣ развитія, не можетъ достичь Гете. Мнѣ казалось столь страннымъ и оскорбительнымъ, что я, авторъ „Дѣтства", заслужившій нѣкоторый успѣхъ и признаніе художественнаго таланта отъ русской образованной публики, что я, въ дѣлѣ художества, не

только не могу указать или помочь 11-тилѣтнему Семкѣ и Ѳедькѣ, а что едва-едва,—и то только въ счастливую минуту раздраженія,—въ состояніи слѣдить за ними и понимать ихъ".

Среди всѣхъ этихъ наблюденій графъ Толстой долженъ былъ уѣхать на нѣсколько дней изъ Ясной Поляны, и повѣсть осталась не доконченною. Когда онъ вернулся, то не нашелъ рукописи: она погибла, превратившись въ хлопушки. Графъ Толстой начинаетъ съ своими маленькими учениками новую повѣсть, которую они вызываются написать одни, т. е. безъ помощи графа. Вышелъ новый варіантъ того же содержанія,—кое-что пропущено, нѣкоторыя новыя художественныя красоты прибавлены. И „опять, говоритъ графъ Толстой,—то же чувство красоты, правды и мѣры".

Лѣтомъ, какъ сказано было выше, дѣти не учились. Одну часть лѣта Ѳедька и др. мальчики жили у графа. Накупавшись, наигравшись, они продолжали заниматься подъ его руководствомъ. Однажды онъ разсказалъ имъ исторійку и предложилъ имъ написать ее въ формѣ автобіографіи. Они должны были написать исторію мальчика, у котораго бѣднаго и распутнаго отца отдали въ солдаты, и къ которому отецъ возвращается изъ солдатства исправленнымъ и хорошимъ человѣкомъ. Этотъ разсказъ, какъ и прочіе, былъ напечатанъ

въ книжечкѣ, подъ заглавіемъ: „Солдаткино житье“. Такимъ образомъ, всякій могъ прочесть его и судить о правильности взглядовъ Льва Николаевича Толстого. Но что же этимъ хотѣлось графу доказать? Какое значеніе долженъ имѣть въ педагогическомъ отношеніи этотъ разсказъ мальчика, можетъ быть, и въ дѣйствительности одареннаго необыкновенными способностями?

Затѣмъ графъ Толстой пытается опровергнуть всѣ упреки, высказанные ему по поводу этихъ ученическихъ работъ. „Намъ скажутъ: вы, учитель, можетъ быть, помогали, незамѣтно для себя, составленію этихъ и другихъ повѣстей. Повѣсть хороша, но это одинъ только изъ родовъ „литературы“. Ѳедька и др. мальчики, сочиненія которыхъ вы печатали, суть счастливое исключеніе; намъ скажутъ, наконецъ, изъ всего этого вывести общаго правила или теоріи невозможно“. На всѣ эти возраженія графъ Толстой отвѣчаетъ такъ: „Чувства правды, красоты и добра независимы отъ степени развитія. Красота, правда и добро суть понятія, выражающія только гармонію отношеній въ смыслѣ правды, красоты и добра. Ложь есть только несоотвѣтственность отношеній въ смыслѣ истины; абсолютной же правды нѣтъ. Я не лгу, говоря, что столы вертятся отъ прикосновенія пальцевъ, если я вѣрю, хотя это и не правда; но я лгу, говоря,

что у меня нѣтъ денегъ, когда, по моимъ понятіямъ, у меня есть деньги. Никакой огромный носъ не уродливъ, но онъ уродливъ на маломъ лицѣ. Уродливость только дисгармонія въ отношеніи красоты. Отдать свой обѣдъ нищему или самому съѣсть его не имѣетъ въ себѣ ничего дурного; но отдать или съѣсть этотъ обѣдъ, когда моя мать умираетъ съ голоду,—есть дисгармонія отношеній въ смыслѣ добра. Воспитывая, образовывая, развивая, или какъ хотите дѣйствуя на ребенка, мы должны имѣть и имѣть безсознательно одну цѣль— достигнуть наибольшей гармоніи въ смыслѣ правды, красоты и добра. Если бы время не шло, если бы ребенокъ не жилъ всѣми своими сторонами, мы бы спокойно могли достигнуть этой гармоніи, добавляя тамъ, гдѣ намъ кажется недостаточнымъ, и убавляя тамъ, гдѣ намъ кажется лишнимъ. Но ребенокъ живетъ, каждая сторона его существа стремится къ развитію, перегоняя одна другую, и, большею частью, самое движеніе впередъ этихъ сторонъ его существа мы принимаемъ за цѣль и содѣйствуемъ только развитію, а не **гармоніи развитія**. Въ этомъ **заключается вѣчная ошибка всѣхъ педагогическихъ теорій**. Мы видимъ свой идеалъ впереди, когда онъ стоитъ сзади насъ“.

Графъ Толстой идетъ, наконецъ, по пути Руссо. „Человѣкъ родится совершеннымъ—есть великое слово, сказанное Рус-

со, и слово это, какъ камень, останется твердымъ и истиннымъ",—говоритъ онъ.

Но въ своихъ выводахъ Толстой совершенно расходится съ Руссо. Потому что Руссо не думаетъ такъ, какъ графъ Толстой, что каждый часъ въ жизни, каждая минута времени увеличиваетъ пространства, количества и время тѣхъ отношеній, которыя во время его рожденія находились въ совершенной гармоніи, и что каждый часъ грозитъ нарушеніемъ этой гармоніи; Руссо не приходитъ къ тому заключенію, что развитой, образованный и культурный человѣкъ долженъ учиться у неразвитого крестьянскаго мальчика; Руссо, наконецъ, не приходитъ къ тому отрицательному выводу графа Толстого, что: „воспитаніе кормитъ, а не исправляетъ людей. Чѣмъ больше испорченъ ребенокъ, тѣмъ меньше нужно его воспитывать, тѣмъ больше нужно ему свободы".

Ребенокъ стоитъ ближе взрослаго къ тому идеалу гармоніи, правды, красоты и добра, до котораго мы хотимъ возвести его; въ немъ сознаніе этого идеала лежитъ сильнѣе, а потому отъ взрослаго ему нуженъ только **матеріалъ**, чтобы пополниться гармонически и всесторонне, соображаясь съ своимъ личнымъ **инстинктомъ**.

X.

ПОЭТИЧЕСКІЯ ПРОБЛЕМЫ.

Смерть, бракъ, народъ, культура, собственность.—Три смерти.—Семейное счастье. — Поликушка. — Казаки.— Холстомѣръ.

Геніальная творческая дѣятельность не знаетъ продолжительнаго отдыха; эта дѣятельность прекращается на самые короткіе сроки, чтобы затѣмъ дать болѣе спѣлые плоды. Ни безпокойство многихъ лѣтъ странствованія, ни непостоянство цѣлей, ни глубокая печаль о потерѣ любимаго брата, ни ревностное посвященіе всего себя дѣлу народнаго образованія,—не могли заглушить въ графѣ Толстомъ потребность поэтическаго творчества, наполнившее послѣ перваго успѣха все его существо. Событія его кочевой жизни, казалось, дѣйствовали плодотворно на силу его воображенія и дали направленіе выбору матеріала для его поэтическихъ твореній. Проблемы, вызванныя наблюденіемъ дѣйствительности, возбудили въ немъ желаніе воплотить ихъ въ поэтическія формы. Уже давно культура представлялась ему неразрѣшеннымъ вопросомъ; въ некультурномъ человѣкѣ, сынѣ природы, онъ видѣлъ не только носителя болѣе чистыхъ чувствъ, но и

болѣе художественныхъ способностей. Всѣ формы, въ которыхъ отживаетъ свой вѣкъ множество людей, называющихъ себя обществомъ, казались ему искусственными, устарѣлыми, разрушающими счастье, хотя признанными и терпимыми, но которыя, тѣмъ не менѣе, составляютъ привилегію людей образованныхъ и обезпеченныхъ. И вотъ онъ смѣло выступаетъ на новое поприще разрѣшенія великихъ вопросовъ человѣческой жизни, будто до него не было этихъ попытокъ. Въ короткій промежутокъ, въ 5 лѣтъ, графъ Толстой создаетъ 5 произведеній: „Три смерти" (1858 г.), „Семейное счастье" (1859 г.), „Поликушка" (1860 г.), „Казаки" (1861 г.) и „Холстомѣръ" (1863 г.). Проблема перваго небольшого разсказа заключаетъ въ себѣ отношеніе человѣка къ смерти; проблема „Семейнаго счастья": любовь въ супружествѣ; въ „Поликушкѣ" авторъ глубоко проникаетъ въ духовную жизнь одного изъ тысячъ угнетенныхъ и обремененныхъ; въ „Казакахъ" мы видимъ полный контрастъ между культурной жизнью и природной; наконецъ, въ „Холстомѣрѣ" авторъ даетъ намъ понять, что корень всѣхъ человѣческихъ страданій кроется въ понятіи о собственности.

Ужъ это не въ первый разъ, что графъ Толстой пытается поэтически разрѣшить проблему смерти. Отъ перваго горя, которое готовитъ мальчику смерть его ма-

тери, онъ переходитъ дальше, къ тому безучастному наблюденію мыслителя, относящагося къ концу человѣка не иначе, какъ къ какому либо другому тысячекратному явленію природы. Конецъ человѣка служитъ для него мѣриломъ и доказательствомъ всей его внутренней силы. Мать Иртеньева (въ «Дѣтствѣ») на-вѣки закрываетъ глаза, не боясь смерти, напротивъ того, умираетъ, благодаря мужа и благословляя дѣтей; Наталья Савишна просто перестаетъ жить, потому что нѣтъ болѣе ея госпожи и друга, которой принадлежала вся ея любовь; воинъ на полѣ битвы (изъ кавказскихъ разсказовъ и Севастополя) переноситъ страданіе и встрѣчаетъ смерть съ невозмутимымъ спокойствіемъ, одинъ — потому что въ немъ живетъ сознаніе, что его ничтожное я имѣетъ только значеніе, какъ часть цѣлаго, которому онъ стремится служить, другой — изъ высокаго чувства патріотизма и долга, которые озаряютъ его смерть свѣтлымъ вѣнцомъ неувядаемой славы. Смерть отдѣльной личности графъ Толстой изображалъ уже неоднократно; теперь ему предстояло изобразить ее вообще, ея переходъ отъ бытія къ небытію, отношеніе всего существующаго къ своему концу. Какъ относится къ смерти образованный человѣкъ, воспитанникъ цивилизаціи, какъ относится къ ней сынъ народа, какъ кончаетъ свое существованіе неодушевленный

предметъ, дерево? «Три смерти» представляютъ собой необходимый результатъ различныхъ предположенiй: одни создаются природой, другiе—прогрессомъ.

По большой дорогѣ, ведущей отъ X. въ Москву, рысью ѣхали въ сырую осеннюю погоду два дорожныхъ экипажа. Въ передней каретѣ сидитъ больная барыня съ своей служанкой; въ другомъ—ея мужъ и докторъ. Барыня стремится въ Италiю, гдѣ надѣется поправиться. У одной станцiи экипажи остановились, чтобы больная могла немного отдохнуть, а сопровождавшiе ее — подкрѣпиться. У ямщика здѣсь тоже есть свое дѣло. На почтовой станцiи на печи, въ овчинахъ, лежитъ больной мужикъ. Молодой парень, Серега, ямщикъ, хочетъ попросить у больного новые сапоги, потому что вѣдь не возьметъ же онъ ихъ съ собой въ могилу. Дядя Өедоръ охотно отдаетъ ему ихъ; только беретъ съ него обѣщанiе, что тотъ купитъ ему камень на могилу, когда дядя Өедоръ умретъ. — Затѣмъ всѣ уѣзжаютъ. Но въ эту же ночь умираетъ дядя Өедоръ. Барыня останавливается на половинѣ своего пути въ маленькомъ городкѣ,—и съ приближенiемъ весны приближается ея смерть. Четыре недѣли спустя, послѣ похоронъ барыни, на могилѣ ея воздвигается каменная часовня. Надъ могилой дяди Өедора все еще не было камня. Но Сергѣй не нарушаетъ своего обѣщанiя. Онъ хочетъ по-

ставить ему камень въ полтора цѣлковыхъ, но такъ какъ его еще надо привезти изъ города, то Сергѣй хочетъ замѣнить его деревяннымъ крестомъ. Раннимъ утромъ онъ идетъ съ топоромъ въ рукахъ въ рощу, гдѣ подъ ударомъ топора умираетъ дерево.

Природѣ не знакомы ни борьба со смертью, ни страхъ смерти. Человѣкъ изъ народа, съ своимъ естественнымъ чувствомъ и потребностями относится къ смерти почти также безучастно и равнодушно, какъ и дерево въ лѣсу, и окружающіе его сочувствуютъ ему такъ же, какъ деревья къ своему мертвому, поникшему брату. „Деревья еще радостнѣй красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями, и бѣдный ямщикъ радуется новымъ сапогамъ, которые умиравшему были совершенно лишніе. Только человѣкъ, удалившійся отъ природы, страдаетъ, когда чувствуетъ приближеніе своего конца“.

Эта мысль изложена въ высоко-художественной формѣ, хотя и въ простыхъ, но поражающихъ насъ своею ясностью выраженіяхъ. Какъ ни малъ объемъ этого разсказа, однако какое величіе и глубину пріобрѣтаетъ онъ отъ контраста людей, взятыхъ изъ двухъ противоположныхъ міровъ; а своей простотой, объективностью, онъ производитъ впечатлѣніе лирическаго произведенія. Если бы Толстой не былъ врагомъ стиха, то этотъ предметъ непре-

мѣнно и невольно вылился бы у него въ стихотворной формѣ.

Проблема брака никогда не переставала интересовать графа Толстого, но воплощать ее поэтически онъ еще никогда не пробовалъ. Все, что до сихъ поръ въ его произведеніяхъ находилось въ связи съ этимъ глубоко затрогивающимъ вопросомъ, было описаніемъ лично пережитаго. Главнымъ стремленіемъ его холостой жизни было найти себѣ подругу, помощницу, которая могла бы понимать его взгляды и раздѣлять его беззавѣтную любовь къ народу; и среди бурнаго потока столичныхъ удовольствій его мучили сомнѣнія относительно нравственныхъ правъ мужчины къ женщинѣ внѣ признанныхъ формъ сожительства. Благодаря опредѣленной сердечной склонности это дремлющее стремленіе превратилось въ неотступное желаніе. Его цвѣтущіе годы проходили; между тѣмъ будущая избранница его сердца на его глазахъ изъ красиваго бутона превращалась въ пышный цвѣтокъ. Онъ былъ другомъ и сверстникомъ ея матери — возможно ли счастье для нихъ обоихъ?

Такъ переплеталось въ творческой душѣ графа Толстого общее съ личнымъ, и вопросъ счастья въ супружествѣ интересовалъ настолько сердце влюбленнаго человѣка, насколько и воображеніе писателя. Это *совершенно* случайно вышло, что въ разсказѣ имѣніе Маши носитъ названіе По-

кровскаго—это названіе лѣтняго пребыванія семейства Берсъ.

Но *его* Маша еще не принадлежитъ ему. Такъ что разсказъ „Семейное счастье" является нѣкоторымъ образомъ грезой, изображеніемъ того, что можетъ выйти отъ различія лѣтъ и характеровъ.

Для того, чтобы посредствомъ болѣе рѣзкихъ контрастовъ произвести болѣе сильное впечатлѣніе, нѣкоторыя обстоятельства въ дѣйствительной жизни должны были быть измѣнены. Сергѣй Михайловичъ изъ друга матери дѣлается другомъ отца. Писатель одинокъ, сирота, а у его героя „Семейнаго счастья" есть мать; предметъ его юношеской любви была въ дѣйствительности такъ счастлива, что имѣла обоихъ родителей; а у Марьи Александровны ихъ нѣтъ; въ духовную жизнь женщины, которую онъ въ своемъ романѣ исчерпываетъ во всѣхъ стадіяхъ, можно было проникнуть только тогда, если-бъ Марья Александровна стояла одна, совершенно самостоятельно, безъ вліянія отца и матери. При такой рѣзкости контрастовъ намѣреніе писателя могло только выступить рельефнѣе.

Маша молода не только годами, но и дитя образомъ мыслей. Понятно, что у 17-лѣтней дѣвушки иныя желанія, иные идеалы въ сердцѣ, нежели у 36-лѣтняго человѣка, половина жизни котораго ушла на серьезную борьбу и опытъ. Онъ при-

ближается къ ней робко, его любовь къ ней — любовь отца, дяди, потому что онъ самъ себѣ еще не хочетъ признаться, что онъ ввѣренное его опекѣ дитя любитъ какъ женщину. Маша относится къ нему, какъ къ другу. Но постепенно и въ ней зарождается болѣе глубокое чувство. Если Сергѣй и не походитъ на ея дѣвическій идеалъ, то, все-таки, онъ своей честной, благородной натурой пріобрѣтаетъ ея любовь. Онъ вноситъ въ ея сельское уединеніе и замкнутость веселость, жизнь, пробужденіе ея благородныхъ чувствъ. Она уже давно привыкла уважать его, и по мѣрѣ того, какъ она постепенно сживается съ его нравственными взглядами, главный принципъ которыхъ, какъ бы говоритъ, ,,что въ жизни есть только одно несомнѣнное счастье—жить для другого'', мѣняетъ свой взглядъ на народъ, пріучается къ скромности, привыкаетъ къ книгамъ, въ нихъ видитъ одно изъ лучшихъ удовольствій въ жизни — между ними невольно выростаетъ та общность, которой нѣтъ другого имени, какъ любовь. Маша, не созрѣвшая для жизни, колеблющееся дитя, подъ его руководствомъ превращается въ человѣка. Она пріобрѣтаетъ его мысли, его чувства и наслажденіе искусствомъ—и тутъ такъ же, какъ часто у графа Толстого, особенно въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ, чарующее вліяніе музыки наконецъ сводитъ ихъ вмѣстѣ. Они живутъ въ чаду

блаженства, невозмутимомъ счастьи; даже ихъ желанія не выходятъ изъ предѣловъ дѣйствительности. Но разница ихъ воззрѣній дѣлается послѣ перваго мѣсяца болѣе осязательной. Она не начинала еще жить, и одиночество сельскаго счастья обратилось у ней въ привычку. Одна любовь къ мужу ее уже не удовлетворяетъ, ей не достаетъ чего-то, хочется движенія, волненій, дѣятельности. Она чувствуетъ въ себѣ избытокъ силъ, не находившій удовлетворенія въ ихъ тихой жизни.

Сергѣй ясно сознавалъ всю опасность подобнаго брака. Въ ту минуту, когда Маша изъ дѣвственнаго ребенка превратилась въ женщину, ее уже не удовлетворяла любовь человѣка, который баловалъ ее еще ребенкомъ.

Она хочетъ жить съ нимъ „ровно". Сергѣй отлично понималъ то, что смущаетъ ее. Хотя онъ и спрашиваетъ ее, смѣясь, въ чемъ видитъ она ихъ неравноправность, ужъ не въ томъ ли, что онъ, а не она возится съ исправникомъ и пьяными мужиками, но въ душѣ Сергѣй рѣшилъ поѣхать съ ней въ столицу и ввести ее въ общество. Женщина въ полномъ разцвѣтѣ силъ и красоты, естественно, стремилась къ тріумфу блестящей столичной жизни. Маша своей красотой, естественностью, простой деревенской прелестью, что выдѣляло ее изъ круга столичныхъ дамъ, быстро завоевывала сердца всѣхъ.

Она являлась центромъ всѣхъ баловъ и вечеровъ, и многіе изъ знатныхъ свѣтскихъ людей искали случая приблизиться къ ней. Балъ представляетъ для нея высшее удовольствіе свѣта. Сергѣй, повидимому, равнодушно относится къ явившейся въ ней перемѣнѣ. Только въ извѣстные моменты вырывается у него слово, показывающее лежащую между ними пропасть и освѣщающее ее, подобно молніи. Наконецъ они рѣшаются покинуть Петербургъ, какъ къ нимъ пріѣзжаетъ кузина и проситъ остаться на раутъ графини Р. Маша колеблется между своимъ желаніемъ и желаніемъ мужа. Она уже соглашается уступить и, согласно его желанію, поѣхать въ деревню, какъ одно только слово, сказанное ея мужемъ, разомъ уничтожаетъ ея уступчивость, и они оба пріобрѣтаютъ печальное убѣжденіе въ томъ, что ихъ счастливый союзъ подорванъ навѣки. То, что ей кажется невиннымъ удовольствіемъ, то ему представляется грязью, праздностью, роскошью и глупымъ обществомъ. Но Машу убѣдительно просили пріѣхать на раутъ. Кузина пріѣхала сообщить ей это общее ихъ желаніе, потому что князь М. еще съ прошлаго бала желалъ познакомиться съ ней, и только съ этой цѣлью и пріѣзжалъ на раутъ. Этотъ князь и особенное его вниманіе являются поводомъ къ послѣдней большой ссорѣ. Три года супружества проходятъ спокой-

но и дружески, но въ холодныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. За эти три года случились только два событія: рожденіе перваго ребенка и смерть тещи. На третій годъ они уѣзжаютъ на лѣто за-границу на воды, въ Баденъ-Баденъ. Маша снова является центромъ великосвѣтскаго кружка, мужчины ухаживаютъ за ней, Итальянскій маркизъ Д. позволяетъ себѣ слишкомъ приблизиться къ ней и даже поцѣловать ее въ щеку. Необъяснимое чувство овладѣваетъ ею, такъ что у ней не хватаетъ силъ оттолкнуть его. Ее тянуло броситься очертя голову въ открывшуюся вдругъ передъ нею притягивающую къ себѣ бездну запрещенныхъ удовольствій. Она ѣдетъ къ своему мужу, хочетъ сказать ему все; но это оказывается невозможнымъ: онъ попрежнему холоденъ, ласковъ и спокоенъ. Она стремится на родину, въ Россію. Старый домъ въ Никольскомъ потребовалъ перестройки, и они на лѣто переѣхали въ Покровское, имѣніе Маши. Тогда въ ней съ новой силой проснулись воспоминанія юныхъ лѣтъ; счастье, волновавшее юную невѣсту, съ какой-то болью отозвалось въ ея памяти и подъ его-то вліяніемъ она упрекаетъ мужа: „Отчего ты никогда не сказалъ мнѣ, что ты хочешь, чтобъ я жила именно такъ, какъ ты хотѣлъ, зачѣмъ ты давалъ мнѣ волю, которою я не умѣла пользоваться, зачѣмъ ты пересталъ учить меня? Развѣ я виновата,

что теперь, когда я сама поняла то, что нужно, когда я, скоро годъ, бьюсь, чтобы вернуться къ тебѣ, ты отталкиваешь меня, какъ будто не понимая, чего я хочу, и все такъ, что ни въ чемъ нельзя упрекнуть тебя, а что я и виновата и несчастна! Да, ты хочешь опять выбросить меня въ ту жизнь, которая могла сдѣлать мое и твое несчастіе".

Но Сергѣй не понимаетъ ее. Ему кажется, что явившаяся перемѣна естественна. Онъ не желаетъ вернуть прошлаго, какъ не желаетъ того, „чтобы у него выросли крылья".—„Въ каждой порѣ есть своя любовь"... „Какъ въ тотъ годъ, когда я только узналъ тебя, я ночи проводилъ безъ сна, думая о тебѣ, и дѣлалъ самъ свою любовь, и любовь эта росла и росла въ моемъ сердцѣ, такъ точно и въ Петербургѣ и за границей я не спалъ ужасныя ночи и разламывалъ и разрушалъ эту любовь, которая мучила меня. Я не разрушилъ ее, а разрушилъ только то, что мучило меня, успокоился, и все-таки люблю, но другою любовью"... „Всѣмъ намъ, а особенно вамъ, женщинамъ, надо прожить самимъ весь вздоръ жизни, для того, чтобы вернуться къ самой жизни; а другому вѣрить нельзя, — ты сама должна была узнать, и узнала. Не будемъ стараться повторять жизнь, продолжалъ онъ,—не будемъ лгать сами передъ собою... А что нѣтъ старыхъ тревогъ и волненій, и слава Богу! Намъ

нечего искать и волноваться. Мы ужъ нашли, и на нашу долю выпало довольно счастья. Теперь намъ ужъ нужно стариться и давать дорогу вотъ кому..... сказалъ онъ, указывая на кормилицу, которая съ Ваней подошла и остановилась у дверей террасы. — Такъ-то, милый другъ, заключилъ онъ, пригибая къ себѣ ея голову и цѣлуя ее. Не любовникъ, а старый другъ цѣловалъ ее".

Мысль писателя ясна; упоеніе отъ любви непродолжительно, — оно свойственно молодости и съ годами превращается въ чувство благодарности и принадлежности другъ къ другу. Для того, чтобы найти удовлетвореніе въ этомъ новомъ счастьѣ, нужно оставить позади себя всѣ волненія молодости. Но новое счастье вовсе не такъ ничтожно. Оно снова соединяетъ супруговъ въ будущности ихъ дѣтей, между тѣмъ какъ до сихъ поръ ихъ чувства и желанья заключались въ тѣсномъ кругу ихъ личной жизни. Семейное счастье не есть годъ первой любви, но прочная и продолжительная общность въ заботѣ о ребенкѣ, освѣщающемъ совмѣстную жизнь родителей.

„Поликушка"—повѣсть, въ которой графъ снова проводитъ контрастъ между барыней—помѣщицей и бѣднымъ народомъ, въ своей закоснѣлости потерявшимъ сознаніе человѣческаго достоинства и зависѣвшимъ

отъ капризовъ того, кому онъ принадлежалъ душой и тѣломъ.

Положеніе, созданное крѣпостнымъ правомъ, то состояніе невѣжества и лѣни, въ которомъ находился народъ, представляло собой обширное поле для помѣщиковъ, а еще болѣе для управляющихъ и старостъ извлекать изъ всего себѣ пользу.

Поликушка—бѣдный мужикъ, выросшій въ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ горѣ и нуждѣ, переходя отъ одной дѣятельности къ другой, то конюшій, то коновалъ; по волѣ барыни его женили, а потомъ съ женой и ребенкомъ помѣстили ,,въ углу" десяти-аршинной каменной избы, построенной еще покойнымъ бариномъ для многочисленныхъ семей. Капризъ рождаетъ въ барынѣ желаніе обратить погибавшаго Поликушку, который ,,не любилъ, чтобы гдѣ что плохо лежало, и у кого всё это мѣсто себѣ находило", — въ порядочнаго человѣка. Она хочетъ доказать управляющему, что Поликушка можетъ быть честнымъ и посылаетъ его въ городъ привезти ей отъ купца 1500 р. денегъ. Бѣдный мужикъ противится всѣмъ искушеніямъ, встрѣчавшимся ему на дорогѣ. Онъ привозитъ деньги, зашитыя въ шапку, благополучно почти до самаго села и господскаго дома. Но подъ утро онъ, не спавши всю ночь, немного задремалъ. Надвинувъ шапку и тѣмъ еще болѣе высунувъ письмо изъ подъ дыряваго плиса, только что

наканунѣ еле защитаго дочерью, Поликей въ дремотѣ сталъ стукаться головой о грядку. Подъѣзжая къ своему дому, Поликей снялъ шапку и сунулъ руку подъ подкладку. Рука зашевелилась, лицо поблѣднѣло... Поликей началъ оглядывать телѣгу, сѣно, покупки, щупать пазуху: напрасно! денегъ нигдѣ не было. Неужели затѣмъ онъ такъ мужественно отстоялъ всѣ соблазны, неужели затѣмъ такъ блестяще оправдалъ довѣріе госпожи, неужели, наконецъ, затѣмъ, чтобы управляющій имѣлъ право считать его плутомъ! Онъ тотчасъ же поворачиваетъ лошадь назадъ на поиски, но и тутъ все напрасно. Поликей и тутъ не находитъ денегъ. Онъ пріѣхалъ блѣдный и хмурый домой и въ отчаяніи удавился у себя въ сѣняхъ, а его жена, получивъ такую страшную вѣсть, выпустила изъ рукъ своего грудного ребенка, котораго купала въ наполненномъ водой корытѣ, гдѣ тотъ и захлебнулся. Потрясенная при видѣ двухъ труповъ, мужа и ребенка, Акулина сходитъ съ ума. Барыня приходитъ къ ней „въ уголъ", разыгрываетъ комедію сожалѣнія и съ разстроенными нервами возвращается къ себѣ.

Вдругъ является Дутловъ, который докладываетъ барынѣ, что онъ нашелъ конвертъ съ деньгами, потерянный Поликеемъ. Онъ только что отвезъ своего племянника въ городъ, въ солдаты, потому что онъ былъ, по его словамъ, настолько

бѣденъ, что не могъ выкупить своего племянника. Покровское должно было выставить трехъ рекрутовъ. Двое уже выбраны, является вопросъ, кто третій, — Поликушка или одинъ изъ трехъ молодыхъ Дутловыхъ. Барыня и слышать не хотѣла, чтобы отдать Поликушку, а потому пришлось итти племяннику Дутлова. Скупой дядя пожалѣлъ принести ему въ жертву 300 рублей на выкупъ. Такъ они среди ссоры и побоевъ и разстались. Возвращаясь изъ города домой, старикъ нашелъ деньги. Онъ едва могъ вѣрить своему счастью, когда барыня приказала передать ему, чтобы онъ оставилъ себѣ эти деньги; она и видѣть не хочетъ тѣхъ денегъ, которыя принесли столько зла и несчастья. Только тогда, когда она сама, слабая и больная, призываетъ его къ себѣ въ комнату и повторяетъ ему то же самое, онъ, наконецъ, вѣритъ. И когда старый Дутловъ, упоенный счастьемъ, лѣзетъ на печь спать, въ избу входитъ „онъ“ и душитъ его за жестокость къ племяннику. Вставъ рано утромъ, онъ велитъ запрягать, спѣшитъ въ городъ и, по счастью, находитъ охотника, которому нечего терять и который за деньги продаетъ ему свою жизнь и будущность.

Вотъ вамъ безпристрастная картина русской жизни! Въ этой повѣсти освѣщаются не добродѣтели нижнихъ слоевъ народа, но ихъ нужда. И въ этой-то именно объ-

ективности (столь рѣдкой у графа Толстого) и заключается то потрясающее душу читателя впечатлѣніе, какое производитъ на него этотъ изысканный своей простотой разсказъ.

Здѣсь никто не совершилъ несправедливости, ни на комъ не лежитъ вины. Это положеніе такъ, какъ оно есть, ужасно, вопіетъ къ жалости и исправленію.

Причина страшныхъ страданій народа лежитъ въ развивавшемся вѣками понятіи о собственности. Понятіе, которое позволяетъ одному человѣку сказать, что другой составляетъ его собственность — понятіе, созданное культурой и отъ которой эгоистическое общество не хочетъ отказаться, порождаетъ несправедливость за несправедливостью и создаетъ такой порядокъ вещей, при которомъ одинъ ничего не дѣлаетъ и наслаждается, а другой изнемогаетъ подъ тяжестью непосильной работы.

Въ «**Холстомѣрѣ**» эта мысль выражается въ поэтической параболѣ. Фабула для этого разсказа заимствована изъ животнаго міра, въ которой изображается, какъ одно живое существо эксплуатируетъ другое. Это первое произведеніе графа Толстого, не созданное непосредственно его личными наблюденіями, потому что фабула „Холстомѣра“ принадлежитъ рано скончавшемуся А. Стаховичу. Братъ покойнаго, старый другъ дома Толстыхъ, сообщилъ графу матеріалъ для „Холстомѣра“.

Но въ исторіи несчастнаго пѣгаго мерина, который своею странной наружностью возбуждаетъ вниманіе любителей, лежитъ скрытая мысль, которая совпадаетъ съ міросозерцаніемъ самого автора, та самая мысль, которую онъ въ такой своеобразной формѣ выразилъ въ „Поликушкѣ". Герой „Поликушки" бѣдный мужикъ, котораго случай рожденія сдѣлалъ жалкимъ крѣпостнымъ, а въ „Холстомѣрѣ"—старая лошадь, переходящая изъ рукъ одного хозяина въ другія, точно она лишена всякаго чувства, точно это не живое существо, а вещь. Кто только прочтетъ „Холстомѣра", тотъ тотчасъ же пойметъ, что въ немъ изображенъ порабощенный народъ, который работаетъ на расточительнаго и наслаждающагося жизнью помѣщика, цѣнящаго его только до тѣхъ поръ, пока въ немъ сохраняется молодая и здоровая рабочая сила.

И весь этотъ неправильный общественный строй является слѣдствіемъ понятія „моего" и „твоего". „Холстомѣръ", жизнь котораго разрушается подъ давленіемъ закона личной собственности, разсуждаетъ объ этомъ и приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Люди руководятся въ жизни не дѣлами, а словами. Они любятъ не столько возможность дѣлать или не дѣлать чего-нибудь, сколько возможность говорить о разныхъ предметахъ условленныя между ними слова. Таковы слова, счи-

тающіяся очень важными между ними: **мой, моя, мое,** которыя они говорятъ про различныя вещи, существа и предметы, даже про землю, про людей и про лошадей. И тотъ, кто про наибольшее число, по этой условленной между ними игрѣ, говоритъ **мое,** тотъ считается у нихъ счастливѣйшимъ".

„Впослѣдствіи, расширивъ кругъ своихъ наблюденій, я убѣдился, что не только относительно насъ, лошадей, понятіе „**мое**" не имѣетъ никакого другого основанія, кромѣ низкаго, животнаго людского инстинкта, называемаго ими чувствомъ, или правомъ собственности. Человѣкъ говоритъ „домъ мой", и никогда не живетъ въ немъ, а только заботится о постройкѣ и поддержаніи дома. Есть люди, которые землю называютъ своею, а никогда не видали этой земли и никогда по ней не проходили. Есть люди, которые другихъ людей называютъ своими, а никогда не видятъ этихъ людей, и все отношеніе ихъ къ этимъ людямъ состоитъ въ томъ, что они дѣлаютъ имъ зло. И люди стремятся въ жизни не къ тому, чтобы дѣлать то, что они считаютъ хорошимъ, а къ тому, чтобы называть какъ можно больше вещей „**своими**"."

„Холстомѣръ", который несчастливъ по тремъ причинамъ, во-первыхъ, потому, что пѣгій, во-вторыхъ—меринъ, а въ-третьихъ, что люди того мнѣнія, что онъ „не при-

надлежитъ Богу и самому себѣ, какъ свойственно думать всякому живому существу“, но принадлежитъ конюшему, и приходитъ наконецъ къ тому результату, что лошади на ступеняхъ лѣстницы живыхъ существъ стоятъ выше людей.

Если разсматривать „Холстомѣра“ въ минуту освобожденія крестьянъ, то это послѣдній стонъ угнетеннаго народа. Ни въ одномъ изъ своихъ великихъ произведеній графъ Толстой не высказывался съ такой опредѣленностью, съ такой энергіей и ясностью не противопоставлялъ крѣпостныхъ дворянству. Въ страданіяхъ Холстомѣра принимаютъ участіе двое благородныхъ людей; одинъ изъ нихъ, Серпуховской, 20 лѣтъ тому назадъ купилъ его еще молодымъ, полнымъ силъ, и ѣздилъ на немъ къ своей возлюбленной. Она стоила ему очень дорого, но у него средства были хорошія. Однажды она сбѣжала отъ него. Онъ называлъ ее своею, тогда какъ она принадлежала другому. Съ этихъ поръ онъ началъ пить, превратился въ жалкаго бѣдняка и принужденъ былъ ѣздить къ другому, новому хозяину Холстомѣра, и подлаживаться подъ его тонъ. Новый хозяинъ Холстомѣра ведетъ такую же жизнь, какъ и прежній. И у него дорогая любовница, онъ пьетъ самыя дорогія вина и тоже считаетъ себя въ правѣ обладать имъ, и все, что ни разсказываетъ ему погибшій Серпуховской о своемъ блестя-

щемъ прошломъ, о своемъ великолѣпномъ конѣ, Холстомѣрѣ, только наводитъ на него скуку, потому что сердце его не расположено къ людямъ, вызывающимъ сожалѣніе, а то, что въ жалкомъ образѣ Серпуховского онъ долженъ видѣть свою личную будущность, не приходитъ ему на мысль.

Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ вы какъ бы читаете предостереженіе: не вѣрьте въ „прогрессъ“. Ваша культура лишаетъ васъ чистыхъ радостей, которыя способна дать вамъ только жизнь съ природой. Но въ это же время слышится въ нихъ и отчаяніе: нѣтъ возврата. Оленинъ (въ „Казакахъ“) не можетъ сдѣлаться такимъ, какъ Лукашка, и безыскусственныя чувства Марьянки, которыя дороже, нежели разсчитанное кокетство свѣтскихъ дамъ, не согласуется съ сентиментальнымъ воспитанникомъ европейскаго образованія.

„**Казаки**“ занимали графа Толстого въ продолженіе 10-ти лѣтъ: 18-го октября 1852 г. былъ набросанъ планъ, въ 1861 г. повѣсть была окончена, въ 1863 г. появилась въ печати. Въ ней яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ произведеніи перваго періода, сказалась неотступная борьба мыслителя. По своей идеѣ самоотреченія и дѣятельности на благо другихъ „Казаки“ сходны съ „Утромъ помѣщика“; въ нихъ почти, какъ и въ его педагогическихъ статьяхъ, проведена мысль, что мы должны учиться у

народа. Но руководящая идея этого произведенія есть убѣжденіе, которое гдѣ меньше, гдѣ больше сквозитъ въ его произведеніяхъ: культура есть врагъ счастья.

XI.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ.

Фамилія Берсъ. — Холостая жизнь.—Лѣченіе кумысомъ въ Самарѣ.—Сватовство, помолвка, свадьба.—Медовый мѣсяцъ.—Высшее счастье.

Въ школахъ Ясной Поляны были лѣтнія каникулы. Неутомимому преподавателю и редактору журнала нуженъ былъ отдыхъ. Старыя сомнѣнія съ новой силой овладѣли его душой, къ тому же опасеніе, что надъ нимъ тяготѣетъ тотъ же злой недугъ, который свелъ въ преждевременную могилу любимаго брата, Николая, проснулось въ немъ съ новой силой.

Среди всѣхъ его стремленій къ благу народа и народному образованію его мучила еще и мысль, что всѣ его старанія тщетны, къ тому же его глубоко оскорбила мнимая безучастность личностей, которыя должны бы были по долгу службы внимательнѣе отнестись къ школьному дѣлу и народному образованію. Въ такомъ то

настроеніи графъ Толстой предпринялъ оригинальную лѣтнюю поѣздку въ Самару, *на кумысъ*.

Покидая въ апрѣлѣ свою Ясную Поляну, графъ Толстой беретъ съ собой двухъ учениковъ школы, своимъ прилежаніемъ и поведеніемъ заслужившихъ награду, Ваську Морозова и Егора Чернова. Прежде всего онъ проѣхалъ съ ними въ Москву, чтобы проститься съ своими друзьями и уладить свои дѣла,—потому что какъ разъ въ это время онъ велъ переговоры съ Катковымъ о напечатаніи его „Казаковъ", которые должны были выйти въ январской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" за 1863 г. И въ матеріальномъ отношеніи его дѣла не шли такъ, какъ онъ того ожидалъ.

Серьезный педагогъ Ясной Поляны въ кругу своихъ московскихъ товарищей не могъ отдѣлаться отъ юношеской страсти, и въ одинъ вечеръ проигралъ *на китайскомъ билліардѣ тысячу рублей, которые и взялъ, какъ* гонораръ за „Казаковъ", полученный имъ отъ Каткова, не желавшаго потерять такого сотрудника, какъ Толстой, и охотно уплатившаго ему требуемую сумму впередъ, и этими тысячью рублями, гонораромъ ничтожнымъ для такого писателя, какимъ былъ Толстой, — онъ уплатилъ свой *проигрышъ*.

Но это было послѣднимъ проявленіемъ его бурной холостой жизни, потому что уже и въ то время случившаяся съ писа-

телемъ въ Москвѣ непріятность оплакивалась парой прекрасныхъ глазъ съ большей сердечностью, нежели просто изъ участья къ судьбѣ писателя,—то были слезы любви къ человѣку, хотя дѣвушка, проливавшая ихъ, не вполнѣ отдавала себѣ отчетъ въ своихъ чувствахъ.

Въ Москвѣ графъ Толстой часто бывалъ въ домѣ доктора Берсъ. Докторъ Берсъ былъ нѣмецъ по происхожденію *и лютеранскаго* вѣроисповѣданія. Это былъ красивый, статный мужчина, съ красивой сѣдой бородой, *которую ему разрѣшили носить по случаю серебряной трубочки, вставленной ему въ его парализованное горло*. Императоръ Николай I преслѣдовалъ бороды, *и Берсу пришлось просить объ особомъ разрѣшеніи носить ее*. Насколько докторъ Берсъ былъ оригиналъ по своимъ взглядамъ, настолько же и по своей внѣшности, костюму и манерамъ. Въ обществѣ нѣмцевъ-врачей, которому онъ, какъ членъ, посвятилъ половину своей жизни, онъ часто читалъ лекціи о самыхъ странныхъ предметахъ и постоянно носился съ какими-нибудь новыми медицинскими идеями, которыя всѣ были неосуществимы. Коллеги охотно слушали его, когда онъ развивалъ передъ ними свои курьезные планы, потому что это былъ весельчакъ и добрый товарищъ. Въ цвѣтѣ лѣтъ докторъ Берсъ подвергся серьезной операціи (трахеотоміи), и съ того

времени онъ не разставался съ серебряной трубочкой.

Благодаря своей врачебной дѣятельности докторъ Берсъ вращался преимущественно въ аристократическомъ кругу. Онъ пользовался любовью и довѣріемъ дамъ высшаго общества и, съ своей стороны, былъ большимъ поклонникомъ прекраснаго пола. Какъ *гофъ-медикъ,* врачъ при *Орденансъ-Гаузѣ, Сенатѣ* и театрѣ, Берсъ имѣлъ казенную квартиру въ кремлѣ.

Докторъ Берсъ родился *въ Москвѣ, но предки его были выходцы изъ Саксоніи.* Онъ считалъ нѣмецкій языкъ своимъ роднымъ, хотя и предпочиталъ ему французскій и говорилъ большей частью съ своими паціентами на этомъ языкѣ. Супруга его, урожденная Исленьева, была русская и православнаго вѣроисповѣданія. По закону, дѣти, рожденныя отъ смѣшаннаго брака, должны были быть воспитаны въ духѣ православной религіи, если одинъ изъ супруговъ принадлежалъ къ ней. Это придавало дому доктора оригинальный характеръ. Дѣти, выростая, говорили на трехъ языкахъ: русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ.

У супруговъ Берсъ было восемь человѣкъ дѣтей. Въ 1862-мъ г. трехъ дочерей ихъ: *Елизавету,* Софію и Татьяну можно было назвать, если уже не взрослыми, то почти взрослыми барышнями. Братья, изъ которыхъ *двое были сначала въ Преображен-*

скомъ полку, а потомъ старшій, отбывъ Турецкую кампанію, былъ вице-губернаторомъ въ Орлѣ, а другой *исправникомъ въ Москвѣ* и въ Клину, были въ то время еще дѣтьми. Мать и дочери сдѣлали изъ своего дома центръ преимущественно аристократическаго кружка, веселившагося по своему. Въ немъ много занимались музыкой—искусствомъ, котораго, какъ мы сказали выше, былъ поклонникомъ Левъ Николаевичъ,—а прекрасный голосъ третьей дочери приводилъ всѣхъ слушателей въ восторгъ. Весь домъ былъ на рукахъ хозяйки, *такъ какъ отецъ семьи былъ всегда занятъ внѣ дома практикой.*

Льва Николаевича Толстого съ юныхъ лѣтъ связывали съ семействомъ Берсъ самыя сердечныя и дружескія отношенія. Его отецъ и старикъ Исленьевъ были сосѣди и задушевные друзья. Левъ Николаевичъ выросъ вмѣстѣ съ *дѣтьми* стараго Исленьева, изъ которыхъ одна дочь впослѣдствіи стала госпожею Берсъ, которая только на полтора года была старше его. Изъ этого-то семейства Исленьевыхъ Левъ Николаевичъ и заимствовалъ свои прототипы отца и гувернантки Мими для своего „Дѣтства“; по свидѣтельству самой графини Софьи Андреевны, отецъ въ „Дѣтствѣ“ есть вѣрная копія характера и личности ея дѣдушки, а гувернантка Мими—вѣрная копія воспитательницы ея матери у другихъ дѣтей старика Исленьева. Льва Никола-

евича Толстого, переживавшаго въ это время свою цвѣтущую молодость и достигнувшаго славы великаго писателя, и супругу, московскаго врача, мать трехъ взрослыхъ дочерей, соединяли тысячи общихъ воспоминаній молодости.

Друзья графа Толстого видѣли его предпочтеніе дома нѣмецкаго доктора всѣмъ другимъ, отъ нихъ не ускользнуло также, что онъ не прочь былъ жениться. Но на комъ изъ трехъ дочерей остановится его выборъ?—этого не знали даже самые близкіе друзья графа, можетъ быть, не зналъ этого и самъ Левъ Николаевичъ Толстой. Его невольно тянуло въ ту среду, гдѣ имъ не только восхищались, какъ писателемъ, но и сердечно любили, гдѣ каждое его слово слушалось съ любопытствомъ самаго сердечнаго участья, гдѣ радовались его успѣху, какъ личному, и скорбѣли о его неудачахъ.

Когда графъ Толстой, пріѣхавъ къ Берсъ, разсказалъ имъ, что продалъ своихъ „Казаковъ" за 1,000 руб. Каткову, потому что эта сумма была ему необходима, дочери, сидѣвшія тутъ же, за столомъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слушали его. Поняли ли онѣ все значеніе сообщеннаго, или инстинктивно сочувствовали другу своихъ родителей, — только онѣ слушали этотъ разсказъ съ полными слезъ глазами, а по окончаніи его онѣ поспѣшили къ себѣ въ

комнату, чтобы тамъ, на свободѣ, выплакаться.

Изъ Москвы графъ Толстой съ двумя своими учениками отправился въ Нижній Новгородъ, откуда на пароходѣ, по Волгѣ, онъ пріѣхалъ въ Самару. Графъ Толстой намѣренъ былъ здѣсь лѣчиться кумысомъ. Пользованіе своеобразнымъ образомъ приготовленнымъ молокомъ отъ степныхъ кобылъ было въ то время мало извѣстно въ Западной Европѣ, между тѣмъ, какъ въ Россіи на него смотрѣли, какъ на прекрасно дѣйствующее средство противъ чахотки; точно также и графъ Толстой почувствовалъ себя отъ этого лѣченія свѣжѣе и бодрѣе и, подкрѣпленный убѣжденіемъ, что здоровье его поправилось, онъ вернулся домой.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ уже могъ привѣтствовать свою родную Ясную Поляну, свою сестру, графиню Марію, и тетушку Ергольскую, которыя въ его отсутствіе управляли имѣніемъ. Но ему не сидѣлось у себя дома, среди холостой обстановки. Какая-то невидимая сила неудержимо влекла его въ Москву, потому что онъ уже твердо рѣшилъ ввести хозяйку въ свой ясно-полянскій домъ. Счастье всей его жизни представлялось ему постоянно въ обществѣ любимой жены. Еще будучи юношей онъ, подъ вліяніемъ чрезмѣрнаго воодушевленія, переселяется въ свое имѣніе, чтобы исполнять обязанности помѣщика,

и только о томъ и мечтаетъ, какъ онъ вмѣстѣ съ своей женой сдѣлается блюстителемъ своего народа. Въ его безпокойномъ умѣ среди всѣхъ перипетій столичной жизни носится образъ чистой дѣвушки, которая вливала бы миръ въ его душу и на груди которой онъ нашелъ бы полное, святое счастье. Теперь, казалось, настала минута исполненія этой мечты, онъ это чувствовалъ. Все яснѣе и яснѣе сознавалъ онъ, что чувство, которое влекло его въ Москву—была любовь ко второй дочери доктора Берса.

Семейство Берсъ лѣтомъ жило на дачѣ въ *Покровскомъ-Глѣбовѣ*, въ 12-ти верстахъ отъ Москвы. Графъ имѣлъ въ Москвѣ комнату. Но тотъ, кто пожелалъ бы тамъ его искать, навѣрное не нашелъ бы, такъ какъ графъ Толстой проводилъ цѣлый Божій день, насколько позволяли ему приличія, въ домѣ своихъ друзей.

Въ началѣ августа хозяйственныя дѣла вызвали графа Толстого въ Ясную Поляну; а въ половинѣ августа настали для Ясной Поляны счастливые дни. Одна половина семейства Берсъ посѣтила ее: мать, три дочери и одинъ изъ сыновей. Они ѣхали въ Ивицы, имѣніе дѣдушки, стараго Исленьева, лежавшее въ 50-ти верстахъ за Ясной Поляной. Г-жа Берсъ не могла проѣхать мимо Ясной Поляны, чтобы не навѣстить графиню Марію, свою подругу юности *и старую тетушку Татьяну Але-*

ксандровну Ергольскую. Такимъ образомъ, Берсы провели нѣсколько дней въ имѣніи Толстого въ самыхъ оживленныхъ разговорахъ и въ воспоминаніяхъ о счастливой юности. Нѣсколько дней спустя по ихъ отъѣздѣ Левъ Николаевичъ неожиданно,— а можетъ быть, и не для *всѣхъ*,—поѣхалъ вслѣдъ за ними. Можетъ быть, мать и предчувствовала, что на графа Толстого нужно смотрѣть, какъ на жениха и, конечно, не сомнѣвалась, что его выборъ остановится на старшей дочери, Елизаветѣ, потому что хотя графъ и много лѣтъ уже ѣздилъ въ домъ Берсъ запросто, былъ другомъ дома, но ни одна изъ дочерей не могла похвастаться предпочтеніемъ, и ни одинъ посторонній взглядъ не могъ этого замѣтить.

Въ Ивицахъ тайнымъ образомъ произошло *объясненіе* между писателемъ и второй дочерью доктора Берса, Софіей. Оно произошло *приблизительно такъ*, какъ это описано впослѣдствіи въ „Аннѣ Карениной“, *хотя слова объясненія и всѣ фразы были совсѣмъ другія.*

— Я давно хотѣлъ спросить у васъ одну вещь? сказалъ онъ и сѣлъ рядомъ съ ней къ столу. Онъ глядѣлъ ей прямо въ ласковые, хотя и испуганные глаза.

— Пожалуйста спросите.

— Вотъ, сказалъ онъ, и написалъ начальныя буквы: к, в, м, о: э, н, м, б, з, л, э, н, и, т? Буквы эти значили: „когда

вы мнѣ отвѣтили: этого не можетъ быть, значило ли это—никогда, или тогда?“ Не было никакой вѣроятности, чтобы она могла понять эту сложную фразу; но онъ посмотрѣлъ на нее съ такимъ видомъ, что жизнь его зависитъ отъ того, пойметъ ли она эти слова.

Она взглянула на него серьезно, потомъ оперла нахмуренный лобъ на руку и стала читать. Изрѣдка она взглядывала на него, спрашивая у него взглядомъ: „то ли это, что я думаю?“

— Я поняла,—сказала она, покраснѣвъ.

— Какое это слово? сказалъ онъ, указывая на н, которымъ означалось слово: **никогда**.

— Это слово значитъ **никогда**,—сказала она,—но это не правда!

Онъ быстро стеръ написанное, подалъ ей мѣлъ и всталъ. Она написала: Т, я, н, м, и, о. Онъ вдругъ просіялъ: онъ понялъ. Это значило: „тогда я не могла иначе отвѣтить.“

Онъ взглянулъ на нее вопросительно, робко.

— Только тогда?

— Да, отвѣчала ея улыбка.

— А т... А теперь? спросилъ онъ.

— Ну, такъ вотъ прочтите Я скажу то, чего бы желала! —Она написала начальныя буквы: ч, в, м, з, и, п, ч, б. Это значило: чтобы вы могли забыть и простить, что было.

Онъ схватилъ мѣлъ напряженными, дрожащими пальцами и, сломавъ его, написалъ начальныя буквы слѣдующаго: „мнѣ нечего забывать и прощать, я не переставалъ любить васъ.“

Она взглянула на него съ остановившейся улыбкой.

— Я поняла,—шопотомъ сказала она.

Онъ сѣлъ и написалъ длинную фразу. Она все поняла и не спрашивая его: такъ ли?—взяла мѣлъ и тотчасъ же отвѣтила.

Онъ долго не могъ понять того, что она написала, и часто взглядывалъ въ ея глаза. На него нашло затменіе отъ счастья. Онъ никакъ не могъ подставить тѣ слова, какія она разумѣла; но въ прелестныхъ сіяющихъ счастьемъ глазахъ ея онъ понялъ все, что ему нужно было знать. И онъ написалъ три буквы. Но онъ еще не кончилъ писать, а она уже читала за его рукой, и сама докончила и написала отвѣтъ: Да.

Это *все произошло именно такъ; за исключеніемъ самыхъ фразъ и словъ* Льва Николаевича Толстого и Софьи Андреевны Берсъ, *которыя были совсѣмъ иныя.*

Софья Андреевна Берсъ была въ то время рано развившаяся, стройная и граціозная *17-ти лѣтняя* дѣвушка. Ея благородное лицо, обрамленное густыми, темно-каштановыми волосами, освѣщалось парой прекрасныхъ *черныхъ* глазъ и свидѣтельствовало объ умѣ и восторженной натурѣ.

Она получила прекрасное воспитаніе. Ея образованіе не походило на одностороннюю, остроумную мечтательность въ ущербъ умственному развитію,—способности воображать и мыслить были развиты въ одинаковой степени. Она отлично владѣла *тремя* языками и читала въ подлинникахъ лучшія произведенія русской, нѣмецкой, французской и *впослѣдствіи* англійской литературы. Эта дѣвушка могла вполнѣ оцѣнить по достоинству человѣка, подобнаго Льву Николаевичу Толстому; она поняла, что достигаетъ своего высшаго идеала, когда такой всѣми уважаемый писатель говоритъ ей о своей любви. Никто не зналъ о знаменательномъ событіи, происшедшемъ въ домѣ. Никто не узналъ и тогда, когда московскіе гости на возвратномъ пути снова заѣхали въ Ясную Поляну.

Только въ Москвѣ графъ Толстой рѣшился открыто просить руки Софьи Андреевы. Отецъ былъ удивленъ и недоволенъ. Ему не хотѣлось выдавать вторую дочь раньше старшей.

23 сентября *1862 года* была отпразднована свадьба, и молодая чета *уѣхала* въ Ясную Поляну, *гдѣ и поселилась на многіе годы.*

Эта перемѣна въ жизни графа Толстого была неожиданна для его друзей. Всѣ были удивлены, когда узнали, что съ 23-го сентября въ ясно-полянскомъ домѣ хозяйничаетъ молодая хозяйка. Были уди-

влены даже тѣ, которые находились съ графомъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, знали о его предпочтеніи дома Берсъ и предчувствовали, что графъ выберетъ себѣ жену непремѣнно между дочерьми *своего стараго друга дѣтства, Любови Александровны Берсъ.*

Но эта неожиданность была для всѣхъ очень пріятной, потому что во всемъ существѣ графа Толстого произошла полная перемѣна, не ускользнувшая отъ глазъ близкихъ и любящихъ его друзей. Его неопредѣленное стремленіе къ счастью, превратилось теперь въ сознаніе, что онъ достигъ наконецъ завѣтнаго счастья; вѣчные поиски за новымъ кругомъ дѣятельности показались ему теперь заблужденіемъ, какъ скоро бракъ предписалъ ему опредѣленныя обязанности. Молодой супругъ былъ на верху блаженства.

„Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я женатъ и счастливъ и чувствую себя инымъ, совершенно другимъ человѣкомъ",—пишетъ онъ Фету; „я охотно бы заѣхалъ къ вамъ лично, но это теперь неудобно".

Въ появившейся двадцать лѣтъ спустя „Исповѣди" графъ Толстой описываетъ это переходное состояніе слѣдующимъ образомъ:

„Вернувшись изъ-за границы, я поселился въ деревнѣ и посвятилъ себя деревенскимъ школамъ. Занятіе это вполнѣ соотвѣтствовало моимъ наклонностямъ, такъ

какъ въ немъ не было той, ставшей теперь для меня очевидной, лжи, которая ослѣпляла меня въ то время, когда я выступалъ въ роли учителя, въ литературѣ. И здѣсь, въ деревнѣ, я дѣйствовалъ во имя прогресса, но къ самому прогрессу я относился уже критически. Я говорилъ себѣ, что прогрессъ часто идетъ не въ томъ направленіи, въ какомъ онъ долженъ былъ бы итти, и что къ непосредственнымъ людямъ, крестьянамъ, слѣдуетъ относиться свободно, безъ всякихъ предвзятыхъ теорій, предоставляя имъ избрать тотъ путь прогресса, который, по ихъ мнѣнію, является для нихъ желательнымъ и хорошимъ. Въ дѣйствительности же я вертѣлся около одной и той же задачи, заключавшейся въ томъ, что я желалъ учить другихъ, не зная самъ чему. Въ высшихъ сферахъ писательской дѣятельности нельзя—это я понималъ хорошо—учить, учить, не зная чему учишь; я видѣлъ, какъ каждый писатель училъ чему-нибудь другому, и какъ они постоянными спорами только скрываютъ отъ самихъ себя свое собственное невѣжество. Здѣсь, имѣя дѣло съ крестьянскими дѣтьми, можно будетъ избѣжать этихъ затрудненій, предоставивъ дѣтямъ учиться тому, чему они сами пожелаютъ. Теперь мнѣ самому становится смѣшно при мысли о томъ, на какія ухищренія я пускался для того, чтобы удовлетворить своему капризному желанію —

учить, хотя въ глубинѣ души я и тогда зналъ, что не въ состояніи учить тому, что, дѣйствительно, важно и необходимо. Послѣ года занятій въ школѣ я вторично отправился за границу для того, чтобы на мѣстѣ узнать, какъ слѣдуетъ поступать, если желаешь учить, а самъ ничего не знаешь".

„Мнѣ казалось, что за границей я постигъ это искусство. Вооруженный всей этой премудростью, я вернулся въ Россію въ годъ освобожденія крестьянъ, сдѣлался мировымъ посредникомъ и началъ учить простой народъ въ школѣ, а образованныхъ людей при помощи журнала, который я издавалъ. Дѣло, казалось, шло прекрасно, но я чувствовалъ, что душевно и умственно я не совсѣмъ здоровъ, и что долго работать въ этомъ направленіи не сумѣю. Быть можетъ, я тогда уже впалъ бы въ то отчаяніе, которое овладѣло мною пятнадцать лѣтъ спустя, если бы для меня не существовало одной еще неизвѣданной мною стороны жизни, стороны, въ которой я надѣялся найти спасеніе: а именно, семейной жизни. Въ теченіе года исполнялъ я обязанности мирового посредника и работалъ для школы и надъ журналомъ. Это меня настолько утомило, что мнѣ казалось, что я схожу съ ума. Борьба, которую мнѣ приходилось вести въ качествѣ мирового посредника, была для меня такъ тяжела, моя педагогическая дѣятель-

ность такъ темна, а журнальная дѣятельность, въ основѣ которой всегда лежало только одно желаніе — учить другихъ и скрывать, что я самъ не знаю того, чему я учу и чему слѣдуетъ учить — до того непріятна, что я заболѣлъ скорѣе душевнымъ, нежели физическимъ недугомъ, бросилъ все и уѣхалъ въ степь къ башкирамъ — дышать свѣжимъ воздухомъ, пить кумысъ и жить чисто животною жизнью. Вернувшись оттуда, я женился. Благодаря новымъ условіямъ счастливой семейной жизни я совершенно пересталъ доискиваться общаго смысла жизни. Вся моя жизнь сконцентрировалась на семьѣ, матери, дѣтяхъ и заботахъ о доставленіи средствъ къ существованію. Стремленіе къ совершенствованію, уже давно ставшее стремленіемъ къ прогрессу вообще, теперь само собою превратилось въ стремленіе обезпечить себѣ и своей семьѣ возможное счастье".

Въ этомъ взглядѣ на прошлое встрѣчаются погрѣшности противъ показанія времени, потому что школы закрылись не послѣ его женитьбы, напротивъ, молодая хозяйка была дѣятельной сотрудницей, какъ въ школьномъ дѣлѣ, такъ и въ хозяйствѣ. Только годъ спустя школы закрылись, но и то не навсегда, потому что лѣтъ черезъ десять графъ Толстой снова вернулся къ своей завѣтной мысли.

Всѣ, начиная съ тетушки Т. А. Ерголь-

ской и кончая друзьями, навѣщавшими Ясную Поляну, любили и баловали молодую графиню. И она была достойна этой любви, потому что была въ полномъ смыслѣ слова тѣмъ, чѣмъ должна быть жена для мужа: участницей и помощницей его во всемъ, что его занимало. Въ часы его занятій она съ огромной связкой ключей въ рукахъ ходила вездѣ: по саду и вокругъ дома и смотрѣла за всѣмъ хозяйствомъ; обсуждала съ нимъ всѣ его литературные планы, *усиленно переписывала его сочиненія, держала съ нимъ корректуры и* работала *впослѣдствіи* надъ составленіемъ *Азбуки* и книжекъ *для чтенія.*

Къ Рождеству перваго года молодая графская чета отправилась въ Москву, чтобы повидать родныхъ. Объ этомъ намѣреніи они не предупреждали никого изъ своихъ друзей. Они заняли помѣщеніе въ гостиницѣ Шевріе, бывшей Шевалье, въ Газетномъ переулкѣ (объ этой гостиницѣ вспоминается въ первой главѣ „Казаковъ“), гдѣ первое время они жили замкнутой жизнью, *по случаю нездоровья молодой*, посѣщая только *родныхъ, и изрѣдка театръ и концерты.* Понятно, что долго они не могли прожить такъ уединенно; скоро друзья узнали о ихъ пребываніи въ Москвѣ, и графской четѣ, волей-неволей, пришлось дѣлать визиты и принимать у себя.

Въ половинѣ января 1863 г. они снова

вернулись въ Ясную Поляну, гдѣ въ началѣ февраля ихъ навѣстили Феты.

Зима прошла въ обычныхъ занятіяхъ: въ литературныхъ работахъ, преподаваніи и заботахъ по хозяйству.

Левъ Николаевичъ выказалъ необычайное прилежаніе. Этотъ подъемъ духа благотворно подѣйствовалъ и на художественное творчество: „Поликушка“ и „Казаки“ только что вышли въ печати, какъ онъ уже трудился надъ новымъ разсказомъ, надъ „исторіей одного пѣгаго мерина“, который онъ предполагалъ осенью тоже напечатать, — и все это не отвлекало графа отъ усиленныхъ занятій по сельскому хозяйству. „Я весь по уши погруженъ въ работу, а моя Соня—во всемъ моя вѣрная помощница. У насъ нѣтъ управляющаго, а только есть помощники въ полевыхъ и строительныхъ работахъ. Она одна ведетъ контору и кассу. У насъ пчелы, овцы, новый садъ и винокуренный заводъ. Все идетъ отлично, хотя, конечно, слабѣе съ моимъ идеаломъ“.

Иногда счастливаго молодого супруга тревожитъ мысль, что политическія событія могутъ оторвать его отъ семейнаго счастья. Началось польское возстаніе. Графъ Толстой, все еще числившійся на военной службѣ, боялся, что ему придется „снова вынуть мечъ изъ заржавленныхъ ноженъ“. Но на этотъ разъ его опасенія были напрасны: ничто не помѣшало ему всецѣло

отдаться своему счастью, удвоенному теперь надеждой на предстоящее радостное семейное событіе.

Левъ Николаевичъ Толстой и его молодая супруга, едва достигнувшая *18-ти лѣтъ*, наслаждались въ своей Ясной Полянѣ полною идилліей. Фетъ, старый другъ и частый гость графской четы, изображаетъ намъ моментъ своего пріѣзда въ Ясную Поляну такъ: „Едва я, обогнувъ башни, свернулъ въ *березовую* аллею, какъ встрѣтился со Львомъ Николаевичемъ. Онъ былъ занятъ тѣмъ, что по всему пруду раскидывалъ сѣть и употреблялъ всевозможныя средства, чтобы какъ нибудь не упустить карасей... „Ахъ, какъ я радъ вамъ", воскликнулъ онъ въ то время, когда вниманіе его было раздвоено между мной и карасями".

— Я сейчасъ къ вашимъ услугамъ. Иванъ, Иванъ! потяни-ка покрѣпче лѣвый конецъ! Соня, ты видѣла Аѳанасія Аѳанасьевича?

„Но графъ опоздалъ, потому что я уже увидѣлъ графиню, одѣтую во всемъ бѣломъ и спѣшившую по аллеѣ ко мнѣ навстрѣчу; она такъ быстро приближалась къ пруду, съ такой большой связкой тяжелыхъ ключей у пояса и, не обращая вниманія на свое положеніе, такъ спѣшила, легко перепрыгивая черезъ все, что только ни встрѣчалось на дорогѣ".

— Что вы дѣлаете, графиня? вскричалъ я испуганно,—какъ вы неосторожны!

— Ничего! отвѣтила Софья Андреевна, весело смѣясь, — я къ этому уже привыкла.

— Соня, пошли Нестерку въ погребъ за мѣшкомъ. Мы сейчасъ пойдемъ домой.

„Графиня отвязала отъ пояса одинъ большой ключъ и дала его мальчику, который бѣгомъ пустился исполнять данное ему порученіе".

— Вотъ видите ли,—сказалъ графъ,— полное примѣненіе нашей методы: всегда держать ключи при себѣ и все по хозяйству исполнять съ помощью маленькихъ мальчиковъ. (Это замѣчаніе относилось къ сказаннымъ когда-то полушутя, полусерьезно словамъ Толстого: я сдѣлалъ важное открытіе... помощники, управляющіе и старосты составляютъ только препятствіе въ хозяйствѣ; попробуйте ихъ всѣхъ прогнать и пролежать до 10 часовъ въ постели, и вы увидите, что хуже не будетъ).

„Среди оживленнаго обѣда были поданы и только что пойманные караси. Какъ хозяева, такъ и гости были одинаково въ прекрасномъ расположеніи духа.

„Этотъ вечеръ по справедливости можно было назвать преисполненнымъ богатыхъ надеждъ. Какъ пріятно было смотрѣть, съ какой гордостью, съ какой блестящей надеждой глаза доброй тетушки Т. А. пе-

реходили съ племянника на племянницу, потомъ на меня, при чемъ ясно говорили мнѣ: видите, у mon cher Léon иначе и быть не можетъ.

„Что касается до графини,—кончаетъ Фетъ свое повѣствованіе,—понятно, если она въ своемъ положеніи могла перепрыгивать балки и т. под., значитъ ея жизнь была переполнена самыхъ лучшихъ надеждъ. Самъ графъ, всю жизнь проведшій въ неутомимыхъ поискахъ за новымъ, вступилъ теперь въ совершенно невѣдомый ему міръ, въ великую будущность котораго онъ вѣрилъ съ восторженностью молодого художника".

28 іюня 1863 г. въ графской семьѣ родился *сынъ*, Сергѣй, и въ домѣ Ясной Поляны поселилось счастье, какого только можетъ достигнуть человѣкъ.

XII.

НА ВЫСОТѢ.

Толстой пріобрѣтаетъ общую извѣстность. — Дружининъ.—Критика послѣ Крымской войны (1856—63 г.).—Критика „Казаковъ“: Григорьевъ, Эдельсонъ, Полонскій, Анненковъ, Туръ.—Руководящая идея произведеній Толстого.—Міросозерцаніе.

Годъ женитьбы графа Толстого увѣнчалъ его многолѣтнюю неутомимую творческую дѣятельность лаврами общей извѣстности. Графъ Толстой никогда не внималъ голосу критиковъ. Онъ съ первыхъ шаговъ дѣйствовалъ слишкомъ самостоятельно, чтобы подчинить себя мнѣнію другихъ. Онъ шелъ такъ сознательно своею дорогой, далеко не согласовавшейся съ современнымъ направленіемъ, что присяжная критика не могла уяснить себѣ его опредѣленныхъ намѣреній и его мощнаго духа такъ же скоро, какъ писателя съ менѣе сильною индивидуальностью, и охарактеризовать его современными эстетическими словцами. Первыя его произведенія: „Дѣтство“, „Отрочество“, „Утро помѣщика“ были живыми доказательствами геніальнаго дарованія и служили залогомъ великой будущности. Такіе выдающіеся критики, какъ Анненковъ и К. С. Акса-

ковъ, указали молодому литератору его мѣсто среди всѣми признанныхъ великихъ русскихъ писателей. Но за предѣлы тѣснаго кружка писателей и любителей литературы имя новаго талантливаго писателя проникало медленно. Дружининъ вѣрно очерчиваетъ путь, по которому шла все возраставшая слава графа Толстого, въ оцѣнкѣ „Метели“ и „Двухъ гусаровъ“, (Библіотека для чтенія, т. 139) въ слѣдующихъ словахъ:

„Повѣсть „Отрочество“ утвердила всѣ надежды, возлагаемыя на новаго писателя. „Записки маркера“ показали въ немъ человѣка, хорошо понимающаго многія грустныя стороны современной жизни. Глядя на „Метель“, какъ на этюдъ даровитаго писателя, мы не можемъ имъ не наслаждаться. Стройности въ немъ нѣтъ, это уже мы сказали. Но въ немъ есть жизнь, есть слогъ, есть то рѣдкое сліяніе могучаго анализа съ тонкой поэзіей, которое само по себѣ, безъ всякихъ посторонниxъ примѣсей, ставитъ графа Толстого прямо въ рядъ первоклассныхъ русскихъ писателей. Рядъ кавказскихъ сценъ, называвшихся, если мы не ошибаемся „Набѣгъ“ (Дружининъ дѣйствительно ошибался: „Набѣгъ“ носитъ названіе одинъ изъ кавказскихъ разсказовъ), привлекъ графу Толстому симпатію многихъ читателей военнаго званія. Полный, неоспоримый, завидный успѣхъ новаго повѣствователя начался съ его

очерковъ Севастополя при началѣ, въ самомъ разгарѣ и при концѣ этой знаменитой осады. Теперь уже каждое слово, каждая мастерская подробность, каждое замѣчаніе талантливаго писателя, свидѣтеля великихъ сценъ великой драмы, было оцѣнено и встрѣчено общею симпатіею. Вся читающая Россія восхищалась „Севастополемъ весною“, „Севастополемъ въ августѣ“ и „Севастополемъ въ декабрѣ“. Вся читающая Россія видѣла въ поэтическихъ разсказахъ графа Толстого не одни любопытные факты, сообщаемые очевидцемъ, не одни восторженные разсказы о подвигахъ, способныхъ воодушевить самаго безстрастнаго разсказчика. Всякій читатель, одаренный здравымъ смысломъ, видѣлъ и зналъ, что на небольшомъ клочкѣ земли, приковывавшемъ къ себѣ взоры всего свѣта черезъ необыкновенныя дѣла, тамъ происходившія, находился настоящій русскій военный писатель, одаренный зоркимъ глазомъ, слогомъ истиннаго художника, писатель, готовый дѣлиться съ публикою исторіею всего имъ видѣннаго и пережитаго во время осады Севастополя“.

Дружининъ съ такой же любовью и восторженностью слѣдилъ и за послѣдующими твореніями Толстого и старался въ подробной критикѣ ближе познакомить публику съ характеромъ новаго оригинальнаго таланта.

Но на этомъ поприщѣ Дружининъ сто-

ялъ одиноко. Русское общество и русская критика относились сочувственно только къ тѣмъ видамъ литературнаго труда, которые были носителями современной идеи. Тургеневъ съ своимъ тонкимъ чутьемъ ко всѣмъ проявленіямъ общественнаго мнѣнія, ко всѣмъ мыслямъ, интересующимъ общество, съ своимъ никогда не обманывающимся взглядомъ на новыхъ людей, и съ своей ни съ чѣмъ несравнимой способностью облекать ихъ въ поэтическія фигуры, господствовалъ тогда надъ умами. А вторымъ любимцемъ былъ Островскій. Онъ говорилъ съ зрителемъ убѣдительнымъ языкомъ пластическаго сценическаго искусства и представлялъ ему типы, служившіе воплощеніемъ внутренней жизни народа. Писемскій, Щедринъ стояли на второмъ планѣ.

Критики-теоретики требовали отъ писателя тѣсной связи съ политической и соціальной жизнью. Они видѣли въ немъ только борца или противника какой-нибудь идеи, а въ его произведеніи только оружіе для борьбы съ партіями. Они превратили самостоятельное искусство въ раба общественнаго мнѣнія. Мѣриломъ для достойной эстетической оцѣнки писателя брали его отношеніе къ одной изъ господствующихъ школъ. Славянофилы съ своей ненавистью ко всему „западному“ и „теоретики“ съ ихъ утилитаризмомъ были главными вожаками,—имъ принадлежали

самые вліятельные журналы, а въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо, журналы являются центромъ различныхъ литературныхъ направленій.

Единовластіе этой критики, и въ область творчества внесшей свое мѣрило „поучительнаго“ и „полезнаго“, совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда печальный результатъ Крымской войны и много-обѣщавшія реформы Александра II возбудили умы. Обвиненіе всего стараго и поэтическая идеализація **новыхъ** надеждъ составляютъ суть литературы. Читалось только то, что носило характеръ этихъ идей. Критика и публика страдали общею болѣзнью—односторонностью. Эдельсонъ остроумно замѣчаетъ, что эстетическая критика сводилась теперь къ двумъ вопросамъ: „Кто лучше: нигилистъ, или не нигилистъ? и кто правъ: Красновъ или его жена“? *)

Поэтому произведенія Толстого, не имѣвшія ничего общаго съ волновавшими всѣхъ вопросами дня, были почти незамѣтны. Успѣхъ „Севастопольскихъ разсказовъ“ совсѣмъ затихъ подъ впечатлѣніями этой войны, и прошло почти пять лѣтъ, пока критика не вспомнила своей обязанности снова указать читающей публикѣ на самостоятельный талантъ молодого писателя.

---

*) Это замѣчаніе относится къ различію мнѣній по поводу Тургеневскаго романа: „Отцы и дѣти“ и драмы Островскаго „Грѣхъ да бѣда на комъ не живутъ“.

Теперь намъ станетъ ясно, почему графомъ Толстымъ однажды овладѣло враждебное отношеніе къ публикѣ. Петербургскіе друзья не хотѣли понять его индивидуальности; а тутъ, казалось, его забыли даже почитатели его первыхъ произведеній. Даже такой chef d'oeuvre, какъ „Семейное счастіе", прошло едва замѣченнымъ.

Наконецъ „Казакамъ" удалось пробить брешь. Критикъ Ап. Григорьевъ, никогда весь не отдававшійся какой-либо поэзіи, указывалъ публикѣ въ обширныхъ статьяхъ: „Явленія современной литературы, просмотрѣнныя нашей критикой", напечатанныхъ въ журналѣ „Время" 1862 г., на непростительное равнодушіе къ такому таланту, какимъ обладалъ Левъ Толстой. Онъ старался выяснить причины пренебреженія къ такой значительной силѣ и обзоромъ его произведеній за истекшее десятилѣтіе опредѣлить характеръ писателя. Въ сущности это было одно и то же. Безучастность читателей и ихъ руководителей—критиковъ объяснялась характеромъ самостоятельной личности писателя.

Эдельсонъ повторилъ упреки Григорьева, — слова его были рѣзче и яснѣе, и онъ старался открыть руководящую идею всей дѣятельности графа Толстого и изъ нея уже выяснить себѣ равнодушіе его бывшихъ почитателей. По его мнѣнію, хвалебныя статьи по поводу только что

вышедшихъ изъ печати „Казаковъ“ должны были вернуть читающую публику къ забытому писателю.

И точно, призывные голоса Григорьева и Эдельсона не остались вопіющими въ пустынѣ. Если имъ и не вполнѣ удалось сдѣлать графа Толстого предметомъ критики, то они все-таки снова обратили на него общее вниманіе и, по счастью, при появленіи такого произведенія, отъ котораго не отдѣлаешься нѣсколькими словами и къ которому волей-неволей пришлось стать въ извѣстныя отношенія.

Даже лирикъ Полонскій, не занимавшійся литературной критикой по спеціальности, чувствовалъ потребность высказаться о „Казакахъ“ и сказать публикѣ, „что я сказалъ бы и самому автору, если-бъ я, какъ прежде, встрѣтилъ его и онъ спросилъ бы меня о моемъ мнѣніи“. По мнѣнію Полонскаго, „Казаки“—„произведеніе выдающагося художника, но не художественное произведеніе“. Какъ русскій критикъ, онъ требуетъ отъ „Казаковъ“ типичности. Онъ сравниваетъ Оленина съ Алеко изъ Пушкинскихъ „Цыганъ“ и старается выяснить отсутствіе и непослѣдовательность характера. Въ его сужденіи господствуютъ предвзятыя теоріи: созданная непослѣдовательность героя переходитъ въ непослѣдовательность характера самого автора. Но и онъ признаетъ преимущество произведенія, особенно вѣр-

ность изображенія, въ чемъ онъ свидѣтельствуетъ своимъ личнымъ пребываніемъ на Кавказѣ. Красота этого произведенія превышаетъ всѣ его недостатки; отъ всего разсказа такъ и вѣетъ воздухомъ Кавказа. Это настоящій, не подкрашенный, романтическій Кавказъ, съ своими романтическими героями. Каждая черта, характеризующая природу страны, вѣрна; а казаки! Лукашка, дядя Ерошка, хорунжій... особенно Марьянка. И я въ молодости проходилъ по казацкимъ станицамъ и тоже былъ знакомъ съ казацкими дѣвушками: Марьянки и Устеньки еще до сихъ поръ, хотя и туманно, возстаютъ въ моемъ воображеніи. Образъ ихъ вырисовался еще рельефнѣе, когда я прочелъ этотъ разсказъ графа Толстого.

Также и Петръ Анненковъ съ восторгомъ говорилъ о „Казакахъ" въ очень умной статьѣ, въ которой между прочимъ старался отыскать исходную точку литературной и педагогической дѣятельности Толстого, и нашелъ ее въ „анализѣ", въ сознательномъ влеченіи описывать различныя душевныя состоянія, въ томъ, что мы раньше назвали анатоміей души.

Анненковъ находитъ также нить, которая связывала, повидимому, одиноко стоявшаго графа Толстого съ умственной жизнью его страны. „Мыслящая часть нашего общества преисполнена стремленій къ простотѣ, естественности, къ новымъ мѣриламъ для

опредѣленія нравственнаго достоинства человѣка и къ новымъ средствамъ къ его политическому и гражданскому воспитанію. Въ сущности это было единственнымъ стремленіемъ литературы, какъ научной, политической, экономической, такъ и искусства и беллетристики. Подобное движеніе можно замѣтить и въ европейскихъ литературахъ, но между ихъ и нашей огромная и радикальная разница. Тамъ люди ищутъ въ народѣ и низшихъ слояхъ общества новые источники чувства и жизненныхъ откровеній, чтобы пріобрѣсти поддержку для цивилизаціи, которую — чтобы они тамъ ни говорили въ пылу гнѣва и раздраженія — никогда ни на что не промѣняютъ. Мы ищемъ чего-то другого: мы ищемъ, не найдется ли гдѣ у насъ въ основныхъ слояхъ населенія законченной, полной культуры, которая могла бы отвѣтить на всѣ справедливые вопросы человѣка и общества и которая дала бы намъ мѣсто среди совершенно готовой національной культуры. Поиски европейскихъ литературъ суть слѣдствія стремленій поддержать существующее зданіе въ его первобытной красотѣ, новизнѣ и свѣжести; всѣ наши дѣйствія—это блужданіе въ пустынѣ, отыскиваніе себѣ мѣста осѣдлости, которое, какъ говорятъ наши писатели, ждетъ насъ и приготовлено къ тому, чтобы умирить наши желанія и стремленія".

Къ числу восторженныхъ поклонниковъ

таланта графа Толстого, присоединилась и Евгенія Туръ, несмотря на то, что она жестоко упрекала его за его поэтическую идеализацію пьянства, воровства, кровожадности и т. п.

Какъ скоро взоры общества были обращены на графа Толстого, такъ и выяснилось крупное значеніе его творчества.

То гармоническое отношеніе художественной формы къ богатому мыслями содержанію, которое господствуетъ во всѣхъ его произведеніяхъ, едва было понято его современниками, зараженными тенденціями. Но русскій читатель могъ по справедливости оцѣнить ту силу, съ которой графъ Толстой характеризовалъ людей всѣхъ общественныхъ классовъ: крестьянъ и дворянъ, мирныхъ гражданъ и военныхъ, простыхъ солдатъ и офицеровъ, европейцевъ и азіатовъ во всѣхъ ихъ жизненныхъ проявленіяхъ, силу, съ которой онъ анализировалъ душу, какъ мужчины, такъ и женщины, во всѣхъ ея движеніяхъ. Для читателя было ново, что во всѣхъ произведеніяхъ графа Толстого чувству любви было придано далеко не такое выдающееся значеніе, какъ въ разсказахъ другихъ писателей, что онъ безпощадно, со всей наивностью душевной чистоты отважился показать всю неприглядную наготу многаго изъ того, что казалось общепризнанною святыней, сорвать маску съ скрытой пустоты свѣтскихъ людей, жес-

токо разоблачить тайны брачнаго рынка (22 глава „Казаковъ“), осмѣивалъ сословіе врачей, которое само себя окружаетъ лучезарнымъ вѣнцомъ и, пользуясь всеобщимъ довѣріемъ, старается показаться чѣмъ-то въ родѣ жрецовъ (см. „Поликушку“ въ концѣ 2-й гл.).

Но каково бы ни было отношеніе отдѣльнаго читателя къ графу Толстому, а рядъ его крупныхъ произведеній изобличаетъ въ немъ, какъ плодовитаго, такъ и многосторонняго писателя.

Онъ началъ съ біографическаго романа, съ исторіи умственнаго и нравственнаго развитія человѣка. Превращеніе мальчика въ отрока, отрока въ юношу, юноши въ зрѣлаго человѣка онъ рисуетъ намъ съ такой поразительной точностью перемѣны въ чувствахъ и мысляхъ. Вліяніе первой окружающей среды, товарищей въ школѣ, друзей съ ихъ близкими родственниками,— все принимается въ разсчетъ, въ основу котораго берется отношеніе естественныхъ склонностей къ воспитанію, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Итакъ, художественная задача романа есть изображеніе стремленій къ совершенствованію, а главное художественное средство писателя—психологическій анализъ. Послѣдній былъ издавна излюбленнымъ средствомъ русскихъ писателей; поэтому ни въ какой другой литературѣ не доведенъ онъ до такой высоты. А графъ Тол-

стой въ первомъ же своемъ произведенiи показалъ намъ величайшее мастерство въ расчлененiи душевныхъ состоянiй, мастерство, въ которомъ равняется съ нимъ только Достоевскiй. Идея же романа была нова для Россiи. Уже одно то, что она покоится на почвѣ **позитивной** и выставляетъ опредѣленный идеалъ, отличаетъ произведенiе графа Толстого отъ пессимистическаго и сатирическаго духа, которыми проникнуты большею частью произведенiя другихъ писателей; при чемъ этотъ идеалъ нельзя назвать недосягаемымъ, или сказать, что его достигнуть могутъ только немногiе избранники. Кто постоянно, съ безпощадной честностью испытываетъ самого себя, тотъ легко можетъ достигнуть той высоты, на которую ставитъ Николая Иртеньева его стремленiе къ совершенствованiю, такъ какъ между чувствами такого человѣка и благородными чувствами общества, вполнѣ потерявшаго **естественность**, нѣтъ ничего общаго.

Толстой, изображаетъ намъ въ своихъ юныхъ произведенiяхъ и свое столкновенiе съ неоткровенностью, которая, по его мнѣнiю, связана съ культурной жизнью, и съ простотой, замѣтной тамъ, куда не проникло еще образованiе; но вездѣ проблема выражена со всѣхъ сторонъ.

„Утро помѣщика“ рисуетъ намъ непримиримость великихъ контрастовъ въ сферѣ русской сельской жизни. Въ тѣхъ раз-

сказахъ, въ которыхъ мѣстомъ дѣйствія является или столица или другой городъ, графъ Толстой показываетъ намъ съ неприглядной ясностью всѣ недостатки людей высшаго образованія. Тамъ же, гдѣ, какъ на Кавказѣ или въ Севастополѣ сталкиваются человѣкъ изъ народа съ сыномъ культуры,—первый въ сравненіи съ вторымъ является сильнѣе и лучше. Всѣ чувства общества неоткровенны, безнравственны. Даже чувство любви такъ уклонилось отъ естественнаго, что дѣлается абсолютной цѣлью, между тѣмъ какъ въ природѣ это чувство является только средствомъ.

Чтобы освободиться отъ этихъ оковъ культуры, мы должны юное поколѣніе воспитывать внѣ нашихъ предразсудковъ. Мы не имѣемъ права учить ребенка той правдѣ, въ которой мы сами сомнѣваемся. Напротивъ того, мы должны прислушиваться къ его инстинктамъ и вести только къ полному развитію его чистую натуру.— Вотъ это и есть связь произведеній графа Толстого съ его педагогической дѣятельностью.

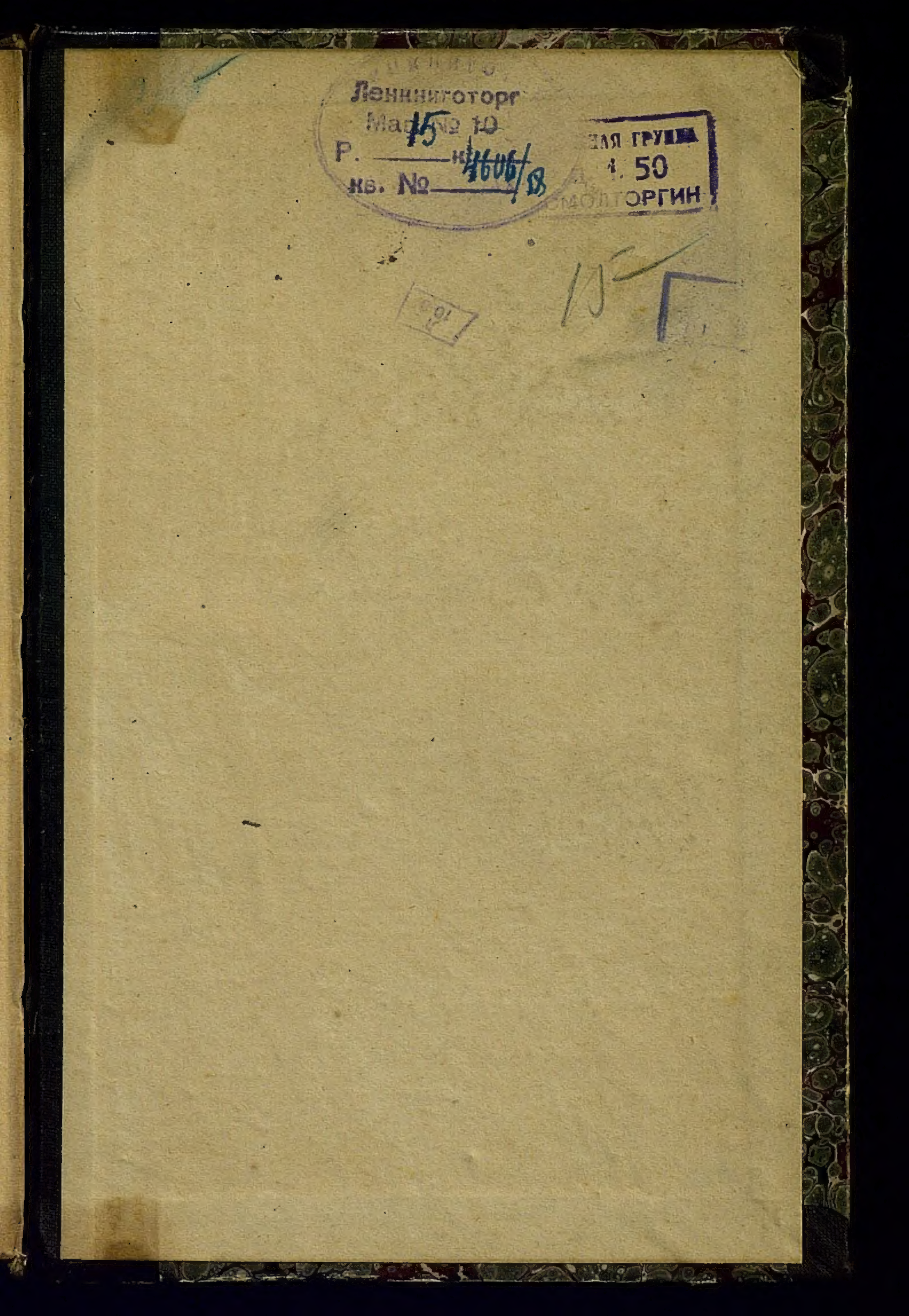
Во всѣхъ его произведеніяхъ замѣтно стремленіе воплотить свои нравственныя воззрѣнія, неготовое и незаконченное, но постоянно обновляющееся. Это было основнымъ различіемъ между графомъ Толстымъ и его соотечественниками и современниками, которое критика не тотчасъ же при-

знала, но на которое безсознательно указываютъ то одинъ, то другой критикъ. Всѣ они предписали себѣ одно направленіе и служили ему по силѣ меньшаго или бо̀льшаго творческаго дарованія.

Графъ Толстой съ неотступной напряженностью стремился къ **міросозерцанію**, которое могло бы разрѣшить ему то страшное противорѣчіе, которое онъ вездѣ встрѣчалъ тамъ, гдѣ соприкасались оба міра—міръ образованный, культурный съ міромъ первобытнымъ, естественнымъ. Въ этой борьбѣ онъ все болѣе и болѣе принималъ сторону послѣдняго. Самолюбію онъ противопоставляетъ самоотреченіе, борьбѣ за обладаніе—полную любви человѣчность, постоянно готовую стать на помощь, враждѣ народовъ—вѣчный міръ.

Теперь, въ года, когда онъ достигъ личнаго счастья и высшаго развитія силъ, графъ Толстой успокоился отъ этого стремленія. Теперь его талантъ могъ устремиться на болѣе высшіе труды: „Войну и міръ“ и „Анну Каренину“. Эти произведенія составляютъ содержаніе слѣдующаго десятилѣтія жизни графа Толстого.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Ленкниготорг
Р.
кв. №
1. 50
СМОЛТОРГИН

